

Андрей Величко Сергей Калашников
Будем жить!

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - HL; OCR, ReadCheck - Student; Conv - Iгореk67)

«Будем жить! / Андрей Величко»: Издательства: Эксмо, Яуза; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47922-1

Аннотация

Есть такой старый анекдот: «Неужели вы не любите кошек? Наверное, вы просто не умеете их готовить!» Улыбнулись? А теперь ответьте на вопрос: «Неужели вы не любите инопланетных пришельцев?»

На самом деле первое вторжение «чужих» было зафиксировано еще в 1977 году, но

случилось это не в южноамериканских джунглях, а в Забайкалье, и напоролись «хищники» не на спецназ янки под командованием хляка Шварценеггера, а на разведвзвод десантно-штурмовой бригады Советской Армии, который не боится ни бога, ни черта, ни «братьев по разуму», но еще не определился, как их лучше подавать: хорошо прожаренными или с кровью? Девиз ВДВ: «С неба — в бой!», а если надо, десантники готовы бить врага даже на небесах — вот только в ходе преследования удирающих «похитителей тел» выясняется, что явились они вовсе не из космоса. Тогда откуда?

Андрей Величко, Сергей Калашников БУДЕМ ЖИТЬ!

От автора

Все цифровые параметры, относящиеся к пирамидам, умышленно искажены. В описание рабочей зоны еще более умышленно введены неточности, потому что только этого нам и не хватало, чтобы любой дурак мог повторить здесь описанное!

Пролог

Большая конференц-зала княжеского терема, используемая обычно для пиров и боярских советов, была почти пуста. Вся ее обстановка состояла сейчас из небольшого стола и двух стульев, и только два человека находились в помещении, куда, бывало, набивалось и до полусотни гостей.

Князь сумрачно глянул на сидевшего напротив него епископа и сказал:

— Говори, отче.

— Икона храма Спасителя начала светлеть ликом, — услышал он краткий ответ.

— Что? — вскинулся князь. — Сам видел, отец Феодосий?

— Сам. И светлеет лик споро. Не как в прошлый раз. Через седмицу, похоже, откроет образ глаза. Услышаны твои и мои молитвы, князь. Теперь надо, чтобы народ наш смог выразить мольбы свои. Не как в прошлый раз, еще раз говорю я!

— Не будет такого, — прихлопнул кулаком по колену князь, — слово тебе даю. Сам стану первым, нет у нас больше надежды, кроме как на Божье чудо. И народ весь как один встанет...

— Весь — не надо. Кроме дюжины монахов, еще потребно сорок человек, чистых душой и помыслами, и чтоб ни о чем мирском и думать не смели, а только о просимом у Господа! Сам-то ты это осилишь, княже?

— Осилю.

— Значит, три дня на сборы. Четыре дня — пост. И в светлую субботу начинаем молебен о ниспослании Защитника.

Часть первая

Глава 1 ДЕМБЕЛЯ, ДЕНЬ ПРОШЕЛ!

В двадцать два ноль три двадцать девятого апреля 1977 года в казарме роты обеспечения десантно-штурмовой бригады раздался традиционный крик:

— Старики, день прошел!

— Ну и х... с ним! — не менее традиционно ответили старики.

Правда, сейчас кричал не салабон, а молодой — потому как после приказа бывшие салабоны стали молодыми, а нового пополнения еще не было. Но дальше последовало

продолжение, которое бывало только в интервале от приказа до демобилизации последнего из увольняющихся:

— Деды, день прошел!

Кричал, ясное дело, фазан — слушать такое от салабона или молодого дедушкам уже неместно.

Если кто не в курсе, то прибывающее в Советскую Армию пополнение в Забайкальском округе называлось зеленью. После принятия присяги зеленые становились салабонами. Прослужив полгода, они превращались в молодых, год — в фазанов. Последние полгода служил уже старик, который после приказа превращался в деда. Ну, а когда на деда уже были оформлены проездные документы и он ночевал в казарме то ли последний, то ли предпоследний раз, его именовали дембелем. Так вот, после крика дедам раздался еще один, в исполнении начальника радиомастерской, старика, сержанта Патрикеева:

— Дембеля, день прошел!

— Ну и х... с ним, — прогудел в ответ единственный дембель, замкомвзвода разведки старшина Малой, и, оглядев казарму, резюмировал:

— Все, спим. Отбой, служивые! И чтоб ни звука — кто мне испортит последний сон в армии, приблю.

Вот уж не знал старшина, что его слова очень скоро окажутся пророческими...

Казарма затихла. Феноменальная сила старшины и его бойцовская квалификация совершенно не нуждались в дополнительных подтверждениях. Впрочем, он и не вставая мог метнуть сапог на звук, причем почти со стопроцентной гарантией попадания. И потом жертве еще пришлось бы на цыпочках нести этот сапог обратно! Предварительно почистив, если он вдруг запахнет. Правда, это относилось в основном не ко взводу разведки, а к прочим населяющим казарму — всяким поварам, банщикам, писарям и складской команде. И к радиомастерской, за исключением ее начальника. В неофициальной табели о рангах казармы сержант Патрикеев стоял сразу после Малого, да и к тому же были они закадычными друзьями. Вот и сейчас Патрик проигнорировал грозный приказ старшины, и, порывшись в тумбочке, куда-то отправился — скорее всего, в свою мастерскую.

А в пять утра казарма была разбужена криком:

— Разведка, подъем, тревога, получить оружие! Остальные — брысь, не до вас!

Кричал Патрик. После этого он брезгливо глянул на пытающегося проснуться дневального и мимоходом занес ему выговор в грудную клетку, от которого тот охнул и согнулся. Патрик же, сказав что-то подбегавшему дежурному по роте, достал ключи из тумбочки и пошел отпирать оружейку.

— Андрюх, что случилось-то? — спросил Патрика первым одевшийся и подбегавший к оружейке старшина.

— Какие-то бандиты напали на подсобное хозяйство. Стреляют. Вас посылают разобраться, я с вами, для связи. А ты что — тоже? Ведь поезд уйдет, пока воюешь.

— Другому бы за такое в репу! — возмутился Малой. — Что, всерьез стреляют?

— Еще как, и непонятно из чего. Взводный с «шишигой» и бэтээром обещал быть минуты через три. Мой «газик» уже тут. Авиагруппа поднимает три вертолета.

— Эх, и как это ты успеваешь все узнать, — вздохнул Малой. Вопрос был риторическим, потому что только с появлением Патрикеева в бригаде нормально заработала связь, и, собственно, она на нем и держалась. Комбриг, деловой мужик, лично ездил в Москву за пополнением и там как-то смог получить призывника, которого уже практически определили в Арбатский военный округ как ценного специалиста.

Через полчаса спешно приехавший в штаб комбриг слушал телефонный доклад комвзвода разведки.

— Что?! Какие еще инопланетяне, ты же не пьешь, старшой! Как? Вспышка, и вдруг

они появляются на пустом месте? Баб хотели увести? Да слышу я, что это не вы стреляете! Разрывными? Ну, твари... Сколько?! Бригада, боевая тревога! Все В-двадцать четвертые — в воздух!

И, обернувшись к начштаба, комбриг приказал:

— Остаешься тут, на хозяйстве. Наверх можешь докладывать что хочешь, а я с первым батальоном. Не имею права? Там наших ребят убивают. Мне в такой ситуации никакие инструкции и приказы не нужны. Бывай, подполковник.

Разведзвод попал под обстрел, не доехав примерно полкилометра до подсобного хозяйства. Когда идущий первым БТР-60ПБ свернул в поворот, по следующей за ним «шишиге» из кустов ударил залп. Станный такой залп, как-то отстраненно подумал Патрик, ударяя по педали тормоза. Полное впечатление, что стреляют охотничьи ружья, причем патроны снаряжены «Оленем»... Однако стреляют очень часто и точно, «шестьдесят шестой» вон, уже горит. Сзади ойкнул ткнувшийся мордой в рацию от резкого торможения связист.

— Из машины! — рывкнул ему сержант, сам вываливаясь из «газика» в пыль дороги. И вовремя — в серый ящик рации, стоящий как раз за спиной водителя, ударила пуля. В рации зашкворчало, сквозь жалюзи повалил дымок.

— Ах так, значит, — пробормотал Патрик, судорожно соображая, что же теперь делать. И тут он увидел, как выскочивший из кузова грузовика Коля Прокопец вдруг, как будто после хорошего удара, отлетел на пару шагов, причем он — отдельно, а его рука с автоматом — отдельно...

Дальнейшее Патрикеев помнил плохо. Вот он рванул вниз переводчик огня своего акаэмэса, прицелился чуть ниже дыма из кустов и дал короткую, как на стрельбище, очередь на три патрона. Еще дым, еще очередь... Потом сильный удар в живот, отбросивший его от машины, и темнота.

Пятнадцать секунд, на которые Патрик отвлек внимание противника от горящей «шишиги», позволили старшине Малому пресечь панику, возникшую в кузове после первых выстрелов из засады. Брезент на противоположной от засады стороне кузова был взрезан, и разведчики быстро попрыгали в придорожную канаву.

— По дымам! По дымам бей, а потом на полпальца ниже! — орал старшина, когда из-за поворота показался пятящийся задом БТР. Его пулеметная башенка уже смотрела вбок, и наконец загрохотал КПВТ.

— Стрелять, если только кто высунется! — отдал новую команду старшина. Но стрелять не пришлось, огонь из кустов прекратился, и никто оттуда не высовывался. Так, кажется, пора...

— Слон, Колумб, за мной! — крикнул Малой, и, в два прыжка преодолев дорогу, залег в кювете на той стороне. Рядом плюхнулся ефрейтор Солонилов по кличке Слон, получивший ее из-за роста метр шестьдесят пять при весе пятьдесят восемь. Причем он не прибавлял его даже после года службы, но бойцом был отменным. Рядовой Прилуцкий, имевший привычку к месту и не месту вставлять «тоже мне, открыл Америку!», вошкался около придорожного куста, зацепившись за него ремнем автомата. Вот же чмо болотное, подумал старшина. Или просто очко играет идти под пули? Так его и там сейчас в момент положат, если будет кому!

Но, похоже, огонь тяжелого пулемета сделал свое дело, да и старшина был уверен, что уж он-то точно разок попал, а скорее всего и не один.

— Ну, Слоняра, не забдишь, как этот? — бросил Малой ефрейтору и, не оборачиваясь, короткими перебежками, от дерева к дереву, бросился вперед. Слон не отставал. Вот и место, откуда вела огонь засада... Бывшая засада, уточнил про себя старшина, глядя на семь валяющихся в молодой траве трупов. Так, этого из автомата положили, этого тоже. Или он вроде жив? Ладно, старшой разберется. А остальных — из КПВТ.

— Агония, — сказал подошедший командир разведзвода старший лейтенант

Мартынов. Из всего разведзвода только он имел настоящий боевой опыт, полученный еще солдатом, восемь лет назад, на острове Даманском. Старшина тоже участвовал в одном из периодически возникавших на советско-китайской границе инцидентов, но то была просто перестрелка без прямого столкновения с противником.

Старший лейтенант внимательно осмотрел трупы. Черт возьми, такое впечатление, что это вообще не люди! Или, точнее, люди, но какой-то до сих пор неизвестной расы. Черты лиц — европейские, пожалуй, в них при желании можно увидеть что-то семитское. Кожа смуглая, необычного серовато-желтого оттенка. И уши, большие, заостренные вверху и почти лишенные мочек.

Нападавшие были в каких-то странных маскахалатах, больше всего похожих на плащи, обшитые листьями. Под ними — не менее необычная одежда, при взгляде на которую старшему лейтенанту припомнилось слово «кафтан». В общем, что-то чуть ли не дореволюционное. И оружие...

Мартынов поднял нечто, напоминающее мосинскую винтовку, но калибром миллиметров двенадцать и с большим квадратным магазином. Надо же, как аккуратно сделано... так, ствол нарезной... затвор, как у «моси», передергиваем. Ну и патрон! Гильза длиной почти семьдесят миллиметров при диаметре около двадцати, конусности нет, пуля экспансивная оболочечная, судя по надрезам. Понятно, почему поначалу их приняли за разрывные! Порох — явно дымный, и нагар, и запах ни с чем не спутаешь. Магазин неотъемный, заряжается из обоймы, судя по длине — патронов на семь. Да что же это за басмачи такие ископаемые?

— Трое ушли, — доложил Слон, закончивший беглый осмотр следов на месте засады. — Один серьезно ранен, его тащили с двух сторон, но ногами он перебирал сам. Похоже, что тот, который тащил справа, тоже подранок.

Слону можно было верить, он призывался из сибирской деревни и происходил из семьи потомственных охотников.

Лейтенант посчитал винтовки. Девять, значит, если у каждого было по одной, у убежавших один ствол на троих.

— Значит, так, — принял решение лейтенант, — никуда они из этой рощицы не денутся, тут — дорога, там болото, а впереди только что вскопанные огороды. Продолжаем двигаться к подсобному хозяйству. Я на бэтээре, взвод под твоей, старшина, командой бегом за ним.

— А как... начал было старшина.

— Патрикеев? Жив, хотя такая пуля в живот... Его и еще двоих раненых отправили на «газике» в госпиталь. Ну, если Айболит там опять пьяный, лично потом башку оторву! Хотя откуда ему в шестом часу утра пьяным быть, с похмелюги небось, алкаш херов...

— Это хорошо, что раненых увезли, но рожки их где? У меня один уже почти пустой.

— Здесь, возьмешь у Кузьмина. Все, двигаем.

— Слон, если что, ты за меня, — на бегу сообщил ефрейтору старшина.

— А как же сержант...

— Слоняра, мля, триндеть на гражданке будешь! Сказал — ты, значит ты.

До подсобного хозяйства взвод добежал минуты за четыре и без проблем. Там его встретил заведующий этим подразделением прапорщик, бледный, небритый, трясущийся, без ремня и фуражки.

— Инопланетяне, товарищ старший лейтенант! — рыдающим голосом, но с соблюдением субординации доложил он. То есть поначалу он вовсе не мог ничего говорить, но, получив две увесистые пощечины, частично пришел в себя и обрел дар слова. — Чем угодно клянусь — они! Представляете, вышел я до ветра, и вдруг вон там какое-то голубое свечение. А потом как вспыхнет, как хлопнет! Бац — и вдруг посреди огородов квадрат, а на нем эти черти... Сразу стрелять начали, Миньке, вон, в голову попало...

Тут прапорщика вырвало, потому как рядом действительно лежал труп, причем головы

у него, можно сказать, и не было.

— Дальше что?! — рявкнул старший лейтенант, примериваясь — как бы, не испачкавшись, вклеить прапору еще разок, пока тот совсем не скис.

— Не бейте, товарищ старший лейтенант! Не знаю, не видел, что дальше было, я сховался! Слышал только, что бабы деповские голосили, да так истошно... Потом стрельнуло несколько раз, и тишина.

Подсобное хозяйство бригады располагалось рядом с таковым же от вагоноремонтного депо, сажало ту же картошку и растило тех же свиней. Вся разница состояла в том, что на бригадном участке работали солдаты, а на деповском женщины из поселка.

— Да сами посмотрите, товарищ старший, — продолжал тем временем прапорщик, — вот же он, этот ихний квадрат!

Действительно, примерно посередине между бараком бригадного хозяйства и щитовыми домиками деповского, на свежевскопанном огороде красовался правильный квадрат примерно двадцать на двадцать метров, заросший высокой, почти по пояс желто-зеленой травой совершенно незнакомого вида. Трава в основном была неплохо утоптана. Отлично видимые на пашне следы вели от квадрата к домикам, а от них — к лесу. Перед собственно лесом было примерно метров сто каких-то кустиков, и там, кажется, что-то шевелится... Старший лейтенант поднес к глазам бинокль.

— Ерофеев, — крикнул он через несколько секунд, — наведи пулемет на вон те кусты! Без команды не стрелять.

Башенка бэтэра чуть повернулась, и ствол КПВТ, самую малость подвинувшись вверх, замер. Над кустами тем временем сначала еле заметно, а потом все ярче и ярче разгоралось фиолетовое сияние. Вдруг оно сменилось яркой вспышкой.

— Ложись! — крикнул Мартынов, сам первым выполняя свою команду и рыбкой плюхаясь под забор. Вовремя — на месте кустов теперь был точно такой же квадрат, как в огороде, только раза в два побольше. И весь усеянный фигурками в камуфляжных плащах. — Огонь! — это уже пулеметчику.

Снова загрохотал КПВТ, но теперь ему отвечали. На квадрате противника вспухло круглое облако серо-белого дыма, и почти тут же сарай, за которым стоял бэтэр, разнесло взрывом. Новое облако дыма на квадрате, новый взрыв, теперь уже на броне... Оглушенный Мартынов поднял лицо от земли. Как там Ерофеев, успел подумать старший лейтенант, и тут, словно в ответ на его мысль, КПВТ дал еще одну очередь. Видно было, как фигурки в квадрате падают под пулями, но следующий снаряд противника попал прямо в башенку. Пулемет замолчал. И в наступившей тишине вдруг явственно послышался нарастающий свистящий гул.

— Наши! — радостно крикнул кто-то, вскочив, но тут же упал, отброшенный назад тяжелой пулей.

— Лежать! — заорал Мартынов. — Огонь вести только из-за укрытия!

Гул становился все сильнее, из-за сопки появилась первая тройка идущих на минимальной высоте «двадцать четвертых», за ней вторая... Вот с пилонов ведущего вертолета сорвалось четыре ракеты, за ним дал залп еще один, потом еще.

— Отставить огонь! — крикнул старший лейтенант и добавил, теперь уже про себя:

— Сейчас все сожгут на хрен, а потом спохватятся, языков им подавай... Хорошо хоть, что эти инопланетяне прилетели до того, как старшина Малой успел дембельнуться. В рощице-то еще трое остались, этих, пожалуй, можно будет и взять. Пойду я, старшина и Слон, остальные там только под ногами будут путаться. Эх, е мое... И ведь мой взвод — это лучшее, что есть в бригаде, а та отличается от обычной дивизии, как старик от салабона. Что будет, если эти пришельцы попрут на нас, как немцы в сорок первом?

Никол Вран, теряя последние силы, бежал к краю рощицы. Нет, он не был ранен, как его командир Зиновий Журба, но активатор перехода весил без малого восемнадцать кило. А до потенциальной зоны оставалось не менее трехсот метров!

Десять минут назад умер раненый Зрей Собак, а командир, поморщившись от боли в простреленном плече, молвил:

— С нашими, пытавшимися увести людов, все кончено. Сейчас в лес пошли солдаты, будут прочесывать, но, по-моему, живых там уже нет. Откуда, леший их побери, у этих дикарей такое оружие? Ведь сам же я ходил сюда, сам и всего шестьсот лет назад! Ничего, кроме кривых луков из каких-то рогов, у людов тут не было. И разведка, она же была тут прошлым днем, не заметила никаких изменений, кроме как в одежде! Ладно, извини, Никол. Тебе придется уходить одному. Потому что я слышу шум мотора от людовской машины, а это значит, что, скорее всего, добрались уже и до нас... Подожди, я сейчас.

— Да, — сказал Зиновий, беззвучно появившись из кустов минуты через три, — это именно за нами. Три люда. Гигант, похожий на гориллу с Северных гор, еще один, одетый немного не так, как все, я думаю, командир. И самый маленький, даже ниже нас ростом, но самый опасный. Он следопыт, чувствует себя в лесу не хуже нас, но это его лес. От него нам не скрыться. Давай свой самострел и запасные обоймы, я задержу их. А ты беги! Не надо впустую паяться на индикатор, откуда на холме, да еще поросшем лесом, возьмется потенциальная зона? Она там, где начинаются огороды дикарей. Бери активатор, Никол, и беги, наши должны узнать, что здесь случилось.

И Никол, повинуясь приказу старшего, побежал к краю леса. За его спиной четыре раза подряд грохнул самострел Зиновия, потом протрещали три очереди из местного оружия, снова гулкий «б-бум» самострела. Затем небольшая пауза, и, как завершающая ее точка, короткий «ду-ду-ду» оружия дикарей. Больше Зиновий не стрелял, и это значило, что с ним все кончено.

Не будь у Никола громоздкого и тяжелого ящика, он бы сумел скрыться от продолжающего преследовать его огромного дикаря. Хорошо хоть, что тот был один, видимо, Зиновий все-таки успел завалить командира и маленького... Но лес уже кончался, прятаться было поздно, нужно было бежать вперед и надеяться, что удастся достичь потенциальной зоны, настроить активатор и образовать переход до того, как дикарь настигнет свою жертву. И почему он не стреляет, у него что, кончились патроны? Все, добежал, теперь только бы успеть...

На табло индикатора засветилось три точки. Только этого не хватало, мысленно застонал Никол, ложные маяки! Из-за такого в прошлый поход вторую группу вместе с добычей выбросило на Южный материк, где та группа и сгинула. Что там говорил наставник? Ложные маяки — это какие-то природные феномены, от нашего они отличаются меньшей интенсивностью, но большей стабильностью. И действительно, крайняя правая точка была заметно ярче двух других. И вдруг она прямо на глазах засветилась еще сильнее! Никол лихорадочно крутил верньеры настройки, не смея оторвать глаз от табло, но явственно слыша приближающийся топот дикаря. Все, можно активировать... Рука Никола уткнулась в кнопку, но тут в воздухе что-то мелькнуло, и наступила тьма.

Старшина Малой бежал ровно, как на кроссе, которые старший лейтенант устраивал своему взводу через день независимо от погоды. И-вдох, и-выдох... Никуда ты от меня не уйдешь, козел инопланетный, за этими деревцами не спрячешься. А бегаешь ты хреново, да еще какой-то ящик на себе тащишь. Оружие? Вряд ли, иначе давно стрельнул бы. Рация? Может быть, но почему тогда он ее не бросит? Или этот, как там командир говорил — телепортатор? Они же не на ракете сюда прилетели, а просто хлоп — и тут! Вот небось этот прибор тот самый хлоп и делает. А почему этот пришелец в лесу свой прибор не использовал — так, наверное, в лесу он не хлопает, те два квадрата были на голом месте. Точно, к огородам бежит, гад! Или вызвать подмогу хочет, или сам слинять. Ага, присел, какие-то ручки крутит... а вот хер тебе поперек всей твоей инопланетной глотки!

Эту мысль старшина додумал уже в прыжке, нацелясь каблуком дембельского сапога в затылок сидящего Никола. И тут сверкнула ослепительная фиолетовая вспышка.

Малой несколько раз моргнул — нет, слава богу, он не ослеп, просто вокруг полутьма. Затащил, значит, все-таки к себе гад инопланетный?! Ну, держитесь, сволота, у меня еще три рожка, покажу я вам напоследок, кто такой Слава Малой и почему его обижать вредно для организма... Старшина пружинисто вскочил и огляделся. Инопланетянин валялся метрах в трех и не подавал признаков жизни. Рядом подмигивал красным огоньком инопланетный ящик. Под ногами была пашня огорода и здоровенный валун у ее края, который, как старшина точно помнил, торчал тут и на Земле. А вокруг... ну точно, церковь! Свечи, иконы, попы самые настоящие, в рясах и похожих на высокие тюбетейки шапочках, со здоровенными серебряными крестами на груди. И на коленях, что интересно. Причем наши, русские попы, видно же, что не эти инопланетные уроды!

— Слава! — возопил ближайший к Малому поп.

— Чего тебе, дедуля? — растерянно спросил Малой.

— Слава те Господи, что не оставил помирати смертью жестокой рабов своих и явил Защитника! Возблагодарим же Господа, братия!

— Слава! Слава! — хором запричитали остальные попы.

Ого, попытался прокачать обстановку старшина, что-то у инопланетянина пошло не так. Вряд ли он к своим попал, никто ему даже и не пытается помочь, а вон тот попик и вообще так на него зыркает, что того гляди прирежет, если найдется чем. А ко мне со всей почтительностью, на коленях стоят и защитником называют... вот только странно они как-то говорят, вроде и по-русски, но не совсем. Что-то в их речи такое проскальзывало, что Малой уже явно раньше слышал, но где? Кажется, давно... точно, в школе, когда Софья Николаевна заставляла их зубрить какую-то древнюю сказку о чьем-то не то взводе, не то батальоне. Как же там было? Не лепо ли нам бяше, братия... А, все равно не вспомнить. Ладно, захотят — поймут, подумал старшина и обратился к замершей аудитории:

— Ну что, бяши нелепые, говорите, защитник? От кого же вас защищать, от этих?

Старшина повел стволом в сторону поверженного инопланетянина.

Попы, не вставая с колен, истово закивали.

— Та-ак, — протянул Малой, — это можно, вот только...

На занятиях по тактике его учили, что любой электронный прибор может работать маяком.

Старшина подошел к валуну и вывернул его из земли. А ничего, не очень-то и тяжелый, килограмм пятьдесят, не больше...

Малой воздел булыжник над головой и с хеканьем опустил его на инопланетный прибор.

— Нехрен мне тут мигать, — объяснил он собравшимся свои действия. Потом, подумав, поинтересовался:

— А чего это вы с колен со мной разговариваете?

— Не было же соизволения вашего благородия, чтоб мы встали! — объяснил ему ближний попик.

Ого, подумал Малой, не только уважают, называют защитником, но еще и признают за начальство? Сейчас проверим...

— Слушай мою команду! — взревел он хорошо поставленным командным голосом. Все замерли.

— Встать! — продолжился рев старшины. — Ты, ты и ты — проверить, жив ли вон тот, и, если жив, связать. Ты! Минуту думаешь, а потом докладываешь мне обстановку, коротко и по делу. Остальные — вольно, разойдись!

Обстановка, доложенная попиком старшине Малому, выглядела примерно так.

Пленник Малого — это агр, так их назвал первый Защитник. И, кстати, помер пленник, больно уж сильно ваше благородие его по затылку-то, а у них черепушка тоньше, чем у людей. Агры ловят людей и делают из них какое-то лекарство. Кажется, для этого надо сварить кишки жертвы в особом котле, но точно он, отец Авраамий, не знает.

— Вот фашисты! — возмутился Слава.

Попик же продолжал свой рассказ.

Когда-то очень давно здесь появились первые люди. Они были невольниками в каком-то далеком мире, их купили агры, но при переносе покупки к себе что-то у них не сложилось, и далекие предки нынешних русичей оказались здесь. Начали потихоньку обживать, земля тут хоть и холодная, но жить можно, а кое-где есть долины с бьющей из-под земли горячей водой, там даже рожь растет. Но потом агры все-таки нашли поселения русичей, напали, часть увели, оставшаяся часть ушла в глубь материка, но агры приплывали снова и снова, выискивали, где прячутся люди... В общем, в отчаянии русичи воззвали к Господу. Сорок дней и ночей молились они в этом храме, и явлен им был Защитник! Их благородие господин капитан Степан Башкирцев его звали. А вас-то как величать?

— Старшина Вячеслав Малой. Можно просто Слава. Обращение в строю — «товарищ старшина».

— Слышал? — обратился отец Авраамий к попику помоложе. — Нового Защитника зовут «Их благородие товарищ старшина Слав Малой». Так и запиши.

Старшина хотел было сказать, что никакого он не благородие, но передумал. Пусть называют, если им так привычней, да и слово красивое, как в песне про госпожу удачу.

Так что Малой продолжал слушать.

— Всему научил русичей Защитник! — заливался тем временем поп. — Делать порох, ружья, плавить хорошее железо и строить корабли. И от агров при нем получалось отбиваться... Это было великое время. Но прожил Защитник тут сорок лет и два года, и прибрал его Господь. Поначалу-то все продолжалось как при нем, но потом потихоньку стало делаться все хуже и хуже. Ружья наши мастера делали — вроде как у него, а стреляют слабо и неточно. Недавно последний оружейный мастер помер, а ученики его совсем еще молодые... А тех ружей, к коим сам Защитник руку приложил, всего семь осталось, и то одно плохое, не уследили, его ржа поела. Снова начали появляться агры. Нашли рыбацкое селение Моржовку, разорили, людей увели в полон. Было это в прошлом годе, осенью, а недавно разведчик прибежал, с Северного мыса. Видел он там корабли агров... Но господь не оставил рабов своих, и теперь у нас новый Защитник. Ты, ваше благородие товарищ старшина Слав.

В голове у нового Защитника было уже не протолкнуться от мыслей. Но, надо отдать должное как ему, так и регулярно наставлявшему своих разведчиков старшему лейтенанту, все они были по делу. Потому как старлей не уставал повторять — удивляться на гражданке будете, организмы. Лапки заламывать, кричать — да как же так, что делать, кто виноват и так далее. А с солдатом, особенно разведчиком, мало ли чего может случиться. Контузит, например. Очнется солдат черт знает где. Так что слушайте и запоминайте...

В полном соответствии с запомненным старшина первым делом оценил свое состояние — сразу, как только попал сюда. Жив, абсолютно здоров. Потом — блиц-ревизия снаряжения. Автомат, два полных рожка и один неполный, штык-нож, подсумок с двумя индпакетами и универсальной аптечкой, всякая мелочь по карманам. Фляги, правда, нет, она там осталась. Следующим был вопрос — где враги, где свои. С этим вроде тоже в первом приближении ясно. Значит, пора переходить к ориентированию на местности.

— Где, говоришь, разведка обнаружила корабли противника? — спросил старшина попика. — Карта у вас тут имеется? Или на пальцах объяснять будешь?

Отец Авраамий даже слегка обиделся. Учил их прадедов первый защитник и читать, и рисовать карты, и строго наказывал, чтобы монахи свято хранили это умение и передавали его от старших к младшим. А также арифметику, геометрию, химию и инженерное дело. Была еще наука механика, но учебник по ней, Защитником написанный, сгорел, а все три знающих ее монаха погибли. Не учат у нас теперь этому, вздохнул старый монах. И отправил молодого монашка за картой. Малой же решил посмотреть, куда его занесло, и вышел из церкви.

Да, это вам не Рио-де-Жанейро, вспомнил старшина любимую присказку Патрика.

Солнце висело у горизонта, было холодновато, не больше плюс пяти. Под ногами — каменистая почва, из которой кое-где выглядывали редкие зеленые ростки. В противоположной от солнца стороне виднелись заснеженные горы.

— Вечер сейчас или утро? — поинтересовался Малой у вышедшего за ним отца Авраамия.

— Утро, ваше благородие товарищ Слав, восемнадцатое октября двести шестьдесят второй весны от явления первого Защитника.

— Так у вас тут что, октябрь — это весенний месяц?

— Да. Его благородие господин капитан Степан в своем завещании написать изволили, что если новый Защитник этому удивится, то ему, с его позволения, нужно сказать, что эта земля находится в южном полушарии.

Да уж, день прошел так прошел, думал старшина вечером, закончив осмотр выделенной ему избы. Всем дням день! Значит, вот эту шкуру белого медведя стелим сюда и садимся подводить итоги. Затащил его таки агр на свою планету, но вот с местом у гада вышла накладка. И не в первый раз, эти люди, которые тут живут, тоже потомки русских, украденных с Земли черт знает когда, при царе Горохе, но попавших сюда и прижившихся тут. Но ему-то, старшине Малому, что делать? Как вернуться домой? Агры, сволочи, умеют ходить на Землю. Но это очень трудно и получается далеко не каждый год, как сказал предкам здешних попов капитан-защитник. То есть надо проникнуть на территорию противника, произвести разведку, потом захватить кого-нибудь, кто знает, где там у них эти ящики, которые делают «хлоп — и на Земле», снова захват, теперь уже тех, кто умеет с ними обращаться... Трудно, очень трудно, а одному лучше даже и не пытаться. Значит, надо формировать из местных полноценное подразделение, тренировать его, вооружать, готовить командиров среднего и низшего звена... То есть впрягаться и начинать, никуда не денешься, работать Защитником. Вещи и бумаги, оставшиеся от прежнего, надо будет посмотреть завтра, а то сегодня и так уже башка опухла, спать пора, пока шарики не зашли за ролики, а по ним не поехала крыша.

Глава 2 ПОПАЛ? ПОПАЛ

Проснувшись, старшина сразу вспомнил, где он находится и что этому предшествовало, тем более что отец Авраамий, как оказалось, уже ждал у крыльца, и вскоре был подан завтрак в виде пшенной каши с каким-то жирным и жестковатым, но вполне съедобным мясом, похожим по вкусу и на утку, и на рыбу одновременно. Запив ее квасом, старшина приступил к дальнейшему уточнению обстановки.

Когда вчера он изучал принесенную монахами карту, возникла небольшая трудность — масштаб был указан в милях. Вячеслав помнил, что миля явно больше километра, но не мог сказать насколько. Он даже не был уверен, что она меньше двух, и, кажется, они, эти мили, вообще бывают разные. Тем более на чужих планетах. Зато попики говорили, что знают арифметику и геометрию, значит, и флаг им, образно говоря, в руки. А если не образно, то патрон.

Малой выщелкнул его из магазина один и подал отцу Авраамию, который, кстати, не возражал против того, чтобы Защитник сократил его имя до Абрама.

— Значит, — пояснил старшина, — длина гильзы, то есть от сих до сих, у патрона тридцать девять миллиметров. Мне нужна палка длиной в тысячу этих миллиметров, она называется «метр», и вы должны сосчитать, сколько метров в вашей миле и в чем вы там еще меряете расстояния.

Отец Авраамий ушел, оставив в распоряжении Защитника двух послушников, а Слава достал вещь, на которую он вчера не обратил особого внимания при оценке имеющегося при нем имущества — маленький, чуть больше сигаретной пачки, самодельный приемник,

подаренный ему Патриком на дембель. Мало того, что он был как минимум вдвое меньше самого компактного из продающихся в магазинах, «Сокола», так еще ловил не только средние, но и короткие волны. К приемнику имелась запасная батарейка «Крона».

Сработанная руками друга вещь нормально перенесла бой и последовавшее за ним путешествие на другую планету, и Слава быстро пробежался по диапазонам. На средних пусто, только в одном месте, кажется, иногда проскальзывает несущая. А вот на коротких в двух местах удалось поймать какие-то обрывки разговоров! Причем второй вроде был даже на русском, но вслушаться не удалось, прием шел на пределе чувствительности, и слова тонули в шумах. Однако это дело поправимое, подумал старшина и с некоторым сожалением расстегнул и снял брючный ремень. Он был не простой, а дембельский, искусно сплетенный в радиомастерской из разноцветного монтажного провода, так что Малой велел послушникам аккуратно его расплести. Ну, а уж как для повышения чувствительности присоединить к приемнику внешнюю антенну, в разведвзводе знал каждый.

Тем временем вернулся отец Авраамий и сообщил, что в местной миле насчиталось тысяча восемьсот метров, а сам метр делается и к обеду будет готов. Причем обедать его благородие Защитника приглашает к себе князь.

Так, прикинул старшина, получается, что полуостров, на котором расположилась страна русичей, размером примерно с Крым или даже чуть побольше, и они сейчас находятся в семидесяти километрах от его северной оконечности, в деревушке, которую местные называют городом Спасском. Сам полуостров гористый, равнин нет, русичи селятся в долинах, отдавая предпочтения тем, где есть горячие источники. Однако в Спасске их нет, зато добраться до него трудно, в долину ведет всего одна дорога, и есть еще две тропы. С этого места началась история русичей, именно здесь обосновались самые первые. Судя по летописи, которую вел оказавшийся среди переселенцев монах, ныне почитаемый как святой Феофан, поначалу их было около тысячи, а к концу жизни Феофана стало больше четырех. Незадолго до кончины святой объявил, что в Спасске, меж двух холмов у края поселка, нужно построить храм — мол, об этом ему было откровение. Далее он успел написать икону Спасителя, после чего отдал Богу душу. Строительство шло тридцать лет, причем его окончание сильно ускорила находка полузатонувшего корабля агров, груженного бревнами черного дерева. Уже потом, при первом Защитнике, русичи узнали, что оно растет в глубине Дальней северной земли, именуемой Африкой, а тогда просто использовали его для достройки храма.

Однако не все поселения русичей находятся в труднодоступных горных долинах, продолжал свой рассказ отец Авраамий. Многое необходимое для жизни добывается в море, и именно приморские поселки в первую очередь подвергаются нападениям агров. Однако пора идти на обед к князю, вздохнул монах. Князь Глеб прихварывал уже давно, а после трехдневного непрерывного моления о даровании Защитника, в коем он участвовал, ему стало совсем плохо, того и гляди помрет, но перед смертью хочет узреть того, кто станет новой надеждой земли русичей.

Услышав такое, старшина снова пристегнул к ремню подсумок с индпакетами и аптечкой, мало ли, вдруг пригодится.

Княжеский дом стоял в центре Спасска. Был он двухэтажным, первый этаж из камня, второй из бревен. Вячеслав припомнил карту — да, леса на полуострове имелись, но не такие уж большие. Надо будет потом уточнить, как тут с деревом, подумал он, заходя в комнату, где уже был накрыт стол. Однако перед обедом его пригласили зайти в соседнюю комнату к князю.

Князь Глеб оказался сухоньким старичком лет этак примерно шестидесяти-семидесяти, лежащим под шкурами на топчане около печки. Вид у него действительно совсем нехороший, подумал Вячеслав и, представившись — «старшина Малой»! — присел рядом с больным.

— Да уж, всем малым малой, — слабо улыбнулся князь Глеб, — этот же каким же тогда у вас надо вымахать, чтобы большим прозвали?

Он хотел еще что-то добавить, но закашлялся.

— Болеешь, Глеб Ярославович? — сочувственно спросил заранее узнавший отчество князя старшина.

— Да, — кивнул откашлявшийся князь, — и, похоже, скоро приберет меня Господь, пора уже, я ведь шестьдесят первую весну разменял.

— Тогда ты меня, Ярославович, извини, я по-простому скажу, без церемоний. Хочешь, попробую немного тебя подлечить? Не гарантирую, что поможет, но и хуже вроде стать не должно.

Старшина вспомнил, как командир своими словами разъяснял им назначение шприц-тюбиков в аптечке, а то в инструкции все было слишком коротко и заумно вдобавок. Значит, антирад старику ни к чему, противошоковое тоже, а вот универсальный антидот не помешает. И антибактериальное, подумал Вячеслав, потрогав горячий лоб больного.

— Если отец Феодосий благословит, то пробуй, Защитник, — откинулся на подушки князь.

— Благословляю, — подтвердил приведший сюда Малого поп, судя по всему, самый старший среди чернорясой компании.

Сделав князю два укола и прописав продолжение постельного режима, Вячеслав наконец сел обедать в компании отцов Авраамия и Феодосия.

— Если князь все-таки не выживет, кто будет наследником? — поинтересовался старшина, отодвигая последнюю пустую миску и осматривая стол на предмет чем бы все это дело запить. Никаких емкостей в пределах досягаемости не обнаружилось, но тут в помещение впорхнула миловидная девушка и, поставив на стол два объемистых кувшина, выпорхнула обратно.

А очень даже ничего, подумалось старшине, если они все тут такие, то не так тоскливо будет и задержаться на годик-другой-третий. Девушка весьма привлекательно смотрелась не только по сравнению с деповскими бабами из подсобного хозяйства, к которым, чего уж греха таить, неоднократно бегал старшина, но и на фоне девиц из далекого поселка Сонково, откуда призывался Малой, она бы тоже не потерялась.

— В корень зришь, Защитник Слав, — кивнул отец Феодосий, — наследовать князю должен старший его сын, Мефодий, да вот только умишком он зело небогат. Младший, Игорь, хоть и молод годами, но куда разумней. Вроде старший согласился уступить княжий посох младшему, но недоволен он этим, ох, как недоволен. Опасаюсь я, как бы со смертью князя Глеба новой смуты не приключилось.

Старшина налил в кружку из чьего-то рога содержимое ближнего кувшина и отхлебнул. Вроде пиво, но кисловатое, зато крепкое. Сойдет, подумал он и поинтересовался:

— Новой смуты? Это что, выходит, они у вас тут часто бывают?

— Не часто, — вздохнул поп, — один раз всего и приключилось, но другого раза нам не надобно. Дело было так...

И дальше Вячеслав услышал следующую историю. Первый защитник неоднократно организовывал экспедиции, в том числе и на ледяной материк, северной оконечностью которого являлся полуостров русичей. И там, недалеко от линии на карте, за которой лежат земли, где летом солнце не заходит, зато зимой не восходит, была найдена огромная долина с горячими источниками и теплым озером посередине. Двадцать пять миль в длину и десять в ширину! И попасть туда можно всего двумя путями. Либо по перевалу, даже летом покрытому льдами, либо через большую пещеру. Самой суровой зимой в этой долине почти не бывает снега, а летом так и вовсе тепло настолько, что даже яблони там плодоносят, не говоря уж о ржи, репе и земляных клубнях, привезенных одной из экспедиций с Ближней Северной земли, то есть Америки. Долина была названа Райской, и основал там первый Защитник город, назвав его Москвой в честь места, откуда сам он был родом. Росла и хорошела Москва, поставляя всей земле русичей овечью шерсть, яблоки, кур и много чего еще, но после смерти Защитника москвичи помаленьку зазнались. Мол, а на что вы, в холодных камнях живущие, нам сдались? Корми тут всяких, не больно-то нам и нужны ваши

ружья с порохом, никакому врагу к нам все равно не пройти. И вот сто пять лет назад и случилась смута, в результате которой в Москве сейчас свой князь. Церковь, правда, формально осталась единой, а что толку? Хотя, конечно, есть за что придать архиерея Московского анафеме, очень даже есть, но не дело церкви усиливать и без того имеющуюся вражду между русичами и москвичами.

— Нехорошо, конечно, — согласился старшина и подумал, что москвичи, оказывается, успели зазнаться не только на Земле, но и на других планетах. Но потом решил, что не все, взять хотя бы Патрика — такого друга еще поискать. Может, и в здешней Москве найдутся приличные люди? Надо будет прикинуть, как с ними связаться, да и вообще уточнить обстановку в этой самой Райской долине. Как, кстати, там, на оставшейся черт знает где Земле, чувствует себя Патрик? В госпиталь его увозили вроде живым, но когда теперь доведется с ним свидеться, даже если он таковым и останется — кто знает.

Друг старшины в это время лежал без сознания после, как это ни странно, довольно успешно проведенной операции. Около него дежурил фельдшер-срочник. А через стенку, в своем кабинете, сидел капитан медицинской службы Волин и тщетно пытался сообразить — а какое сегодня число? Последнее, которое он еще помнил, явно было двадцать шестым апреля, когда военврач, которого в бригаде именовали кто коновалом, кто Айболитом, а кто и просто алкашом, решил принять грамм сто или даже сто пятьдесят. В честь грядущего двадцать восьмого числа своего дня рождения. И принял, причем неоднократно, но вот дальше в памяти наличествовал зияющий провал. Ох, грехи наши тяжкие, вздохнул военврач и прислушался к что-то бормочущему под бодрую музыку приемнику. Ага, первомайская демонстрация в Москве... Да что же это, получается, что сегодня уже первое мая? Выходит, что так, тяжело вздохнул капитан Волин. Такого с ним еще не бывало. Нет, когда из памяти выпадал один день, случалось в общем-то не так уж редко. Иногда терялись и два, но чтобы четыре? Ох, допьюсь ведь я, сокрушенно подумал Айболит, но вдруг, похолодев, вспомнил эпизод краткого просветления. Операция на брюшной полости, и он ее проводит! Неужели зарезал?! На ватных ногах доктор вышел из кабинета и, держась за стенку, зашел в бокс при операционной.

— Больной отошел от наркоза, спит, температура тридцать семь и две, пульс шестьдесят, наполнение нормальное! — отрапортовал при появлении Волина фельдшер.

Капитан без сил опустил на банкетку. Пронесло, мелькали в голове сумбурные мысли. Да чтобы я еще когда так напивался... Это же мне последний звонок! Все, сейчас принять сто пятьдесят, даже, пожалуй, сто двадцать граммов, чтобы руки не так тряслись, и завязывать. Вот ей-богу, завязывать и все!

С такими мыслями Волин вернулся в кабинет, налил в мензурку чуть больше ста граммов спирта, выпил, задержав дыхание, после чего занюхал рукавом. И взял историю болезни лежащего сейчас без сознания пациента, которого он, оказывается, прооперировал, будучи в примерно таком же состоянии. Самое интересное, что в этой истории уже имелись какие-то записи! С трудом разбирая свой же собственный скачущий почерк, доктор прочитал: «сержант Патрикеев». Кошмар какой, да это же Патрик, то-то лицо сразу показалось знакомым! Один из немногих интеллигентных людей в бригаде, с которым доктору удавалось не только выпить, но и душевно поговорить при этом. Единственный, наверное, в этой дыре и в радиусе пятисот километров вокруг нее человек, который не только слышал фамилии Набокова или, скажем, Гумилева, но даже что-то ими написанное читал. Как же это его угораздило? Вместо диагноза были вообще какие-то невнятные каракули, заканчивающиеся кляксой. Что это тут за слово? Вроде перитонит... Да, надо маленько поправить, а то ведь такое никому и не покажешь. Значит, гнойный перитонит, показания к экстренной операции... Число? Господи, да что же это за цифра, вроде похоже на двадцать семь. Ладно, ставим двадцать седьмое.

Теперь история болезни имела уже почти приличный вид, ну, а некоторая ясно видимая торопливость при ее написании вполне объясняется сложной и срочной операцией.

Почувствовав удовлетворение от хорошо сделанной работы, капитан медицинской службы решил его усугубить, для чего в мензурку было налито еще сто грамм.

Надо сказать, что Патрику здорово повезло, что милейший доктор, будучи, так сказать, в сумеречном состоянии, поставил дату поступления на два дня раньше действительной, а дальше приплел гнойный перитонит вследствие запущенного воспаления аппендикса.

Совсем скоро сержанту предстояло в этом убедиться.

А старшина, покончив с княжеским обедом, приступил к изучению оставшихся от первого Защитника документов, главным из которых была тетрадь в кожаной обложке, озаглавленная «Тому, кто явится сюда с Земли вслед за мной». И, хотя у капитана Башкирцева был ровный, крупный и аккуратный почерк, чтение продвигалось с трудом. Мешали твердые знаки в конце чуть ли не каждого слова, а также какие-то незнакомые буквы. Ну ладно, то, что крючок с точкой сверху — это «i», то есть «и», догадаться было нетрудно. Но что обозначает кружок, перечеркнутый волнистой линией, или твердый знак с чертой посередине? А если эти буквы вместе, да еще и в каком-то незнакомом слове, то и вовсе получается непонятно. Но главное Малой уяснил довольно быстро — оказывается, его предшественник вовсе не был доставлен сюда аграми, а явился на эту планету по собственной воле! Как он тут пишет?

«Во исполнение личного секретного повеления государя Петра Алексеевича»... Это Петр Первый, что ли? Хотя был еще какой-то Петр, под которого потом косил Пугачев, но тот, кажется, назывался Третьим. Значит, когда-то имелся и Второй, но все равно, выходит, капитан попал сюда из какой-то мохнатой древности. Правильно, говорил же Абрам, что это было двести шестьдесят два года назад. Выходит, уже тогда кто-то в России смог построить телепортатор? Ну и дела... Что тут дальше? Три года капитан с каким-то Яковом Вилимовичем изучали молнии и их связь с магнетизмом, а потом приступили к постройке прибора. Тогда понятно, откуда этот Башкирцев столько всего знал — видать, серьезный был ученый. Небось сейчас таких нет, а то давно бы мы телепортировались куда нам надо. Например, закончил солдат службу — хлоп, и он дома, в Сонково.

Тут старшина вздохнул и отложил тетрадь. Хватит ломать глаза над этими закорючками, пусть отец Абрам все вслух прочитает. Хотя, конечно, как-то неудобно получится — Защитник, и вдруг читает хуже местного попа. А мы это оформим как проверку, нашел выход Малой. Мол, а покажите-ка вы мне, как храните заповеди Защитника? Вот читайте его тетрадь от сих и далее.

Приняв такое решение, Вячеслав занялся вещами первого Защитника. Их было немного. Начал старшина с подозрительной трубы, повертел ее в руках, подивился искусному серебряному орнаменту и вышел на улицу с целью на что-нибудь через эту трубу посмотреть. Однако гораздо лучше, чем мы в школе делали на уроке физики из двух стекол и линейки, вынужден был признать он. Изображение четкое, не расплывается, и не перевернутое вверх ногами, как у школьной трубы, а нормальное. И приближение, пожалуй, даже побольше, чем у полевого бинокля, то есть где-то порядка десяти, если не двенадцать. Хорошая вещь, решил старшина, вернувшись в дом и пододвигая к себе небольшой сундучок. Интересно, что там?

Там оказался пистолет. Увы, не АПС и даже не ТТ, а какой-то древний, как и положено оружию, которому более двухсот лет. Малой взял его в руки и внимательно осмотрел. Два вертикально расположенных ствола калибром миллиметров пятнадцать, заряжаются с дула. Два курковых механизма по бокам стволов, а где тут, интересно, шомпол? Вот он, укреплен на крышке сундучка.

Старшина промерил шомполом оба ствола — как и ожидалось, они не были заряжены. После чего взвел курки и нажал на спусковой крючок. Левый курок сорвался со стопора и вскользь ударил по закрепленному специальным винтом кремню, одновременно с этим заслонка, закрывающая полку для пороха, ушла вперед, и туда брызнул сноп искр. Хорошая вещь, с уважением подумал Малой, сколько лет прошло, а она все еще работает. После чего

нажал на курок еще раз. Все повторилось, только теперь справа от стволов. Правда, искр было совсем немного, потому что кремень раскрошился при ударе. Не страшно, тут вон запасных еще целая баночка.

Еще в сундучке имелось два десятка пуль довольно сложной формы, напомнивших старшине жаканы, маленький мерный стаканчик и какая-то штуковина с двумя ручками и двумя толстыми бронзовыми прямоугольниками между ними, то есть скорее всего пулелейка. На крышке кроме шомпола обнаружилась еще маленькая отвертка, шило и небольшие плоскогубцы. На самом дне сундучка лежала открытая кожаная кобура с ремнем.

Малой подавил в себе ребяческое желание прямо сейчас пойти и пострелять, вместо чего занялся вторым сундучком, побольше. Там обнаружился не очень понятный прибор, состоящий из маленькой подзорной трубы, укрепленной на чем-то вроде слесарного транспортира. Он в свою очередь крепился к подставке на трех регулируемых по высоте ножках, которая была снабжена двумя пузырьковыми уровнями — подобные Малой видел у столяров. Во втором отделении нашлись часы весом килограмма полтора и диаметром сантиметров двадцать, более всего напоминающие примус, на который положили будильник циферблатом вверх. К часам прилагался ключ, но старшина даже не стал их заводить, а с гордостью покосился на свой «Полет» о двенадцати камнях.

В последнем отделении лежали два компаса, причем у меньшего шкала была разбита на большой красный и маленький зеленый секторы. Оба компаса показывали стрелкой в сторону двери, что несколько удивило старшину, ибо он уже успел выяснить, что в той стороне — запад. На всякий случай Вячеслав глянул на маленький компасенок, имеющийся в ремешке его часов. На Земле стрелка этого прибора обычно показывала черт знает куда или просто вертелась, но еще вчера старшина обратил внимание, что на новом месте стрелка смотрит строго в одну сторону, причем туда, где, по утверждению Абрама, находился север. Но сегодня и он почему-то показывал на дверь. Решив завтра выяснить у попов, что бы это значило, старшина потянулся и глянул в окно.

На улице начало темнеть, а в комнате, освещаемой двумя маленькими окошками, стало и вовсе почти ничего не видно. Старшина достал японскую газовую зажигалку, подаренную ему на дембель Патриком (вот что значит друг — даже такую ценную вещь не пожалел!) и прошелся по дому, зажигая свечи. Интересно, откуда тут берут воск, неужели здесь водятся пчелы? Хотя, присмотрелся и принялся Малой, эти короткие и толстые свечи сделаны скорее всего из какого-то жира.

Надо было повнимательнее изучить карту с обозначенными на ней местами, где недавно видели разведывательные кораблики агров. Сейчас погода еще неустойчивая, а у берегов тут камни и мели, так что крупного десанта можно будет ждать не раньше, чем через две недели, сообщил Малому отец Абрам. А завтра старшина собирался поговорить со здешним министром обороны, который у русичей почему-то назывался полковником. У Вячеслава появилось несколько мыслей об организации боевых действий, и к завтрашней беседе следовало как следует подготовиться, дабы не ударить в грязь лицом перед местными.

Глава 3

МЫ МИРНЫЕ ЛЮДИ!

— Вставайте, товарищ старшина, — разбудил Малого осторожный шепот десятника Викулы, — лодки!

— Где? — спросил быстро выпутавшийся из шкуры, в которой он спал, старшина.

— Вот, на две ладони мористее того камня, видите?

Кажется, там действительно имелось какое-то пятно чуть темнее ночного моря, но однозначно назвать это лодкой старшина бы не рискнул. Но Викула — не только десятник, но охотник, впрочем, как и все небольшое подразделение Малого, прятавшееся сейчас у края скальной гряды в полутора километрах от поселка Загорье. Так что раз местные говорят про лодку, даже две, значит, так оно и есть.

Викула напряженно всматривался в темноту, старшина ждал.

— Все, — выдохнул десятник, — они повернули направо, там течение, и высадиться они теперь смогут только в первой бухте.

— Взвод, — негромко скомандовал Малой, — выдвигаемся на первую позицию! Ведущий — Викула, замыкающий — Кроль, начинаем.

Осторожно спускаясь по еле видной в темноте тропе вслед за Викулой, старшина в последний раз прикинул, в какой мере все идет по планам, не забыто ли что-нибудь или не пропущено ли. Потому как скоро лодки пристанут к берегу и начнется бой, который покажет, что за командир получился тут из бывшего замкомвзвода разведки десантно-штурмовой бригады и на что способны его новые солдаты.

Когда неделю назад Малой только приступал к планированию этой операции, то, как его учил старлей, первым делом он решил определить ее цели. Не дать аграм увести в плен очередную порцию русичей? Так ведь сейчас и здесь не дашь, они потом в другом месте чуть попозже возьмут других, вот и все. Нанести противнику такой урон, чтобы он и думать забыл об экспедициях на эту землю? Хорошо бы, но не получится. Просто потому, что агров приплыло мало, всего один большой корабль, на котором их человек пятьдесят, и два маленьких разведчика, куда больше двух десятков никак не засунешь. Даже если никто из них из этого похода не вернется, вряд ли остальные испугаются. Просто пошлют более сильную группу, и все. Значит, что? Винтовки! Вот она, цель первой операции — раздобыть оружие. Имея хотя бы десятка два таких стволов с патронами, дальше можно будет воевать уверенней — старшина помнил, что магазинки инопланетян неплохо били метров на четыреста. А пока в его распоряжении шесть стрелков с ружьями Защитника, стреляющими метров на двести, но уверенное попадание в ростовую фигуру у стрелков получается только со ста. Двенадцать лучников с какими-то большими и хитро изогнутыми луками, эти бьют на двести пятьдесят. И сотни полторы плохо обученных мужиков с копьями, ножами и дрянными луками, из которых они мажут даже с пятидесяти метров. Правда, есть еще несколько охотников с местными ружьями в Загорье, эти хоть стрелять умеют, но сами ружья у них паршивые. Ну и он, старшина Малой с автоматом. Против примерно пяти десятков агров им не светит. Ведь тем достаточно вести перестрелку с дистанции более трехсот метров, и отвечать им сможет один старшина. А они, эти гадские инопланетяне, стреляют неплохо. Что нам остается делать? Правильно, место для боя нужно выбрать так, чтобы у противника не было возможности разорвать дистанцию.

Вячеслав вспомнил, что ему рассказывал полковник о налете на Моржовку, случившемся прошлым летом. Корабль агров встал метрах в двухстах от берега и начал спускать шлюпки. Когда те приблизились на дистанцию огня, местные охотники начали стрелять, но их было немного, а с борта корабля открыли частый огонь. Тем временем основное население поселка попыталось уйти в глубь полуострова, куда можно было попасть тремя путями. Двумя горными тропками через перевал или по довольно широкой прибрежной косе, которая огибала подступивший вплотную к морю горный кряж. Люди побежали именно тут, но на их пути оказалась засада агров. Очутившись меж двух огней, некоторые бросились на агров и погибли, а не сопротивлявшихся, которых набралось около сотни, загнали на корабль и увезли.

Ага, сообразил старшина, для успеха операции аграм необходима возможность окружить выбранное для нападения поселение. А таковая имела далеко не везде, потому что путь ко многим поселкам отнюдь не всегда пролегал по берегу. Собственно, кроме уже разоренной Моржовки, заданным условиям удовлетворяли только Загорье, Долгое и Нерыбово. Но после бесед с бывавшими там людьми последнее отпало, потому как, по их словам, берег там был каменистый со множеством естественных укрытий, из которых можно было вести огонь по лодкам, практически не опасаясь ответной стрельбы с корабля. А Долгое находилось в устье длинной и узкой бухты, попасть в которую мимо прибрежных рифов было не так просто, да и по размеру это селение уступало Загорью. Так что агры,

скорее всего, нападут именно на него, но на всякий случай старшина попросил передать жителям Долгого, чтобы они на несколько дней ушли в горы. После чего сам во главе небольшого отряда вышел к Загорью. Именно вышел, потому что, как быстро выяснилось, он зря волновался по поводу своего неумения ездить верхом — лошадей у русичей почти не было. Во-первых, оттого, что на них практически некуда было ездить, страна-то горная, а во-вторых — почти нечем кормить. Правда, первый Защитник специально посылал дальнюю экспедицию за этими животными, но прижились они только в Райской долине. А тягловой силой русичам служили какие-то небольшие волосатые быки, но их в поход не взяли, отряд шел налегке и после двухдневного марш-броска по горным тропам вышел на берег моря у Загорья. Еще один отряд нес три небольшие пушки — отдельно ствол, лафет и припасы. Он отставал примерно на сутки.

Надо сказать, что старшина ждал этого момента, то есть выхода к морю, с некоторым даже душевным волнением, и не только из-за предстоящего боя. В разведывательные экспедиции служили в основном призывники из средней полосы и из Сибири, но был один паренек из Анапы, который за полтора года капитально прожужжал уши всем, кому мог, о том, какая это замечательная и неопишуемая вещь — море. Сам старшина из крупных водоемов видел только Рыбинское водохранилище.

Так вот, море его разочаровало. Было оно не синее, а серое, все почти сплошь утыканное торчащими со дна острыми камнями. И не пахло оно ни йодом, ни чем-нибудь еще. Правда, в самом Загорье запах появился — там слегка пованивало какой-то тухлятиной. Здесь же живут рыбаки и охотники на морского зверя, пояснили старшине.

С этими охотниками, а также их семьями, и пришлось договариваться о тактике предстоящего действия. Потому как если селение окажется пустым, то агры могут и вовсе сюда не высаживаться, ну или просто обойтись малочисленной разведкой. Так что в Загорье оставалось сорок с лишним человек добровольцев, которые и будут по возможности изображать из себя все население поселка. Правда, Малого несколько удивило то, что среди добровольцев оказалось десятка полтора женщин, и он даже спросил, насколько оправдано их участие в этом довольно опасном деле. Война же, и неизвестно, чем оно все кончится! Но Викула ответил ему, что бабы бывают разные, и остаются как раз те, про которых и раньше мужики говорили — мол, эти уж если развоюются, так меньше чем втроем и не утихомиришь. А вдова Борьки Криволапа, лучшего охотника побережья, так и вообще! Стреляет так, будто с ружьем родилась, Василисой ее кличут.

Это заинтересовало старшину, и он попросил познакомить его с охотницей. В воображении Вячеслава рисовалась златовласая красавица с мечом, как на обложке сборника русских народных сказок — не то Василиса Премудрая, не то она же Прекрасная, но действительность несколько не совпала с романтическими мыслями старшины. Василиса Криволапова оказалась маленькой, чуть выше своего ружья, тощей и страшной на вид старушонкой, и из персонажей русских сказок ее можно было сравнить разве только с Бабой-ягой. Однако стреляла она отменно, перезаряжала быстро, и Малой, подумав, спросил ее:

— Бабуль, но ведь нельзя будет на виду ружье держать, когда вы тикать от агров начнете, а спрятать его у тебя не получится.

— А мужики на что? — сварливо возразила Василиса. — Вон, Митька, например — почти как ты вымахал, на таком бугае и два ружья спрятать недолго. Стрелять-то ему никак нельзя доверить, будет один только зряшный перевод припаса, но таскать — это он может. Ну, а если сложится, что не успеет он мне ружье передать, то мы и так можем...

В руке старушонки вдруг неизвестно откуда возник приличных размеров нож.

— Неплохо, — оценил хват старшина, и тут его осенило: — Бабушка, а ты с пистолетами дело имела?

— Слышать слышала, а в руках держать не приходилось, нам такие игрушки без надобности. Хотя сейчас — да, в самый бы раз она пришлась.

— А вот попробуй, — протянул ей старшина захваченный им с собой пистолет первого Защитника.

Спустя пятнадцать минут старшина вынужден был признать, что бабуля стреляет из этого пистолета уж во всяком случае не хуже него, а перезаряжает и побыстрее. Что ж, неплохо, у группы «испуганных беглецов» появился еще один ствол, причем двухзарядный.

План, составленный старшиной Малым и полковником Мухой, был прост. Агры высадут засаду на косе, больше просто некуда, причем для высадки пригодны только две небольшие бухточки. Отряд Малого ждет в ущелье, выходящем к берегу недалеко от них, и, увидев, куда именно десантировался противник, скрытно выдвигается ему в тыл. Причем, если агры высадутся во второй бухте, будет вовсе замечательно, потому как в том месте можно было незаметно подобраться к ним метров на восемьдесят. Ну, а если в первой, то позицию придется занимать где-то в двухстах-трехстах метрах. Но на этот случай была оборудована лежка для двух стрелков, которую, если получится, они займут еще до высадки агров.

Второй отряд под руководством полковника тем временем забирается на плоскую вершину утеса, торчащего как раз там, где долина Загорья переходила в узкую косу. В этом отряде — все настоящие лучники и четыре стрелка с ружьями первого Защитника. Таким образом, в идеале все агры окажутся меж двух засад, причем в таком месте, к которому кораблю ближе чем на пятьсот метров не подобраться. Вряд ли удастся положить всех, но чем черт не шутит? А если и не всех, то все равно винтовки убитых и раненых противник скорее всего бросит. Ну, а если с корабля попытаются прикрыть огнем эвакуацию десанта, у русичей имелся еще и козырь — три небольших бронзовых пушки, которые стреляли бомбами, то есть пустотелыми ядрами с порохом внутри, на восемьсот метров, а чугунными ядрами — на километр с лишним.

Однако все это планы, а каково оно будет на самом деле? Бой покажет.

Светает, прикинул Малой, занимая еще вчера облюбованную позицию меж двух камней. Рядом без суеты устраивались остальные бойцы его отряда. Впрочем, для них это только промежуточный рубеж, а два стрелка уже уползли в схрон метрах в двухстах впереди.

— Высадутся примерно через полчаса, — сообщил Викула, глядя на еле видные в темноте лодки противника, — как раз когда рассветет.

Действительно, через полчаса агры оказались у берега, и, быстро вытащив на него свои лодки, присели за небольшой каменной осыпью. Это был напряженный момент — а вдруг они пошлют кого-нибудь обследовать ближайшие окрестности и обнаружат схрон с двумя стрелками? Однако обошлось, агры вообще практически не смотрели назад, сосредоточив все свое внимание на косе, за поворотом которой находилось Загорье.

Непуганные еще, заразы, думал Малой, глядя, как пришельцы прикидывают, где кому сидеть. Ничего, это ненадолго, да что же вы, собаки, бродите, как на базаре, сосчитать себя толком не даете! Кажется, восемнадцать. Все правильно, у лодок было по четыре весла с каждой стороны. Теперь ждем...

Через полчаса со стороны поселка донесся приглушенный расстоянием ружейный выстрел, затем еще один — стреляли русичи. Потом послышались частые выстрелы агровских винтовок, после чего что-то гулко бабахнуло три раза подряд.

— Кажись, пушки с корабля! — шепнул Викула.

Малой кивнул. Оставалось надеяться, что на разведывательном кораблике, который маячил примерно в километре от косы, пушек нет. Во всяком случае, при прошлогоднем налете на Моржовку с маленьких кораблей стреляли только из ружей.

Минут сорок прошло в напряженном ожидании. Пушки больше не стреляли, да и винтовочные выстрелы доносились довольно редко, но они приближались, то есть пока вроде все шло по плану. И наконец из-за выступающей скалы, на вершине которой замаскировались лучшие лучники и стрелки, показались первые бегущие жители Загорья. От Малого до них был примерно километр, и, значит, до засады им оставалось метров семьсот. Сидящие в ней агры прекратили шевеление и взяли винтовки на изготовку. Приближался решительный момент, но где же загонщики? Малой взял подзорную трубу. Так, сначала

смотрим на якобы перепуганных беглецов... все нормально. Двое с ружьями бегут в самой середине, потому как иначе при внимательном рассмотрении можно было бы заметить — они что-то тащат. Чуть отстав от толпы, семенит Василиса, вот она захромала, что еще больше увеличило отставание, и, наконец, несчастная обессилевшая старушка упала. Прямо можно в Большой театр бабку, умирающего лебедя играть, мысленно восхитился Малой — даже я чуть не поверил, что она того и гляди помрет! И упала-то как — вроде за теми камешками и кошке не спрятаться, а бабульки не видно.

Наконец показались первые из гнавших народ агров. Шли они толпой, без всякого строя, изредка постреливая верх. Охотнички, блин. А беглецы все приближались к засаде. Вот до нее осталось четыреста метров, затем триста, и тут грохнул залп. В подзорную трубу Малому было видно, как пули ударили в камни перед бегущими, дробя их в щебень и высекая искры. Народ заметался. Сидящие в засаде не торопясь вылезли из-за укрытий и двинулись к беглецам, и тут старшина махнул рукой. По этому сигналу его бойцы, пригибаясь, побежали к засаде. Неужели нам так повезет, думал, сжимая автомат, оставшийся на месте старшина, что бойцам удастся добежать до этих уродов без стрельбы? Но нет, вот один из агров обернулся...

Из схрона ударил выстрел, сразу демаскировав его облаком белого дыма, затем еще один, и два врага упали. Старшина аккуратно подвел мушку под грудь пытающегося куда-то прицелиться агра и мягко потянул спуск. Есть, выцеливаем следующего, да что же ты мечешься, как вошь на санобработке? Все, отметался. Еще один... кажись, промазал... да на тебе вторую пулю! И пора в темпе менять позицию, а то сейчас опомнятся, гады.

Вячеслав где ползком, а где перекатом перебрался за соседние камни. И вовремя — в те, за которыми он только что сидел, начали раз за разом ударять пули. Ладно, пусть палят, лишь бы наши до них добежали побыстрее и с минимальными потерями! В рукопашной аграм не светит. Снова грохнул выстрел из схрона, но на этот раз всего один. Значит, одного бойца там уже достали, подумал Малой, двумя выстрелами снимая суестьегося за спинами стрелков агра — похоже, командира. Старшина бил одиночными — во-первых, для экономии патронов, а во-вторых, он не хотел показывать врагу всех возможностей своего оружия. Пусть думают, что это винтовка вроде как у них, только калибром поменьше!

Агры наконец догадались, кто для них представляет наибольшую опасность, и в сторону подбегающих русичей грянул залп. Человек десять упало, но первые уже добежали до врага, и завязалась рукопашная. Точнее, избиение, потому что штыков винтовки агров не имели, и они отбивались кто прикладами, а кто ножами. Однако подавляющее численное преимущество было на стороне русичей, да и копье в ближнем бою небольших групп без строя и на открытой местности лучше ножа, так что через несколько секунд все кончилось. Старшина встал и побежал вперед — теперь его место снова было среди бойцов.

А загонщики только сейчас поняли, что у засады что-то пошло не так, и остановились, причем как и шли — толпой. Нет, окончательно понял старшина, это не солдаты. Охотники! Ну так теперь наша очередь поохотиться, чего же там полковник ждет?

Словно в ответ на его мысли с утеса ударило четыре выстрела, полетели стрелы. Вячеслав, прикинув дистанцию, тоже снял одного, и тут из-за камней у кромки прибоя вдруг грохнуло два раза подряд. Василиса, понял Малой, ай да молодец бабка, двоих уложила! Ну и мы сейчас одного-другого приголубим.

Но тут агры, видимо, пришли к единому мнению относительно дальнейших действий и опрометью ломанулись обратно в селение, где их ждали лодки, так что старшине удалось достать только одного. Но не успел он толком расстроиться по этому поводу, как увидел, что сначала один, а потом еще сразу трое бросили винтовки, дабы эти железяки не мешали им развивать полную скорость.

На большом корабле опомнились и открыли огонь из пушек по вершине утеса, но вслепую, да и люди полковника уже должны были отходить.

Так, а что делает маленький корабль? Он ведь носом к нам разворачивается!

— Быстро собрать ружья и патроны, — командовал Малой, — а ты, с топором, за мной!

И побежал к лодкам. Вдруг там есть что-нибудь ценное?

Оно могло быть только в самой корме, где сиденье рулевого имело вид ящика.

— Руби!

В ящике оказалось три брезентовых не то мешка, не то сумки.

— Следующую! — крикнул старшина, — быстрее!

На кораблике грохнула пушка, но она была явно много меньше тех, что еще продолжали стрелять по скале. Недолет, да долго этот лесоруб там еще муму валять будет?! Ага, готово, хватает сумки...

— В ущелье, зигзагом! — крикнул Малой и понесся туда, время от времени делая резкие скачки в сторону. Но скорострельность у маленькой пушечки оказалась невысокой, она успела сделать только еще один выстрел и снова никуда не попала.

Отряды старшины и полковника встретились в ущелье, по которому пролежала единственная дорога от Загорья вглубь страны русичей. На всякий случай был оставлен секрет из десятка стрелков при одной пушке, а основное войско плюс добровольцы из числа жителей поселка двинулись в сторону Спасска. На душе у Малого было радостно — бой выигран, потери умеренные, взяты богатые трофеи — но и немного тревожно. Ведь все так хорошо получилось исключительно из-за беспечности противника! Если бы аграми командовал кто-то, по воинской квалификации примерно равный старшине, то еще неизвестно, чем бы оно все кончилось. А если бы их командир был уровня оставшегося на Земле старлея, то, пожалуй, русичам вполне мог улыбнуться толстый полярный зверь. Да и с дисциплиной у здешних не очень, ведь ясно же им было сказано — подранков не добивать, нужны языки. Так ведь нет, на поле боя остались только убитые агры.

Глава 4

ГРЕХИ НАШИ ТЯЖКИЕ

Озарение снизошло на старшину Вячеслава Малого, когда до Спасска оставалось полтора часа ходу. Всю дорогу от Загорья ему не давала покоя мысль — ну до чего же он бледно смотрится по сравнению с первым Защитником! Понятно, что тот был капитаном, причем старшина смутно подозревал, что царский капитан — это чин повыше советского. А кроме того, Башкирцев был еще и ученым. Малой напряг память — а встречался ему среди капитанов... да хрен с ними, майоров тоже сюда приплюсуем, хоть один ученый? И вынужден быть признать, что нет. Правда, капитана Зониса, зампотеха артдивизиона, часто именовали профессором, но тому причиной были отнюдь не его ученые степени. А всего лишь очки в золоченой оправе да еще широчайшая эрудиция в вопросах самогонварения — капитан мог за десять минут сварганить из первого же попавшегося под руку хлама аппарат и из чего угодно начать гнать вполне приличный продукт, на что он и тратил большую часть своего служебного времени. Но у русичей с этим тоже был полный порядок, старшина уже успел убедиться. Так чему же он может их научить? И тут его озарило.

Он вспомнил, как терялось время на отбор среди жителей Загорья пригодных для операции, на объяснения им, что надо делать и зачем, на попытки наведения хоть какого-то порядка. А ведь отслужи они в свое время срочную, все получилось бы гораздо проще! Однако во времена первого Защитника такое в России еще не практиковалось, вот он и не ввел ничего подобного у русичей. Но ведь само же напрашивается! Содержать большую армию не получится, сейчас у полковника в подчинении всего чуть больше сотни человек. Но если каждый в свое время отслужит и потом иногда будет призываться на сборы, то эта армия сама появится в нужный момент и в нужном месте, а потом снова распадется на скотоводов, охотников, рыбаков и прочих. А вот тут старшине и карты в руки! Так что русичам скоро придется познакомиться с новыми словами — чай, не в первый раз, всякие

кордегарии, конференц-залы и бомбардиры у них пошли от капитана Башкирцева. А теперь придется уяснять, что такое всеобщая воинская обязанность, военкомат, призыв, дембель и партизаны. Ничего, наука нехитрая, поймут. Министр обороны тут уже есть, так что будет кому два раза в год приказ подписывать. Правда, старшина не был уверен, что на Земле у этого министра есть еще какие-то обязанности, но тут не Земля, дармоедов разводить обстановка не позволяет, так что пусть здешний министр по совместительству будет еще и военкомом. А вот он и Спасск, пришли наконец.

Сразу по возвращении в столицу Вячеслав потребовал бумагу и письменные принадлежности, а потом, в очередной раз помянув добрым словом Патрика, от которого Малой за полтора года наслушался много умных слов, объяснил, что это ему нужно для фиксации результатов произведенного в пути анализа ситуации.

Бумага у русичей была сероватая и грубая, но вполне пригодная для письма и рисования. А вместо карандашей они использовали толстые графитовые стержни в кожаном футляре, их приходилось периодически затачивать о специальный камень.

Но прежде чем записывать свои мысли о введении у русичей срочной службы, старшина решил закончить с тем, что пришло ему в голову еще во время боя. Если бы у тех, кто сидел в засаде на скале, были гранаты, то агров бы ушло гораздо меньше! В дороге Вячеслав поинтересовался у полковника, делают ли гранаты у русичей. Тот сказал, что да, это называется ручными бомбами — ядро из обожженной глины с камнями, внутри порох, а наружу торчит пропитанный селитрой фитиль. Поджигаешь его и бросаешь, как фитиль догорит, она взорвется. Но большого распространения такие бомбы не получили из-за неудобства пользования, да и вообще рукопашный бой с аграми сегодня был чуть ли не впервые.

Старшина сразу подумал, что глиняная граната с фитилем — это действительно не подарок. Но почему бы не отлить чугунную ребристую рубашку? И вставить в рукоятку кремневый запал наподобие механизма в пистолете Защитника. Но потом Малой прикинул, сколько придется тогда возиться с каждой гранатой, и вынужден был отказаться от своей идеи. Но уже к вечеру первого дня пути в Спасск он вспомнил, как они детьми высекали искры из кремня — напильником! Значит, зубчатую железку засовываем в рукоятку так, чтобы к ней чем-нибудь прижимался кусок кремня, а в торце железки делаем дырку и просовываем туда кольцо. Перед броском дергаем за кольцо, железка скребет по кремню и высекает искры, которые воспламеняют фитиль. Его будем отмеривать точно, чтобы у всех гранат было одинаковое замедление. А кусок напильника сделать гораздо проще куркового механизма, да и после дергания за кольцо он останется в руке, так что его потом можно будет использовать еще раз.

Но на этом умственные усилия Малого были прерваны иноком-посыльным, который сообщил, что баня уже растоплена, а после нее отцом Феодосием благословлен торжественный ужин у князя (которому стало заметно лучше, хоть он и не выздоровел полностью) — в честь победы над аграми. Еще до этого мероприятия Малой обратил внимание, что, кажется, его первоначальные представления о строении власти на земле русичей не совсем соответствуют действительности, а на ужине его предположения подтвердились. Князь вовсе не был тут самым главным командиром! По размышлении старшина решил, что все правильно, тут не армия или какая-то древняя империя, где, как он помнил с уроков истории, некий царь спалил город просто так, для интереса. А вот на СССР, кстати, похоже! И тогда князь тут получается председателем совета министров, таким местным Косыгиным. А генсек — это отец Феодосий, причем правильный генсек, вроде как Леня Брежнев до впадения в старческий маразм. Отца Абрама, подумав, старшина пока решил считать Андроповым. И неважно, что не похож — таким делом обязательно кто-то должен заниматься, а Авраамий совершенно явно правая рука Феодосия.

Дальнейшие аналогии старшина проводить не стал, потому как в лицо-то он членов политбюро знал, зря, что ли, портреты этих рож в каждой Ленкомнате висят, но вот кто из

них там чем занимается, Малой сказать не мог. Разве кроме только министра обороны, но с его здешним аналогом все было уже ясно. И старшина, улучшив момент, спросил отца Авраамия, когда можно будет вдумчиво побеседовать про то, чем и как живет страна русичей, потому что аврал с нападением агров закончен и пора без суеты вникать в обстановку.

Так что следующим утром старшина отправился в Феофановский монастырь, где, собственно, и жили отцы Феодосий, Авраамий и прочие. Спасск был весьма невелик, примерно полкилометра в диаметре, и монастырь, вместе с находящимся на его территории храмом, где Малой появился в этом мире, занимал примерно четверть города, всю его северную часть. Причем когда старшине в первый раз показали монастырскую территорию, он удивился отсутствию крепостных стен, которые, по его мнению, и были отличительным признаком монастыря. А тут имелся только невысокий деревянный забор, и все. Однако потом стало понятно — крепостью является весь городок, и чужие здесь не ходят, так что забор нужен только для обозначения границ территории.

Старшина прошел мимо братского дома, где жили рядовые, то есть простые монахи и послушники, и оказался около настоятельских палат. У дверей его уже ждал молоденький паренек, который проводил Малого в келью отца Авраамия.

Ничего себе келья, удивился про себя старшина, заходя в просторное и светлое помещение, на пороге которого его встречал сам хозяин. Прихожая (или гостиная) имела метров двадцать площади, и в ее торце были еще две двери. То есть на маленькую каменную каморку совершенно не похоже, а ведь Малой считал, что словом «келья» называется именно она.

— Пройдемте в кабинет, ваше благородие Защитник, — предложил отец Авраамий и провел старшину к правой двери.

Кабинет оказался раза в два меньше прихожей, причем две стены были заняты полками с какими-то не то книгами, не то тетрадами. Впритык к окну стоял большой стол, а у него — два стула, на один из которых монах предложил сесть. После чего сел сам и выжидательно уставился на старшину.

— Значит, так, — собрался с мыслями Малой, — чем быстрее я пойму, как и по каким законам живет земля русичей, тем быстрее смогу приносить пользу не только бегая с автоматом по вашим горам. Так что ты уж, отец, постарайся мне все это объяснить.

— С этого же начал и первый Защитник, — довольно кивнул монах, — слушай.

Где-то часа через два Малой уже неплохо представлял себе картину экономической и политической жизни земли русичей. Все поселения делились на два вида — князьи вотчины и монастырские подворья, причем первые были в основном рыболовецкими, охотничьими и земледельческими, а во вторых сосредотачивалась вся промышленность и торговля. Князь собирал со своих вотчин налоги, причем натурой, и назначал туда бояр в крупные поселки или тиунов в те, что помельче. Согласно своду законов, действующему со времен первого Защитника, князь являлся верховным самодержавным властителем. Рассказывая про это, отец Абрам улыбнулся и перешел к денежной системе.

Хитро они тут все с князем устроили, соображал Малой. Верховный-то он, конечно, верховный. Но практически все деньги получает от попов! Налоги ведь ему идут натурой, а церковь эту натуру выкупает. Кроме того, по своду законов чеканка монеты возложена исключительно на Феофановский монастырь, так что тут особо не забалуешь. Прямо как у нас в семье. Мать не устает повторять детям, что глава семьи — это отец. Но деньги-то глава сразу отдает ей, а уж потом она его ими снабжает! А тут только то отличие, что князь отдает не деньги, а товары. Так, а что это тут такое интересное рассказывает монах?

— Полугроши, гроши и копейки чеканятся из меди. Что такое грош? У нас это десятая часть копейки. Две копейки, три и пятак — серебряные. А монеты от десяти копеек до пяти рублей делаются из никельного железа, или просто никеля.

Отец Авраамий налил из кувшина брусничной воды себе и старшине, отпил и

продолжил:

— До Защитника деньги у нас были только медные и серебряные. Но ведь серебра в земле русичей хоть и не так чтобы уж совсем девать некуда, но оно есть, и не в одном месте. То есть его количество в обороте постоянно увеличивалось, что приводило к подорожанию товаров. Ну, и торговля с римлянами...

— С кем? — изумился старшина. — Они же древние, их полторы тысячи лет назад какие-то варвары уничтожили!

— Может быть, — кивнул монах, — но две тысячи лет назад агры привели из вашего и бывшего нашего мира первую крупную партию пленных. Они не стали варить всех сразу, а поселили пленников в специальных лагерях. И обитателям расположенного на Дальнем северном материке, который Защитник назвал Африкой, удалось бежать. Понимая, что в Африке им все равно житья не будет, они построили корабли и перебрались на Ближний северный, то есть в Южную Америку. Их потомки живут там и сейчас. И на них агры пытались охотиться, но там есть куда уйти, так что там у агров тоже не очень-то получилось. Так вот, русичи давно торгуют с римлянами. Но до Защитника они покупали наши товары за серебро! То есть мы отдавали, скажем, моржовый жир, а получали в обмен серебро, которое у нас и самих имелось во вполне достаточных количествах. Ведь что такое деньги? Своей ценности они не имеют, из серебра только ложки и можно делать. Это просто символ доверия. Охотник верит, что за серебряную гривну он потом сможет купить то, что ему понадобится. Но именно доверие приток серебра со стороны и подрывал! А никельное железо добывается только в одном месте и только у нас. Защитник сказал, что месторождение — это огромный небесный камень, упавший в незапамятные времена, и теперь на месте его падения Рудная долина. Вот образцы наших монет.

С этими словами отец Авраамий высыпал на стол горсть разнокалиберных металлических кружков. Полугрош оказался монеткой примерно с советскую копейку, грош — с две, а копейка по размеру напоминала наши три. Такого же размера, но из серебра, были местные две копейки, трехкопеечная монета русичей оказалась с пятак, а пять копеек были раза в полтора побольше. Никелевые монеты начинались с гривенника, который в общем повторял советский, и кончались пятью рублями — здоровенной монетиной раза в полтора больше юбилейного рубля.

— Жалованья Защитнику установлено тысяча рублей в год, — торжественно сказал монах. — Это хоть и меньше совокупного дохода церкви, но больше дохода любого из людей, включая и князя, и епископа.

— Ого, — хмыкнул Малой, — интересно. А за дом, шкуры всякие и одежду, которых мне надавали, надо ли платить и кому?

— То есть как это платить? — удивился отец Авраамий. — Дом всегда был домом Защитника! Вот только детям твоим, когда ваше благородие приберет Господь, он по наследству не перейдет.

Ясно, понял старшина, служебная квартира, как у офицеров в оставшейся на Земле бригаде. А попик уже и про детей мне рассказывает... Ладно, будущее в наших руках. Я ведь одно время подумывал в армии остаться, ну, а тут оно все за меня решилось, и должность предлагают сразу маршальскую. Вот только домой все равно хочется...

— Одежду и еду ты, ваше благородие, конечно, можешь покупать, но то, что уже есть — это подарки. И с едой так же, но в монастырской трапезной ты всегда желанный гость, да и князь почтет за честь попотчевать зашедшего в гости Защитника. Так что деньги ты можешь тратить на свои защитнические дела. Причем в пределах жалованья — как вашему благородию вздумается, а если понадобится больше, то тут уж, извини, придется убедить епископат в том, что это действительно будет полезное и богоугодное дело.

— Ну, а теперь расскажи мне про цены, — попросил Малой. — Вот этот кафтан сколько может стоить? А дом вроде моего? И так далее.

— Дом Защитника можно оценить рублей в десять, — прикинул отец Авраамий, — княжеский будет раза в три подороже. Кафтан у тебя хороший, тянет копеек на тридцать

пять, если не на сорок. Бык стоит полтинник, коза чуть подешевле, приличный нож — примерно гривенник. Ружье — рубль. Нового производства ружье, а оставшиеся от Защитника — бесценны. И взятые тобой винтовки тоже. Двадцать пять совершенно исправных! И шесть слегка попорченных, с ними уже наши мастера пытаются разобраться.

— Это самое, — забеспокоился Малой, — как бы они там дров не наломали. Пусть погодят, я завтра сам посмотрю и на винтовки, и на ваших мастеров. А капсюли и патроны уже сосчитали?

— Да, вот список, — кивнул монах и позвонил в колокольчик. Тотчас в кабинет зашел инок, которому было велено идти к мастерам и предупредить, чтобы смотреть смотрели, но чинить винтовки до прихода Защитника не пытались.

А старшина посмотрел на цифры. Тысяча двести одиннадцать патронов, но у трех мятые гильзы. Пятьдесят две стреляные гильзы. Одна пулелейка, но есть приписка, что русичи и без нее сделают пули не хуже, если понадобится. Три тысячи четыреста пять капсюлей, они в основном были в мешках на шлюпках. Одиннадцать фунтов пороха. Ну, это не проблема, порох тут делают давно, и хороший, не хуже «Медведя». Но вообще-то что такое фунт? То, что он меньше килограмма, это железно, но более точно старшина не знал. Значит, придется кроме метра местным еще и килограмм показать, но вот взять-то его где? То, что столько весит литр воды, старшина знал совершенно точно, но литра у него при себе не было. На минуту Малой задумался, но его быстро осенило. Однако, гордо подумал он, пусть даже родился я дурак дураком и железнодорожный техникум с трудом окончил на тройки, кроме физкультуры и рисования, но зато в армии-то как поумнел! И незачем мне литр, потому что у меня есть автомат, а он весит три килограмма сто тридцать граммов без штык-ножа, шомпола и магазина. Ладно, с этим ясно. Абрам говорит, что даже гильзы они скорее всего тоже смогут сделать, да и имеющиеся можно будет использовать помногу раз, но как быть с капсюлями?

— В самом конце жизни первый Защитник тоже об этом задумался, когда русичи захватили винтовку агров, — пояснил отец Авраамий, — и даже у него что-то получилось, но довести дело до конца он не успел. Но все бумаги сохранились, я сегодня же велю предоставить их вашему благородию. Сам же могу сказать, что основа для капсюлей, которые делал его благородие господин капитан, это зола морских водорослей, за которыми приходилось плавать далеко на север. И обрабатывается эта зола отстоем из выгребных ям, а потом смешивается с пометом чаек. Но получалось всегда по-разному — иногда оно взрывалось от малейшего прикосновения, иногда не взрывалось вовсе, и только два раза получилось как надо. Но почему именно те попытки оказались удачными, Защитник понять не успел. Может, у тебя, ваше благородие, это лучше выйдет.

А что, подумал Вячеслав, насчет чего взорвать у нас все пацаны были доками, и я среди них не последний. Магний там с марганцовкой, йод с нашатырным спиртом... кстати, а не это ли пытался сделать капитан? Опять же карбидные бомбы, а один умелец ухитрился даже получить немножко нитроглицерина. Недельку потом дома валялся с обожженной мордой и поротой задницей, пока его родители делали ремонт на кухне. В общем, попробуем разобраться и с капсюлями, но надо, пожалуй, прояснить еще один вопрос. В какую сторону следует креститься, Малой уже посмотрел, но в остальном его познания относительно канонов православия были весьма скудны, да и тут оно могло быть немного не таким, как на Земле. А в чужой монастырь со своим уставом не ходят, старшина знал твердо. И спросил про это у отца Авраамия.

— Так ты же Защитник! — удивился монах. — Тебя же на землю русичей послал сам Господь, так что ты, ваше благородие, для него не один из людишек, а его личный посланник. И уж тебе по всякому молиться можно, все равно услышан будешь. Ну, например...

Отец Авраамий задумался, а потом продолжил:

— Вот, к слову, как это у людей происходит. Я к отцу Феодосию могу зайти в любое время и поговорить с ним, если возникнет надобность. Но ведь не каждый же охотник или

тем более дитя малое! Для них есть определенный порядок, выделены присутственные дни. Если по порядку свою просьбу изложат, то может и выслушать их отец Феодосий. Вот и в молитвенном деле так. Службы, которые идут в храме каждый день — это не просьбы, а просто благодарность Господу за уже содеянное для русичей. Если когда ни попадя его просить обо всем подряд, так он ведь и разгневаться может. Но бывают дни, когда Бог согласен выслушать нас, грешных, и в знак этого стрелки всех компасов начинают показывать с запада на восток. А если при этом еще и икона Спасителя в храме посветлеет ликом, то, значит, специально Господь обратил на русичей внимание свое и можно молиться о самом сокровенном. Но только от всей души, как мы о твоём явлении молились. А в прошлый раз, двадцать один год назад, когда я был еще иноком, такое случилось... Господи, помилуй рабов твоих грешных, до сих пор стыдно вспомнить.

— Расскажешь или это такая тайна, о которой и говорить нельзя? — поинтересовался старшина.

— Ох, да какая уж там тайна, половина Спасска из тех, кто постарше, об этом помнит. Епископом тогда был отец Акакий, мелкой душонки человек, да к тому же блудливый и никелелюбивый сверх всякой меры. И, как начал светлеть лик Спасителя, объявил он, что молебен будет об успехах торговли с римлянами! Ну надо же было до такого додуматься, однако епископат ему противиться не посмел. Собрали монахов, молились два дня, а на третий перестали, потому что занемог епископ, какая-то шишка у него на лбу расти начала. А через пару седмиц стало видно, что никакая это не шишка, а мужской срам! Как есть и даже с волосами, тьфу, стыдоба-то какая. Позвал тогда епископ лекаря, отрезал тот ему все отросшее, но прожил после того отец Акакий всего день, а потом помер. И правильно, нечего было поперек господней воли идти!

Ого, подумал старшина, интересные у них тут дела творятся. Может, агр действительно не сам промахнулся, ведь как раз в это время русичи молились о Защитнике? И то, что стрелка компаса тут чуть ли не всякий день показывает куда угодно, только не на север, старшина уже видел сам. А вдруг действительно Бог есть? Тогда надо будет свечку ему поставить, что ли.

Но потом Вячеслав устыдился своих мыслей. Если даже Он и есть, то на кой ляд ему нужна моя свечка, решил старшина. Пусть даже действительно именно Он направил меня сюда с целью помочь русичам. Так это я и сам уже начал безо всяких подсказок! То есть делать надо что следует, а там как оно будет, так пусть и будет.

Глава 5

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ, ПЕРВЫМ ДЕЛОМ...

Остаток дня старшина посвятил чтению тех бумаг Защитника, которые описывали свойства чудотворной иконы в Спасском храме. Причем читать пришлось самому, потому как тетрадь была опечатана, а в завещании капитан написал, что вскрыть печать русичам можно в самом крайнем случае, а пока он не наступил, на это имеет право только новый Защитник. И он же решит, что из написанного в тетради можно сообщить монахам.

На первой странице изображался план участка, где стоял храм. В общем, старшина и без этой картинки успел заметить, что тот построен между двух невысоких холмов из какого-то рыжевато-го камня, но на плане было обозначено, что центр храма находится точно посередине между центрами холмов. На второй странице был чертеж здания, причем основные размеры обозначались латинскими буквами. Потом шли какие-то формулы, над которыми старшина ломал голову около часа, но так ничего и не понял. Тяжело вздохнув, он начал листать тетрадь дальше, надеясь, что где-нибудь найдется объяснение словами. И потихоньку Малой начал понимать хоть что-то. Капитан писал, что у Земли имеется магнитная сила, которая, например, отклоняет стрелку компаса. Она всегда направлена с севера на юг и почти всегда одной и той же величины, хотя иногда случаются отклонения. Здесь же, на этой планете, которую агры называют Мэлтер, магнитная сила гораздо больше,

а главное — она гораздо чаще меняется, причем и по направлению тоже. В средних широтах это еще не так заметно, но тут, на Южном материке, неподалеку от полюса, направление силы может меняться аж на сто двадцать градусов, а ее величина — в десятки раз. Дальше опять шли формулы, а пояснял их схематичный чертеж пирамиды, вроде той, про которую старшине рассказывали на уроках истории. Да ведь это крыша храма! — вдруг осенило Малого. Действительно, она имела вид правильной пирамиды из темных, почти черных досок, стоящих на невысоком квадратном основании из белого известняка. Но, опять-таки, к чему все это изложил капитан, было непонятно. Ладно, читаем дальше, еще ведь и до половины не дошел, подумал старшина, переворачивая страницу.

Дойдя до конца тетради, Вячеслав от души обругал себя за тупость. Ну не понимал же ничего в этих формулах и цифрах, так и нечего было мозги ломать! Потому как на последней странице капитан простыми словами пересказал содержание всех предыдущих.

В общем, когда магнитные силы расположатся с запада на восток, то, проходя через железные горы, меж которых и стоит храм, они особым образом концентрируются. Икона же написана специальными красками, которые от этих магнитных сил становятся ярче. И во время, когда линии сил проходят через две горы и центр храма, а их величина наибольшая, искренняя молитва имеет шансы на воплощение в жизнь, почему так — как раз и объясняется в тетради при помощи тех самых формул. А если похожая пирамида есть и на Земле, то в случае, когда и там магнитные силы достигнут нужной величины, возможен переход с Земли на Мэлтер.

Да уж, почесал в затылке старшина, это в сто раз проще перешерстить всю страну агронов, найти там ящик-телепортатор и утащить его вместе с оператором, чем дожидаться, пока на Земле кто-то построит пирамиду меж двух железных гор, какую надо. Потом еще фиг знает сколько времени пройдет, пока там эти магнитные силы устаканятся, и чтобы в это время здесь происходило то же самое... Нет, пришел к выводу старшина, до такого не только мне, но и детям моим не дожить.

Но долго грустить у Малого не получилось, и, вспомнив горестный рассказ отца Абрама, он расхохотался. Ведь того Акакия наказали, получается, сами монахи! Он, гад, заставил их сутками напролет молиться о его выгоде, а они, значит, от всей души ему желали — да чтоб у тебя хрен на лбу вырос, паскуда! Вот он и вырос. Нет, отцу Авраамиию про такое говорить, пожалуй, не стоит, как бы его совесть не замучила или еще что-нибудь. Вот только, наморщил лоб Малой, слышал я вроде что-то про пирамиду и магнитное что-то там... точно, поле! Стояла у Патрика в мастерской такая, как раз вдоль каких-то линий поля ориентированная. Маленькая, чуть ниже молочной бутылки, и склеена она была из оргстекла. Андрюха говорил, что в ней отчего-то точатся бритвы, и сам ради интереса брился одним лезвием «Балтики» месяц подряд, хотя оно без пирамиды за пять раз тупеет до полной невозможности использования. Но потом опять перешел на электробритву, а старшину это не заинтересовало, он брился опасной. Неужели это у него было то самое, про что писал Башкирцев? И ведь Патрик говорил, что после армии постарается поглубже вникнуть в это дело. Вдруг у него получится? Вот что надо сделать, решил старшина. Хоть икона сейчас и темная, но стрелка компаса пока еще показывает на запад. И, пока она так стоит, пусть монахи молятся о здравии сержанта Андрея Патрикеева. Прямо сейчас и начинают, подумал старшина и знакомым путем отправился к отцу Авраамиию. Сказать ему про молитву и посоветоваться насчет введения на земле русичей всеобщей воинской обязанности.

Первый пункт возражений у монаха не вызвал, а вот второй заставил задуматься.

— Не очень это хорошо выйдет, — наконец сказал он. — Летом у нас каждая пара рук на счету. Но разве обязательно ли служить весь срок сразу? Как ты, ваше благородие, это назвал — призыв? Так пускай тот призыв случается один раз в год, в конце апреля. До конца сентября народ служит, а потом — по домам. Вот так ничего плохого не будет, зимой, особенно на побережье, все равно работы мало. И вместе с воинской наукой нужно будет учить недорослей грамоте, а то поди до них доберись, пока каждый сидит в своей деревеньке.

Ага, подумал Малой, поп говорит дело. И тут еще надо иметь в виду, что сразу все правильно не получится, поначалу косяком пойдут всякие накладки. А если служба будет только зимой, то за лето можно будет спокойно обдумать, что пошло наперекосяк, и к следующей зиме исправить. И страна русичей — это не Россия, от Спасска до самой ее дальней границы пять дней пешего хода, так что лишних транспортных расходов не будет. Значит, надо соглашаться с предложением монаха, а потом спросить про язык агров, вдруг отец Абрам об этом что-нибудь знает. Дело было в том, что, пока старшина воевал, монахи все-таки сделали из его ремня неплохую антенну, и уже вторую ночь старшина слушал эфир. Так вот, ему удалось несколько раз поймать разговоры агров, и все они были на русском языке! Правда, не очень понятном, со многими неизвестными словами, но тем не менее именно русском. Более того, одна из передач, похоже, была с приплывавшего в Загорье корабля. То есть передающий возбужденно вопил о несметных толпах русичей, вооруженных дальнобойными самострелами, о попавшем в засаду десанте и еще о чем-то, а в конце заявил, что отрядом численностью менее полутысячи на Южный материк лучше не соваться.

— Это правда, — задумчиво подтвердил отец Авраамий, — агры говорят по-русски. На это обратил внимание еще первый Защитник, но почему так, он твердо объяснить не смог. Скорее всего, еще до захвата римлян у агров кто-то сбежал на Землю. Не все же они живодеры от рождения! А живут супостаты долго, чуть ли не тысячу лет. Так что вполне он мог попасть в древнюю Русь и там чему-то научить местный народ. Не очень его благородию капитану такое нравилось, но другого объяснения он придумать не смог. Церковь же считает, что агров такими сотворил Господь, а зачем — только ему ведомо.

Вячеславу тоже не очень понравилось объяснение Защитника. Это что же, выходит, наших предков учили жизни какие-то доисторические фашисты?! Быть такого не может. Скорее уж наоборот, сунулись эти уроды в древнюю Русь, но там им наши богатыри так вломили, что агры вмиг научились кричать «дяденьки, не бейте, мы сдаемся!» по-русски, ну, а потом и все остальное. Может, у них родной язык такой корявый, что на нем и говорить-то противно? Насчет же того, что агров специально сотворили говорящими по-русски, старшине не очень верилось.

Следующий день для нового Защитника начался с визита в оружейную мастерскую. В общем, он зря волновался — понять, как разбирается винтовка агров, местные мастера смогли и сами. Выяснилось, что у одной погнут ствол, так что из нее может получиться только короткий обреза, но кому он здесь нужен? Хотя для учебных целей сойдет, надо же на чем-то изучать сборку-разборку, да и как заряжать тоже. У двух были треснуты приклады, столяр уже сказал, что один лучше сразу сделать новый, а второй можно подклеить и укрепить. Оставшиеся же три были отнесены к неисправным из-за набившегося в затвор песка. Убедившись, что портачить оружейные мастера не будут, старшина собрался было сходить в трапезную, но по дороге был перехвачен Василисой Криволаповой. Бабка увязалась с отрядом, потому как в Спасске, в школе при монастыре, у нее училась дочь, и вот, значит, она и решила провести дитя, раз уж тут образовалась оказия, а то пускаться одной-то в такой дальний путь ей якобы страшно. На самом же деле старшине было совершенно очевидно, что охотница потеряла всякий покой из-за винтовок. За время пути она неоднократно доставала Вячеслава своими рассуждениями о том, что, мол, вот если бы у нее с самого начала было такое ружье, то она перестреляла бы пришельцев еще в лодках. На реплику Малого, что в таком случае русичам вряд ли достались бы винтовки, бабка не моргнув глазом заявила, что и на берегу врага можно перебить ничуть не хуже, только стрелять уметь надо. А кто тут умеет? Кроме нее, разумеется. Ну, Ванька Чайкин ничего, что-то может, особенно когда трезвый. Викула-десятник тоже не так уж плох, да друг его Федька, и у Мухи есть пяток неплохих стрелков. И все, остальные за сто шагов в быка не попадут! А доверь им ружье почистить — сломают.

И вот старушенция снова возникла на пути у Малого. Но сейчас у него уже появились

мысли насчет того, в какое русло направить бьющую через край энергию неумной бабки.

— Василиса... э... как тебя по батюшке?

— Ванькой Водяным моего батьку звали, — растерялась старушка, — а что за нужда тебе в нем? Третий уже десяток лет пошел, как он помер.

— Значит, Василиса Ивановна, подумал я насчет винтовки и вот что придумал.

Бабка замерла.

— Ты же двоих агров уложила? — продолжал старшина.

— Как это двоих, — аж чуть не подпрыгнула от обиды Василиса, — когда троих! Двоих из пистолета, а потом, как они побежали, я у Митьки взяла ружье и еще одного успокоила! Правда, упал он плохо, прикладом своего ружья о камни, вот и треснул немного приклад. Но тут мужики в монастыре рукастые, быстро исправят.

— Раз троих, то тогда тем более. Такому стрелку, как ты, и не дать винтовку? Кому же их тогда давать, если не тебе. Вот прямо сейчас можешь пойти и выбрать самую лучшую. Но будет она тебе не в собственность, а в пользование.

— Это как? — не поняла бабка.

— Значит, пользоваться ты ей сможешь как тебе угодно, но чтобы бережно, и ни продать, ни подарить ее будет нельзя.

— Да что же я, дура какая, прости господи, такую вещь продавать или портить?! — чуть ли не на весь монастырь завопила Василиса.

— Но вот патронов у нас мало, — вздохнул старшина, — так что дам я их тебе только четырнадцать штук, а больше не могу.

— Так ведь их по много раз снаряжать можно!

— Это да, но капсюлей у нас тоже совсем немного. Ну, десятка наверное три как-нибудь тебе выделим. Но это только если ты не захочешь их сама заработать.

— Как? — вскинулась бабка. Что такое капсюль, она уже знала.

— Скоро я здешних мужиков начну учить воинским наукам. Хочешь быть при мне замом по стрелковой подготовке? У нас около тридцати винтовок. Вот, значит, и надо выбрать из будущих солдат самых способных, а потом научить их стрелять. Может, и не совсем как ты, но чтобы с четырехсот шагов хоть через раз, но во врага попадали.

— То есть зовешь ты меня на защитническую службу? А что, и пойду. Вот только...

Бабка замялась.

— Я ведь охотой имела до двух рублей в год! — гордо сообщила она. — На княжьей службе простой стрелок, конечно, живет победнее...

— А ты у нас стрелок не простой, и я тебе, пожалуй, сразу присвою звание прапорщика с окладом двадцать копеек в месяц.

— Тогда, конечно, я согласная. И насчет капсюлей мы что-нибудь придумаем, а то как же с малым количеством мужиков стрелять учить?

— Да ты, бабуль, что, инженер или химик? — улыбнулся Малой.

— Я Василиса Криволапова, и раз говорю, что придумаем, так это не зря. Сам увидишь, Защитник. А за ружьем-то прямо сейчас можно идти?

— Да, хотя погоди маленько, в армии порядок должен быть.

С этими словами старшина достал свою записную книжку, в которой были заполнены только пять страниц, и четырехцветную шариковую ручку, подарок старшего лейтенанта. Чуть подумав, он выдвинул зеленый стержень и написал:

«Выдать прапорщику Криволаповой винтовку, 14 патронов и 35 капсюлей.

Старшина Малой».

После чего вырвал листок и подал его Василисе.

Где-то с минуту старушка любовалась на диковинную тонкую бумагу в мелкую клетку и на зеленую надпись на ней, а потом исчезла. Вот только что тут была, вдруг раз — и ее нет!

— Зверь, а не бабка, — покачал головой старшина и продолжил свой путь в трапезную.

Всю вторую половину дня Малой знакомился с тем, как у русичей обстоят дела с химией. Кое-какие знания по этой науке у старшины имелись, ведь в школе он дружил с Женькой-химиком, тем самым, который как-то раз ухитрился получить нитроглицерин — правда, тогда реакция прошла уж слишком удачно. Но это было в шестом классе, а к восьмому Женька уже набрался ума и взрывов на кухне больше не учинял. Так вот, Малой пару раз помогал ему при изготовлении гремучей ртути и неплохо запомнил этот процесс. Но проблема была в разнице терминологий. Что такое ртуть, главный химик монастыря отец Николай знал. Ее можно купить у римлян, а можно и получить из киновари, которой в наличии сейчас имеется примерно седьмая часть фунта, а если потребуется больше, то ее добывают в Райской долине. Но вот с кислотами дело обстояло хуже — русичи вообще не использовали такого слова. После долгих объяснений, что соляная кислота применяется для травления при ковке и пайке, выяснилось, что данный реактив у русичей называется «соляной спирт». С азотной же кислотой дело обстояло несколько хуже. Пересмотрев и перенюхав все, что в химлаборатории монастыря именовалось спиртами, Малой вынужден был признать, что, похоже, ни один из них азотной кислотой не является. Самое главное, что и свойств ее старшина толком не знал! Помнил, что это жидкость желтоватого цвета, очень едкая и с характерным запахом. Подумав, отец Николай сказал, что это или крепкая водка, или царская водка. Последняя получается смешиванием трех частей соляного спирта с одной частью крепкой водки. Тут старшина припомнил, что Женька тоже говорил нечто похожее, а, значит, крепкой водкой тут действительно называют азотную кислоту, которой сейчас в наличии нет, но приготовить ее можно. В общем, отец Николай пообещал старшине, что через неделю будет и ртуть, и азотная кислота.

А спустя трое суток к Малому заявила целая делегация в составе прапорщика Василисы в сопровождении какой-то довольно высокой миловидной девушки и двух иноков, их Малой уже научился отличать от монахов.

— Позволь, Защитник, представить тебе дочь мою, Ольгу, — торжественно объявила бабка, — коя с отличием окончила монастырскую школу, а ныне оставлена лично отцом Феодосием для углубленного изучения мать... и... матики, вроде так. И еще...

Бабка запнулась.

— Инженерной науки, — подсказала ей дочь и так мило покраснела, что Малой непроизвольно сглотнул.

— Вот! — подтвердила Василиса с гордым видом. — Говорила я тебе, Защитник, что размыслим мы, как быть с патронами для учения, дабы капсюлей на них не тратить? Вот дочь моя и придумала. Ольга, показывай!

Девушка взяла у инок постарше продолговатый сверток и развернула его. Там оказалось нечто вроде обреза, но почти целиком из дерева, только сбоку торчал железный курковый механизм от местного ружья. Но кроме него «обрез» имел еще и продольно-скользящий затвор, явно скопированный с винтовки агров. Ольга отвела его в заднее положение и взяла у второго инок стреляную гильзу.

— Я насыпала туда совсем немножко пороха и забила тряпочный пыж, — сообщила она.

Затем девушка вложила гильзу в патронник, закрыла затвор и взвела курок. Потом прицелилась из своего обреза в стену и нажала на спуск. Фухнуло, об стену ударилась тлеющая тряпка, которую тут же затоптал младший инок. Изобретательница же открыла затвор, достала гильзу и показала ее Малому.

— Место для капсюля заглушено, — пояснила Ольга, — но вот тут просверлена маленькая дырка. При снаряжении она закрывается редкой тканью с пороховой пропиткой.

Потом девушка глянула на старшину, снова покраснела и замолчала.

— Так можно доделать несколько ружей агров, — перехватила эстафету Василиса. — Правда, с одной зарядки ружье будет стрелять только раз, в магазин такие патроны не

засунешь, потому что их надо вставлять особо, чтобы метка на гильзе совпала с меткой на патроннике. Но на учебе это не страшно, да и в бою такое ружье будет всяко лучше нашего старого. И ружья мы такой доделкой не испортим, потому что курковую машинку можно быстро снять, а запальную дырочку в стволе заклепать.

Ай да молодец девчонка, восхищенно думал старшина, вертя в руках модель доработанной винтовки. Теперь они нам верно послужат до полного расстрела стволов, а это будет еще ой как не скоро! Чай, к тому времени и новых добудем. И чего, спрашивается, я сам до этого сразу не додумался? Наверное, потому, что она умная, а я все-таки не очень. И, кстати, как тут у русичей за девушками ухаживают, спросить, что ли, отца Абрама? А то ведь ни кино, ни танцплощадки, ни даже семечек. Хотя ладно, и так прорвемся.

С этой оптимистической мыслью Вячеслав и вернул модель ее авторше, про себя подумав, что и для нее надо будет придумать какую-нибудь должность в создаваемой армии. И если доработанные предложенным образом винтовки агров будут нормально стрелять, тут же присвоить девушке звание лейтенанта инженерных войск.

Глава 6

РАЙ В ШАЛАШЕ?

А вскоре старшине представился случай вспомнить свое далекое детство, когда он, пятилетний пацан, с завистью смотрел на рассекающего на велосипеде старшего брата. Славику было обещано — как только исполнится шесть лет, ему тоже дадут попробовать, вот прямо в этот же день. И ведь не обманул брат, но проехать удалось только метра три, а со второй попытки и вовсе полтора, после чего будущий старшина был отправлен к матери, замазывать йодом ссадины на локтях и коленях. Тогда он впервые понял, что видеть, как кто-то что-то делает, мало для успешного воспроизведения процесса. Надо это еще и уметь. Правда, имелся и более поздний пример прямо противоположного плана, когда пятнадцатилетний Вячеслав как-то раз случайно потерял невинность в обществе шалавы Людки с нечетной стороны улицы. Там все получилось сразу и без проблем, хотя до того Славе даже и видеть-то подобного со стороны не доводилось. Значит, пришел к выводу старшина, покидая химическую лабораторию монастыря после третьего по счету неудачного опыта, с Людкой — это было исключение. А с велосипедом и гремучей ртутью — правило. Может, после тройной перегонки все равно получился недостаточно чистый спирт? В общем, пусть отец Николай дальше сам мучается, в общих чертах он уже понял, что и как должно получиться. А учеников, пожалуй, надо настропалить на получение бертолетовой соли. Ибо это совсем просто, знай пропускай хлор через нагретый раствор золы, а потом, поставив банку на лед, ждешь появления осадка. Но тут основная трудность была в хлоре, а точнее в том, что старшина так и не смог толком объяснить местным химикам, что такое хлор, потому как и сам этого не знал. Единственное, что он мог сказать — для получения этого газа надо бросить какой-то темный, почти черный порошок в бесцветную жидкость, и он там начнет шипеть и булькать. Хотя разве этого мало? Вот пусть ученики и пропускают любой газ, полученный подобным образом, через нагретый раствор золы, может, в конце концов и получится та самая бертолетова соль. Но даже если нет, они все равно чему-то научатся, так что зряшной их возня не будет.

Тут старшине вспомнилось, как почти полтора года назад Патрик учил его водить разведывательный газик, пригнанный ему для ремонта рации. Уже потом выяснилось, что сам Патрикеев тогда вообще водить машину не умел, то есть совершенно! А Вячеслав до этого все-таки один раз держался за руль колесного трактора.

— Ты пойми, — объяснил будущему старшине нахальный радиомастер, — учителю, а тем более начальнику вовсе не обязательно самому что-то уметь! Достаточно знать или даже думать, что знаешь, как это должны сделать подчиненные.

Так что все правильно, пришел к окончательному выводу Малой. Направление я монахам указал, теперь дело за ними. Что там меня на литературе заставляли из Пушкина

учить? Что опыт — он чей-то сын, и, пока ошибок не наделаешь, его не наберешься. А мне надо заранее придумать, чем их наградить, когда хоть что-нибудь получится, вот и все.

Уже в процессе подготовки к ведению всеобщей воинской обязанности Малой задумался о том, что русичи живут на полуострове, то есть их земля с трех сторон окружена океаном. Именно по воде сюда приплывает враг, и что это значит? Правильно, кроме армии нужен еще и флот. Однако если про армию старшина знал уж во всяком случае больше любого на этой планете, то с флотом дела обстояли несколько хуже. Военные корабли Малому доводилось видеть только на картинках. Из невоенных в его активе имелся увиденный как-то раз на Рыбинском водохранилище теплоход «Иван Кадомцев», но издали, так что Вячеслав даже не сразу заметил, что он колесный. Ну, и когда восемь лет назад их класс ездил на экскурсию в Москву, в программе была поездка на речном трамвайчике. В общем, старшине хватило здравомыслия признать, что его познания в морском деле совершенно недостаточны даже для составления самых предварительных планов, и он в очередной раз обратился за консультацией к отцу Абраму. Тот перенаправил его к благочинному по морским делам отцу Сергию, и вот уже несколько дней обеда и ужины в монастыре сопровождались лекциями на мореплавательские темы.

Выяснилось, что основным типом океанского корабля у русичей является бот — одномачтовое судно с двумя косыми парусами. Посмотрев на рисунок, старшина подумал, что на Земле, кажется, это называлось яхтой. Для прибрежного плавания использовались ладьи — кораблики побольше, попузатей и с двумя мачтами. Ну и просто лодки у рыбаков и охотников. Землю русичей от Ближнего северного материка отделял пролив шириной километров семьдесят, но с большим количеством рифов и, кроме того, течением, которое зависело от направления и силы ветра. Так что через пролив агры почти не плавали, ограничиваясь набегам на восточное побережье. Кроме того, при хорошем ветре бот мог и уйти от случайно встреченных вражеских кораблей, которые развивали скорость около десяти узлов. И боты, и ладьи имели весла, иначе им просто не удавалось бы заходить в узкие бухты, где, как правило, располагались селения русичей.

Отец Сергей объяснил Малому, что корабли агров почти не нападают на боты русичей в открытом море. Потому что их не так просто догнать, а если подойти ближе, то русичи начнут отстреливаться из пушек, которых, как правило, на каждом боте имелось две. Да, пушки агров мощнее и дальнобойнее, но что толку топить корабль, когда им нужны живые люди? А вот при попытке защитить свой берег боты безжалостно расстреливались.

Итак, какая-то информация у старшины появилась, и он приступил к ее обдумыванию. Значит, какие задачи могут ставиться перед любым подразделением? Наступательные, оборонительные и разведывательно-диверсионные. Флот — он, в общем-то, тоже подразделение, и как у него обстоят дела? Пока хреновато, вынужден был признать старшина. Про наступательные действия никто и не думает из-за явного превосходства артиллерии противника. Оборонительные пока не увенчались успехом по той же причине, и единственное, что пока могут боты русичей — это вести разведку. Но сие не есть хорошо, и для начала надо подумать, как флот может помочь при обороне какого-нибудь поселка. Что является оборонительным вооружением на суше? Во-первых, пулеметы, но их тут нет и не предвидится. А во-вторых, мины... Мины! Они ведь и морские бывают, старшина это знал совершенно точно, он их не раз видел на картинках — здоровенные железные шары с торчащими во все стороны рожками. Плывет, значит, такой шар по морю, и, как коснется своим рогом днища корабля, взрывается. Но, блин... Где-нибудь в океане, может, они и будут спокойно плавать, а в здешних течениях, да меж камней, мину мигом шваркнет об риф или берег. Привязать их, что ли? Точно, привязать! К большому булыжнику, который будет mine вместо якоря, и на веревке строго определенной длины. Чтобы лодки русичей могли спокойно проходить над этими минами, а корабли агров обязательно задевали их брюхом.

Вот так, с некоторой даже гордостью за мощь своего разума подумал Малой, и мы тоже

можем кое-что, если как следует напряжем извилины. Вроде завтра Ольга обещала показать в действии три переделанные под кремневый запал винтовки? Вот и ладушки, посмотрим, постреляем, а потом расскажем ей про мины.

Винтовки с патронами из снаряженных дырявых гильз действительно оказались вполне пригодными не только для учебы, но и для боевых действий, а после стрельбы Малой пригласил Ольгу к себе домой, где и рассказал ей про морские мины. А потом, воодушевленный неподдельным интересом слушательницы, и вообще все, что помнил про военно-морской флот. Правда, в его рассказе искусственный человек наверняка нашел бы и неточности, и некоторую, скажем так, непоследовательность, но Ольга к таковым не относилась. И потому, широко раскрыв глаза, слушала об обороне Севастополя под руководством адмирала Ушакова, а потом — о крейсерах «Киров» и «Аврора». После чего старшина вспомнил о матросе Кошке и атомных подводных лодках, но к авианосцам перейти не успел, потому как беседа была прервана нестати заявившимся отцом Авраамием.

— Случилось чего? — без особого энтузиазма спросил старшина.

— Случилось, Защитник, — подтвердил монах, — в Райской долине прослышали о появлении второго Защитника и прислали посольство с подарками. Вот и думаем мы с отцом Феодосием, то ли гнать их в шею, то ли допустить до твоей персоны. Подарки-то — смех один, хоть Москва и не так чтобы уж очень богато живет, но могли бы и получше чего прислать.

— Ну зачем же сразу в шею, — задумался Вячеслав, — это разведка, ежу понятно. Так что приму я их, но попозже. Скажи им, что у Защитника важное совещание, а как оно закончится, их допустят до... до... в общем, до меня. А нам бы пока пообедать, покормите нас с Ольгой?

— Отчего же не покормить, только послы пока как раз в трапезной и сидят. Выгнать или послать иноков сюда обед принести?

— Лучше сюда, — решил старшина и, дождавшись ухода отца Авраамия, продолжил свое повествование, но теперь уже про боевые вертолеты. Вот уж тут Малой чувствовал себя гораздо уверенней, чем в чисто морских вопросах, так что и рассказ получился куда красочней.

— В монастырской библиотеке есть записанный тридцать лет назад рассказ одного охотника о том, как он видел летающую машину агров, — вспомнила Ольга. — И там даже был рисунок, я его внимательно рассмотрела. Но та машина не имела мельничных лопастей сверху, а выглядела как... как...

Малой подал девушке свою четырехцветную ручку и лист бумаги. Примерно с минуту Ольга с интересом рассматривала диковинку, потом, по очереди выдвигая стержни, провела по линии каждого цвета, после чего быстро набросала рисунок.

— Ага, видали мы такое, видали, — кивнул старшина, взглядевшись. Действительно, изображенное Ольгой больше всего напоминало треугольный воздушный змей. А вот уж по змеям-то старшина в детстве был большим специалистом — делал и простые квадратные с косым крестом посередине и мочальным хвостом сзади, и коробчатые, ну и треугольные тоже, причем как раз такие, как девушка и изобразила. Две планки буквой «Л», точно посередине между ними еще одна, такая же, и скрепляющая всю конструкцию поперечина ближе к заднему краю. А поверх — треугольник из плотной бумаги, вклеенный так, чтобы он образовывал два небольших горба. Подобные змеи хорошо летали при слабом ветре, причем их можно было поднять так, чтобы змей оказался почти прямо над головой запускающего. Нарисованная Ольгой агровская машина, судя по всему, как раз и представляла собой такого змея, только большого и с подвешенной внизу люлькой, где размещался пилот и мотор.

Так что еще полчаса, пока не принесли обед, Малой соловьем разливался про воздушных змеев. По нему выходило, что строили они с пацанами великое множество самых разных, в том числе и такие большие, чтобы поднять человека. Тут, правда, Вячеслав самую

малость преувеличил, потому как змей, построенный Петькой с двумя младшими братьями, действительно мог поднять семилетнего Вовку, но очень невысоко и ненадолго, да и то только после того, как Вовка подпрыгивал.

Правда, потом пришлось отвлечься на трапезу, но после нее старшина взял ручку, бумагу и снабдил свой рассказ иллюстративным материалом. Дело было в том, что он довольно неплохо рисовал, и училка в школе даже говорила, что из него может получиться художник, но Вячеслава подобная перспектива как-то не очень вдохновила, и он после восьми классов поступил в железнодорожный техникум. Ну, а тут, чего уж греха таить, он просто решил похвастаться своими талантами перед симпатичной девушкой. Она это явно оценила, но, кроме того, заинтересовалась и самими змеями.

— Ваше благородие Защитник...

— Да Слава я, просто Слава! — в который раз уточнил Вячеслав.

— Слава, это очень интересно, надо попробовать. Ведь даже в Спасске часто дуют сильные ветры, а на Медвежьей горе они всегда, и можно будет поднимать наблюдателей, которые увидят сигналы солнечного телеграфа или сигнальные дымы прямо с побережья. А может, получится оснастить твоими змеями и боты, чтобы агры не могли внезапно подойти к нашим кораблям. Поможешь мне построить несколько маленьких змеев для изучения?

— Обязательно, — заверил Малой, но тут снова объявился отец Авраамий с напоминанием про послов, и старшина пошел за ним в монастырь, мысленно желая тем послам подавиться своими подарками. Сейчас бы сели с Ольгой змея клеить, а тут изволь беседовать с этими москвичами. Тьфу. То есть тяжела ты, доля Защитника!

Послов оказалось всего двое, и представляли они не тамошнего князя и даже не архиерея Московского, а, как они сказали, купеческое сословие Райской долины. Это сразу заинтересовало старшину, потому как получалось, что делегаты прибыли сюда сами, а не были посланы начальством. А, значит, у них имеется какой-то свой интерес, от начальственного отличный. Так что он с подобающей вежливостью принял подарки — в основном тряпки, которые ему были совершенно ни к чему, здоровенное мягкое полотенце и что-то вроде халата. И небольшой бочонок меда, чему Вячеслав искренне обрадовался, да плюс восковые свечи. После чего инок принес местного пива, и Малой, налив себе и предложив сделать то же самое послам, приготовился слушать.

Первые десять минут гости исходили комплиментами в адрес Малого — мол, он и такой, этакий, и агров в Загорье победил играючи да богатые трофеи взял, так что ждет теперь жителей гор одно сплошное процветание. Потом начался плач. Типа мы там, в Райской долине, перебиваемся с хлеба на воду, торговлишка внутри долины совсем никакая, а с остальной землей русичей им, купцам, не дают торговать...

Тут оратор осторожно огляделся и, не увидев рядом никого, закончил:

— Ну совсем не дают торговать жадные попы! И с римлянами тоже. От них, чернорясых, что, убудет, если честный купец что-то продаст римлянам или купит у них?

— Дядь, ты уточни, чьи попы тебе жить-то мешают, — предложил Малой.

— Да здешние, знамо дело, спасские, из Феофановского монастыря. При прежнем-то епископе, Акакии, еще ничего было, а Феодосий совсем зажал торговлю и жизни не дает честному купцу.

— Вот прямо так и не дает? — поинтересовался старшина, потому как уже успел ознакомиться с положением дел относительно московской торговли.

Купцы вынуждены были признать, что не совсем прямо. То есть торговать-то можно, только при этом придется платить налог спасскому князю, церковную десятину и еще таможенный сбор, а это одна двенадцатая часть. Да разве при таких поборах можно не разориться? Тем более что нашему, московскому князю, тоже дать надо, да и архиерею его десятину, хоть она выходит и поменьше вашей.

Очень интересно, подумал старшина, как это десятая часть от одной и той же суммы в Москве оказывается меньше, чем в Спасске? И, сделав пометку в памяти уточнить про такой

феномен, продолжал слушать оратора, потихоньку от жалоб дошедшего уже и до предложений. Типа они готовы сами, своими силами и за свой счет оборудовать причалами все равно пустующую Лазоревую бухту, от этого Спасску никакого убытка не будет. И дорогу от долины к ней проложить, а она в тех краях и не москвичам пригодится. В общем, ежели его благородие Защитник замолвит за них словечко, то уж они, купцы московские, отблагодарят от всей души.

— Интересно, — с приличествующей ситуации важностью сказал старшина, — я подумаю, с налета такие дела не делаются. Завтра ближе к вечеру еще раз поговорим, а пока приятного вам аппетита, на сегодня заседание объявляю закрытым.

С этими словами Малой встал и отправился в настоятельские покои, чтобы узнать мнение отцов Феодосия с Авраамием об этом деле.

— Так и знал, — скривился отец Абрам, — все им не нравится, что новый епископ наконец-то порядок в торговле навел. Ишь, чего захотели — они будут себе мошну набивать, а мы смотреть? В Лазоревой же бухте наши охотники морского зверя промышляют, потому там и не строится ничего.

— Но все-таки, — решил до конца разобраться в вопросе старшина, — чем они торгуют с римлянами?

— Продают стекло, — пояснил монах, — оно у них хоть и дороже нашего, но лучше, такого песка, как под Москвой, у нас нет. Причем и цветное тоже, наши стекольщики вообще этим баловством не занимаются. А покупают всего понемногу — лес, липкий сок какого-то дерева, выделанные кожи. Напрямую нам от их торговли ни прибыли, ни убытка, только налог, да и то небольшой. Но почему это, прости Господи, наши должны платить и сбор, и десятину, а эти — нет? Это их дело, чего они там своему самозваному князю потом платят.

— Ясно, — кивнул Малой, — а почему у них десятина-то меньше получается?

— Так это кто и как считать будет! Их архиерей такие порядки завел, что тамошние дьяки за мзду тебе любую цифру как доход, десятиной облагаемый, впишут. Тьфу, да и только!

— Ладно, отец, мысли твои я понял. Но мне по этому поводу вот что думается...

— А что, лепо может получиться, — согласился монах, выслушав Малого, — только все равно нечего им делать в Лазоревой бухте. Пусть в Дальнем свой причал строят, там как раз место есть.

С утра еще раз обмозговав пришедшее ему в голову насчет московских дел, старшина явных ошибок не нашел и в обед уже выступал перед купцами:

— Обмыслил я, что вы мне вчера сказали, и вот что решил. Если хотите, стройте свой причал в поселке Дальнем, Лазоревую бухту трогать нельзя, это заказник. А насчет пошлин, налога и десятины решили мы так. Пошлина за товары, идущие римлянам, братья не будет. А в остальном все должно быть взаимно. Открываете вы свое представительство на земле русичей — тогда уж и мы открываем свое в Москве. Хотите не платить десятину нашей церкви — добейтесь, чтобы наши купцы, через московское представительство торгующие, не платили вашей. И с княжеским налогом то же самое.

— Да чем же ваши у нас торговать будут, — заканючил купец постарше, — народишко-то у нас совсем нищий, копейку и то за большие деньги считает.

— Ну вы, москвичи, совсем зажрались, копейка вам уже не деньги. Она, между прочим, рубль бережет! А чем торговать — найдем. Со всем уважением к вашим законам, то есть в стекольные дела, где у вас договор с мастерами на двадцать лет, мы не полезем.

Старшина знал, что говорил. Какая разница, что почем будут покупать и продавать в Москве люди из Спасска! Потому как проникновение в чужую страну, пусть она и совсем недавно такой стала, надо начинать с организации там своей резидентуры. Ну, а насчет торговли — тоже не прогорим. Продавать почти ничего не будем, только покупать, причем что угодно, хоть траву из-под ног или куриный помет. А платить будем никелем, который в Москве ценится, но своего там нет. А, значит, в любой удобный нам момент мы сможем так задрать цены, что в той долине и рубль за деньги считать перестанут. Ибо куда это годится,

когда внутри страны какие-то снобы отделились, завели свои порядки и знать больше ничего не хотят?

Вот так, в делах и заботах, незаметно пролетел декабрь, и наступил Новый год, который тут со времен капитана Башкирцева праздновали первого января, то есть в самый разгар лета. Большая ель, специально для этого растущая на главной площади Спасска, была украшена ленточками и бумажными игрушками. А сейчас русичи дивились на невиданное зрелище — парад воздушных змеев. Большие и разноцветные, треугольные, квадратные и коробчатые, парили они над Спасском, весело размахивая мочальными хвостами. Вечером планировался салют. И хотя фейерверки тут были известны со времен первого Защитника, народ с нетерпением ждал темноты, ибо уже расползлись слухи, что сюда приложил руку второй Защитник и потому это будет особенный фейерверк.

А старшина стоял в стороне, у своего дома, и любовался на прижавшуюся к нему Ольгу. Вчера она согласилась стать его женой, и через пять дней будет свадьба. На душе у Малого было празднично. Ну и черт с ним, что он на другой планете. Все равно такую жену, как Ольга, на Земле не больно и найдешь. Жалко, конечно, родителей — им небось пришла бумажка «пропал без вести». Но ведь не похоронка же! Да и потом, глядишь, получится передать им весточку. Может, и в гости заглянуть. А мой дом теперь тут. Интересно, когда же удастся связаться с Землей? Если дела и дальше пойдут так, как пока идут, то лет через десять в самом лучшем случае. Ну и что?

Если бы старшине в этот момент кто-нибудь сказал правду — то есть что до того события пройдет еще тридцать один год, он все равно бы не очень расстроился.

Глава 7 ДОЛЖЕН ЛИ РИМ ПАСТЬ?

Утром первого января двести шестьдесят шестого года от явления первого Защитника старшина встал довольно поздно, в одиннадцать. Не то что бы он сильно выпил на новогоднем застолье, но не так уж много выпадало дней, когда их благородие Защитник мог спать, сколько ему вздумается. За три года, что Вячеслав жил на земле русичей, хорошо, если набрался десяток.

Быстро одевшись, старшина вышел в гостиную. Там было пусто, но из сеней доносился голос Ольги — кажется, она кого-то распекала. Малой прислушался.

— Ты, купец, грамотный? — грозно вопрошала она. — А раз грамотный, так читай бумагу — специально крупными буквами писала и на самое видное место вывешивала! У Защитника сегодня выходной. И беспокоить его можно, только если нападут агры! Отвечай — они напали?

— Нет, уважаемая товарищ старший лейтенант, — отвечал чей-то смутно знакомый голос, — так ведь я только что вернулся из Римской страны и привез посла, причем не абы какого, а целого центуриона!

— Центурион — это, по-нашему, ротный, то есть капитан, — возразила супруга, — невелика птица против старшины, субординацию понимать надо. Устрой его в гостевом доме, потом покорми, город ему покажи, а вечером на площади танцы будут. Завтра же с десяти — милости просим. Иди, купец, пока я не осерчала.

На этом беседа закончилась — Ольгу знали по всей земле русичей и в общем-то побаивались. Не так, конечно, как ее мать, начальника стрелковой подготовки русской армии, которую за характер, проявляемый как перед аграми, так и перед русичами, давно уже кликали не Криволаповой, а Грозной. Но купец, судя по удаляющимся шагам, не рискнул спорить и с Ольгой.

— Солнышко, а не зря ты с ним так сурово? — спросил Вячеслав, целуя жену. — Я же его сам просил поговорить с римлянами на предмет совместных операций против агров.

— И вовсе даже не сурово, ты ведь только самый конец разговора слышал. Не успел он

там никому твои слова передать, римляне первыми к нему подошли и предложили отправить на его боте посольство к русичам! Так что тут нам поспешность показывать не надо.

Ага, подумал старшина, подперло их, сердечных. Раньше к ним агры не очень-то и ходили, страна там куда больше здешнего полуострова, есть и куда уйти, и где засаду устроить. Вот супостаты и намылились было к русичам, но, три раза подряд получив по мозгам, решили, видимо, поискать добычу полегче. И то — ведь в последний раз они потеряли большой корабль, подорвавшийся на мине! Уйти смогли только несколько человек на разведчике. Жалко, что взрывом покорежило машину, без нее восстанавливать этот корабль не имело смысла. Зато сколько всего полезного на нем взяли, до сих пор душа радуется! Но, как говорится, хорошего много не бывает. И теперь ситуация могла развиваться двояко. Или русичи договариваются с римлянами о совместных действиях против агров. Тогда дележ трофеев будет примерно поровну. Или же русичи войдут в бедственное положение римлян, помогут им отбиться от пришельцев — чай, римляне тоже люди, хоть и не православные, а язычники. И, конечно, потом выделяют горемыкам некоторую долю из трофеев, исключительно от широты души. Револьверы, например, пусть хоть все забирают, их на том корабле было аж пять десятков, нам больше не нужно. А римляне, надо думать, в благодарность не откажутся подарить русичам, например, тонну ртути. Или даже две тонны, хотя откуда у них столько. Так что Ольга молодец, признал старшина. Сегодня у нас не только танцы, но и парад, так что надо будет самому проследить за его подготовкой. И после него устроить показательные выступления стрелков. Пусть Василиса хоть из шкуры вылезет и всех своих подчиненных из нее вытряхнет, но чтобы отстрелялись как положено и даже лучше! А вот после всего этого, завтра, можно будет и поговорить с римлянами. Тем более что от них приплыл целый центурион.

И парад, и показательные стрельбы произвели должное впечатление на посольство в составе квестора Мара Ливия и центуриона Корнелия Квинта, так что второго января оно явилось на прием к Защитнику уже в соответствующем настроении. Центурион даже попытался говорить по-русски, но Малой быстро пресек это дело — гораздо понятнее было слушать переводчика отца Михаила.

Малой и раньше знал — римляне за последние полтора столетия настолько, что начали строить города по берегам судоходных рек, коих в Южной провинции, управляемой консулом Синтием Руфом, было целых три. И вот теперь центурион объяснил причины такой совершенно вопиющей беспечности. Оказывается, у римлян было соглашение с аграми. Они приплывали раз в год, и каждый город выдавал им по два человека — преступников или тех, кого таковыми срочно объявили в преддверии визита агров. Однако недавно произошло сразу несколько событий. Во-первых, те агры, которые исстари собирали эту дань с римлян, вдруг объявили, что теперь придется давать не по два, а по четыре человека — мол, города стали гораздо крупнее. Но появились и еще какие-то, тоже агры, но на более мощных кораблях, вооруженных пушками. По описанию старшина сразу понял, что это те самые, которые до того наведывались к русичам. В прошлом году, явившись на трех кораблях в самый нижний по течению реки Нарона город Аквиум, они потребовали двадцать человек, угрожая в противном случае разрушить город. В принципе им их, пожалуй, дали бы, но сохранить в тайне требования пришельцев не удалось, и практически все плебеи сбежали, осталась только квартирующая в городе центурия и часть патрициев. Те потребовали, чтобы центурия приняла бой. Но как его можно принять, когда корабли стоят на середине реки и обстреливают город из пушек? Центурия отошла, агры высадились и похватали всех, кто подвернулся под руку, в том числе и трех оставшихся в своих виллах патрициев.

Услышав слово «вилла», старшина мысленно матюкнулся и уточнил:

— Так эти ваши патриции, чтобы агры не трогали их имущество, отдавали им плебеев?

— Да, — подтвердил центурион, — и остатки той центурии потом судили. Поначалу хотели приговорить их к выдаче аграм, но испугались, что тогда взбунтуются другие.

Из дальнейших объяснений старшина понял, что остатки центурии загнали в какую-то

шарагу наподобие дисбата.

— Так, — помрачнел старшина, — а кто у вас служит в этих центуриях, плебеи?

— Да, — кивнул Квинт.

— То есть патриции, поселившиеся на берегу, требуют от плебеев или безропотно идти к аграм, или защищать их имущество до последней капли крови?

— Не только патриции, — уточнил центурион, — купцы из плебеев тоже. Именно они построили первый город на берегу реки.

Если у старшины до того и были мысли о том, что римляне тоже люди и поэтому особенно наглеть не надо, то теперь они бесследно исчезли.

— Значит, так, — резюмировал Малой. — Мы разгромим досаждающих вам агров. Но при выполнении трех условий. Первое. Все трофеи этой войны будут принадлежать нам, даже взятые вашими солдатами. Второе. Вы будете бесплатно кормить наш экспедиционный корпус все время, пока он находится у вас, причем кормить по нашим нормам. Третье. На время боевых действий вы выделяете под наше командование столько войск, сколько мы пришлем своих солдат. Учтите, что наши командиры в боевых условиях имеют право расстреливать за неподчинение приказу, и такое их право будет распространено и на ваших солдат, участвующих в кампании. Вы видели нашу армию и мощь ее оружия. Сразу предупреждаю, что в случае попыток нарушить договоренности мы добьемся их выполнения силой.

Центурион молчал, но квестор решительно сказал:

— Мы принимаем твои условия, Защитник.

Когда послы ушли, Ольга задумчиво сказала:

— Надо же, а я сразу и не поняла, зачем тебе римские солдаты. Только сейчас дошло — подумать только, какой ты у нас умный!

Старшина молчал, ибо он ляпнул про них чисто по наитию. Обидно стало, что за этих крохоборов придется рисковать жизнями своих бойцов, вот и все.

— Ведь с такими соседями, как эти патриции, никаких агров не нужно, — продолжала тем временем жена. — А уж если им представится возможность продать нас, так обязательно продадут и еще повязать помогут. Прямо в голове не укладывается — за какие-то виллы своими людьми расплачиваться! Если бы у русичей про такое кто хоть заикнулся, ему бы тут же соседи голову отвернули. Даже москвичам и то до эдакого позора не додуматься! А раз их солдаты из плебеев, так они посмотрят, как наши к своим относятся, да и к ним тоже, и, глядишь, задумаются. Может, даже и скинут когда-нибудь своих упырей, а если нет, то все равно подстроить нам пакость будет уже не так просто. Только наших надо будет заранее предупредить. Хотя наверняка ведь ты с ними поплывешь...

— Куда же я денусь? Чай, Защитник, а не патриций какой-нибудь.

Вечером старшина зашел в службу радиоперехвата. Его дембельский приемник уже почти год работал круглосуточно, и у него постоянно дежурили два инока. Разумеется, захваченные с Земли две «Кроны» давно сели, но на подорвавшемся агровском корабле имелись аккумуляторы. Старшина выбрал пять исправных банок и соединил их последовательно, и приемник снова заработал. Более того, один из трех корабельных генераторов при взрыве уцелел. Он был снят, отнесен в монастырь, где к нему приладили повышающую ременную передачу, и теперь монахи могли заряжать батареи, попеременно крутя ведущий шкив. Впрочем, за десять месяцев подзарядка потребовалась только один раз. Жалко, что от корабельной рации почти ничего не осталось. Кто же знал, что закуток, в котором засели два последних отстреливающихся агра, окажется именно радиорубкой! Тогда бы, может, попытались их как-нибудь оттуда выкурить, а так просто кинули туда пару гранат.

— В эфире пусто, — доложил Малому старший смены.

— Слушайте внимательней, по моим сведениям, агры готовят экспедицию, — сообщил

радистам старшина. И на пути домой задумался — а ведь похоже, что пора создавать ГРУ. До сих пор как-то обходились разведывательными ботами в составе флота и взводом разведки в армии, но теперь этого недостаточно. Про агентуру у агров думать пока рано, а вот у римлян — в самый раз. Кого бы посадить на это дело? Пожалуй, тут больше подойдет кто-нибудь из монахов.

Отцы Феодосий с Авраамием, повздыхав, согласились объявить летнюю мобилизацию, это уже было оговорено. Собственно, мысль ударить по аграм на чужой земле возникла у Малого еще в прошлом году, после допроса двух языков, взятых на подорвавшемся корабле. Они сообщили, что эти суда строились десять лет, и их было заложено четыре штуки. Один уже отплавался. Если агры пойдут к римлянам полным составом, как скорее всего и будет, авось и получится утопить остальные, ведь они вынуждены будут подняться по реке как минимум на двадцать километров. Это стоило тех трудностей, которые обязательно возникнут от летнего призыва пятисот человек.

Реки Нарона и Эста впадали в один и тот же узкий и длинный, почти пятнадцатикилометровый залив. По данным радиоперехвата, агры шли именно сюда, но вот в какую из рек они пойдут дальше, было еще неясно. Однако весь план русичей строился на том, что они повторят свой прошлогодний маршрут. Во-первых, Нарона была самой полноводной рекой, а для больших кораблей агров это имело немалое значение. Во-вторых, на ее берегах стояло целых три города, в то время как остальные реки могли похвастаться только одним. И пушечные боты русичей поднялись почти до Аквиума, а невооруженные, сгрузив солдат, спрятались меж островков нижнего течения Эсты. Неделя, которая прошла от прибытия экспедиционного корпуса, возглавляемого старшиной, и до появления вражеских кораблей, была заполнена самыми разнообразными работами. Сначала Малой вместе с капитанами боевых ботов выбрал место для будущего сражения. Оно нашлось примерно в трех километрах ниже Аквиума, где река сужалась примерно до ста пятидесяти метров, в то время как и выше, и ниже она была почти вдвое шире. За этим сужением располагался остров, делящий реку примерно пополам. И теперь часть русской армии спешно оборудовала скрытые позиции для пушек как на обоих берегах, так и на острове. Кроме того, была организована плотная караульная служба, что уже дало свои плоды. За два дня до появления агров в бухте была задержана лодка с якобы рыбаками. Но, однако, вряд ли нормальный рыбак полезет туда, где скоро начнется стрельба, да и жители Аквиума не жаловали морскую рыбу, считая, что речная вкуснее и питательней. Небось шпионы, подумал Малой, и хорошо, если не делегаты к аграм, а то ведь от этих патрициев можно ждать и такого.

Тем временем в Аквиуме римские солдаты под руководством монахов-русичей сделали плот с какой-то странной деревянной рамой спереди, и теперь на эту раму крепились привезенные из Спасска стальные листы. На вопросы, что же это такое будет, монахи отвечали: броненосец «Потемкин».

Надо сказать, что у русичей имелся план и на тот случай, если агры свернут в Эсту. Правда, старшине он очень не нравился, но тут уж ничего не поделаешь, русичи не могли позволить себе дробить силы. И в этом случае агров предполагалось перехватывать на обратном пути. Что означало скандал с римлянами, потому как те категорически требовали обязательно предотвратить разорение городов и необходимость определить, на каком именно корабле везут пленников, прежде чем стрелять, поэтому Малой с волнением ждал первых донесений.

Сначала была перехвачена радиограмма с корабля, в ней сообщалось — до берега пятнадцать километров, сократить дистанцию, уменьшить ход, в бухту будем входить на рассвете. И дальше слова о том, что фарватер кому-то знаком. Это вселяло надежду на то, что агры собираются в Нарону, и, действительно, утром прибежал посыльный из бухты с подтверждением этого. А около полудня медленно поднимающиеся против течения корабли один за одним показались из-за острова с замаскированной на нем батареей. Все уже было

расписано заранее, и старшина знал, что сейчас от городской пристани отчаливает броненосец. Это было одним из самых узких мест плана. Да, в Спасске броневой щит, наклоненный под углом в сорок пять градусов, обстреливали из трофейной агровской пушки, и снаряды не пробивали броню. Но вдруг на приближающихся кораблях более мощные пушки или хотя бы снаряды? Ведь броненосец несет шесть больших морских мин, и в случае чего рванет так, что от экипажа и кусков не останется. Впрочем, экипаж плота составляли добровольцы, которые это отлично понимали.

Вот мимо старшины, выбравшего своим командным пунктом снайперскую позицию на правом берегу, проплыл первый корабль. За ним потихоньку приблизился второй, и тут из-за поворота реки примерно в километре выше по течению показался плот. Наступал решающий момент боя.

Вячеслав взял подзорную трубу навел ее на плот. Из-за брони спереди происходящее на плоту не просматривалось, но то, что плот замедлил ход, означало, что с него уже сброшен якорь. Однако совсем плот не остановился, то есть якорь тащит по дну, это нехорошо. Впрочем, и такой вариант был предусмотрен, и он означал, что экипажу плота придется поторапливаться.

На носу первого корабля грохнула пушка, и плот скрылся за дымным облаком взрыва.

— Мины рванули! — выдохнул лежащий рядом Викула.

— Не суетись, — буркнул старшина. В отличие от соседа, он отлично видел, что это всего лишь взрыв снаряда на броне. Вот дым рассеялся, новый выстрел, но теперь получился недолет метров тридцать.

— Уроды, — прокомментировал старшина. Ибо до цели было всего метров шестьсот, и русичи даже из бронзовых пушчонок не промахнулись бы.

Агры сделали еще один выстрел, снова попали в щит и убедились, что особого вреда ему их снаряды не причиняют. Корабль сбавил ход — видимо, капитан соображал, чем ему может грозить странное сооружение, которое наконец-то остановилось. Пару раз старшина увидел мелькнувшие из-за щита шесты, что означало: мины уже на воде, и сейчас экипаж плота расталкивает их в стороны. Тоже опасный момент — а вдруг мины встанут на боевой взвод раньше положенного? Правда, на тренировках такого до сих пор не случалось. Но нет, все нормально, старшине даже показалось, что он мельком увидел на мгновение высунувшуюся из воды верхушку рогатого шара.

— Плынут, — шепнула Василиса, которая и без подзорной трубы видела едва ли не лучше, чем старшина с ней, — да как хорошо плывут-то! Точно поперек реки на всю длину веревки.

Действительно, сейчас навстречу кораблю агров течение быстро гнало связку из двух мин. Стоит соединяющей их веревке с поплавками зацепиться за корпус, и течение тут же прибьет мины к бортам.

Первый корабль был уже метров на сто выше по течению, когда практически одновременно по его бортам грохнули два взрыва. А за ними — еще один, внутри корабля, после чего он просто раскололся. Носовая часть быстро ушла на дно, а кормовая, задрав высунувшийся из воды винт, постепенно разворачивалась, при этом кренясь и помаленьку погружаясь. Второй корабль как раз вышел точно к снайперской позиции, где сидел старшина, а третий вдруг начал резво разворачиваться. Эх, нет у нас рации, который раз сокрушенно подумал старшина, но батарея на острове и без команды открыла огонь по последнему кораблю. Казалось бы, силы примерно равны, с обеих сторон стреляют по две одинаковых пушки — на островной позиции стояли орудия, снятые с подорвавшегося в прошлом году корабля агров. Но на острове они бьют из-за прикрытия, а на корабле у пушек нет даже щитов. И разрыв агровского снаряда в пяти метрах от блиндажа ничем не повредил русичам, в то время как их снаряды рвались на палубе, дырявя осколками надстройки и калеча расчеты орудий.

— Ой, батюшки, вторую-то связку боком понесло, — возбужденно забормотала Василиса, — как бы к нашему берегу не прибило.

— Увидишь, что подносит близко — стреляй, — скомандовал Малой. — Или как они окажутся вровень с кораблем, даже если и не у берега.

Попадет ли бабка в мину, старшина не спрашивал за полной ясностью данного вопроса.

— Викула, Клим, выцеливаете ближнюю к нам, я беру дальнюю, — обернулась к своим снайперам Василиса, — и упаси господь промажете, нужником тогда поставлю заведывать на стрельбище до конца года. Готовы? Пли!

Когда дымные облака от взрывов двух мин вспухли между кораблем и берегом, Вячеслав дал отмашку абордажной команде. По ней из укрытий выскочили охотники и быстро поволокли к берегу легкие лодки из шкур на деревянном каркасе. По идее, на противоположном берегу римляне должны были делать то же самое. И одновременно раздался залп бронзовых пушек русичей — они били картечью по палубе. Теперь от артиллеристов и снайперов требовалось не допустить стрельбы с корабля по лодкам, а от охотников — как можно быстрее оказаться на палубе. Русские были вооружены ножами, револьверами и гранатами, а римляне — короткими саблями. Вот пушки прекратили огонь, потому как лодки уже под самыми бортами и можно невзначай задеть своих. Но первые охотники уже карабкаются на палубу, на ней раздалось сразу три гранатных взрыва... Все, с облегчением понял старшина, аграм больше не светит, в рукопашной им до русичей далеко, причем наших как минимум в полтора раза больше, а с другого борта на корабль уже лезут римляне. Не забыли бы оставить в живых механиков, озабоченно подумал Малой. В принципе, он мог попытаться запустить агровский движок, довольно сильно напоминающий тракторный дизель, но вот получится у него или нет — это еще большой вопрос.

А вот третьему кораблю, похоже, удалось уйти. Хотя он и плыл как-то боком, и горел в двух местах, но его машина явно продолжала работать, и сейчас он уже наполовину скрылся за островом. Пушки островной батареи по нему стрелять больше не могли, ибо их бревенчатые капониры, давая неплохую защиту, все же существенно ограничивали сектор обстрела. Впрочем, при планировании операции все считали, что третий корабль попытается поддержать огнем первые два, попавшие в засаду, а он вместо этого сразу кинулся наутек. Ладно, пусть ковыляет, до его Африки путь неблизкий, авось и потонет по дороге. Так, а что это такое странное вытворяет захваченный корабль? Сильнее затарахтел свои движком и явно направляется к нашему берегу. Похоже, наши орлы не только оставили в живых всех, кого нужно, но и за пару минут успели объяснить им, как теперь надо себя вести.

Вечером старшина принимал в своем лагере делегацию из Аквиума — проконсула с каким-то лягушачьим именем Квак Курций в сопровождении трех пузатых мужиков явно руководящего вида и десятка солдат. Проконсул объявил, что он решил лично поздравить русичей с выдающейся победой, и поинтересовался, прямо сегодня вечером или все-таки завтра утром они собираются восвояси.

— Господин... э-э-э... Куций Квак, — со всей возможной вежливостью ответил ему старшина, — спасибо за поздравления. Но с чего это ты взял, будто мы куда-то собираемся? Ведь в нашем договоре написано абсолютно ясно — все трофеи принадлежат русичам! А половина из этих трофеев сейчас на дне реки, мои люди только что промерили глубину — там восемнадцать метров. И пока мы их не достанем, никакой речи о восвояси быть не может. Наоборот, мне очень интересно — где обещанное нам продовольствие? Из расчета на четыре месяца, наши инженеры говорят, что для подъема корабля им потребуется как минимум столько времени. Учтите, что солдаты за время боя проголодались, но если вам по какой-либо причине трудно доставить сюда еду из города, то мои бойцы могут сходить за ней сами. И взять. То есть как что взять, странные у тебя, проконсул, вопросы — что понравится, то и возьмут. Не хотите? Тогда у вас, уважаемые, есть время до завтрашнего полудня.

Через неделю корабли русичей, в том числе и трофейный агровский, покидали римские земли. С проконсулом удалось договориться, что за полторы сотни коз, сколько-то там шкур,

бревен ценных пород и полтонны ртути русичи не будут поднимать со дна Нароны корабль агров, а уступают все права на него римлянам. Вообще-то Малой и не собирался заниматься этим делом, потому что полтысячи мужиков в самую страдную пору были куда нужнее дома. Ну, и с такими трофеями, что взяты в этом походе, можно не бояться агровских набегов, а в случае чего и самим рискнуть на вылазку в их земли. Впрочем, это дело неблизкое, но в виду его иметь надо.

Так думал старшина Вячеслав Малой, стоя на палубе своего нового корабля, режущего острым носом холодные волны Южного моря. До земли русичей, где его ждала жена и годовалый Андрейка, оставалось трое суток пути.

Часть вторая

Глава 1

ПРИВЕТ ИЗ ПРОШЛОГО (СЕРГЕЙ КОНЕВ, 2008 ГОД)

Пискнул селектор, голос секретаря сообщил мне:

— Сергей Максимович, звонок по вашему старому номеру, звонивший представился как Андрей Патрикеев.

— Переключайте, — я оторвался от монитора, все равно сейчас ничего срочного не было, так, по сайтам лазил, а тут Патрик звонит... сколько мы с ним уже не общались? Да лет десять, пожалуй, будет.

В начале девяностых я занялся автомобильным бизнесом, а у Патрика наступили трудные времена — деловых способностей у него отродясь не было, кандидатская зарплата со всеми доводками вдруг превратилась в пшик, сын пропал где-то в Приднестровье, жена ушла... Была у меня мысль как-то помочь, но тут у самого начались неприятности, еле вытащил свое дело, а потом я узнал, что вроде у моего друга все нормализовалось, сын нашелся и живет с ним, появились хоть какие-то деньги...

Ведь в детстве лучшие друзья были, с досадой подумал я, что же это он так, забыл и с концами. А теперь, скорее всего, ему нужна какая-нибудь помощь...

— Конь? — услышал я знакомый, ничуть не изменившийся голос. — К тебе тут и по телефону не пробьешься, а мне вообще-то хотелось с тобой лично пообщаться...

— Когда?

— Да чем быстрее, тем лучше.

— Так, — прикинул я, — через полчаса у меня обед, успеешь приехать?

— Если ты прямо у себя в офисе питаешься, то конечно, я же сейчас дома, — услышал я бодрый ответ.

— Новая квартира? — поинтересовался я.

— Нет, все та же, с чего ты взял?

— От «все той же» тебе сюда полтора часа ехать, если не два!

— Это не мне, а тебе. Я и за двадцать пять минут успею, жди.

Он действительно успел. Мы поздоровались, я с интересом пригляделся. По одежде определить нынешнее финансовое состояние Патрика было невозможно — он всегда ценил только удобство и функциональность, не обращая на внешний вид своих тряпок никакого внимания. То, что он приехал на скутере, могло говорить как о том, что у него нет денег на автомобиль, так и о том, что у него нет времени на пробки... хотя определенный вывод можно было сделать. Мы с ним ровесники, обоим чуть за пятьдесят, но ведь ему же сейчас больше сорока не дашь — загорелый, подтянутый, только слегка прихрамывает. Когда мы виделись в последний раз, выглядел он куда хуже. Так что, судя по всему, именно нет времени...

— Ну, как сам-то? — приветствовал я его. — Заходи, садись. Сказать, чтобы и тебе

поесть принесли?

— Не, я только что пожрамши, — отмахнулся Патрик, и, ей-богу, во взгляде, которым он одарил мой бифштекс, мелькнуло нечто вроде насмешки. — А сам я неплохо. И, знаешь, на днях как в темечко вдарило — вот сижу я тут, весь из себя такой благополучный, а старый друг, может, на последний червонец пакет растворимой лапши купил и думает, как теперь до полочки дожить... Но навел справки — слава аллаху, у тебя тоже все путем. Однако все равно встретиться не помешает, подумал я, даже подарок небольшой приготовил в ознаменование возможного возобновления знакомства. Я тут дачу купил, правда, далековато, в Тверской области, вот адресок и мой телефон, заезжай как-нибудь в гости, — он протянул мне мятую бумажку, — а вот подарок.

Патрик встал, порылся в карманах куртки и достал небольшой полиэтиленовый пакет, перетянутый резинкой.

— Понимаю, что мелочь, — ухмыльнулся он, — но, как говорится, дорог не подарок, дорога любовь. Ну, не буду тебя больше отвлекать, а то Россия совсем без китайских джипов останется, чао, — и, прежде чем я успел ответить, он встал и быстро вышел.

Я машинально развернул его пакет. Там были невзрачные серо-желтые камешки размером примерно с гальку. Можно, конечно, отправить их на экспертизу, но я и так был почему-то уверен в ее результате.

Необработанные алмазы. Общим количеством примерно полкило...

Где-то с полчаса я тупо смотрел на небрежно оставленное Патриком состояние, а потом, вздохнув, достал телефон.

— Дорогая, у тебя сейчас нет срочных дел? Это хорошо, а вот у меня, возможно, есть... Так я еду домой, ты будешь?

Домой я успел раньше Тамары, положил на стол патриковский пакет и стал ждать. Не сказать, чтобы я всякое свое решение согласовывал с ней, но важные — обязательно. Все-таки у меня довольно удачный брак... да и первый тоже был ничего. Людмила умница, все поняла и сейчас сидит хоть и без мужа, одна с дочерью, но при хороших деньгах. А уперлась бы двенадцать лет назад — может, и была бы при супруге, но уж точно при нищем. Чего там себе-то врать — не вылез бы я тогда наверх без Тамары, ну никак. И дело даже не в том, чья она дочь, хотя и это отнюдь не пустяк — у нее есть чутье и хватка, а у меня только способность тащить на себе воз и не жаловаться...

Войдя, Тамара первым делом окинула меня внимательным взглядом — все ли со мной в порядке, и, видимо удовлетворенная увиденным, предложила:

— Рассказывай.

Я рассказал.

— Та-а-к... это они?

Не дожидаясь ответа, она вытряхнула камни на стол, взяла один, поднесла к глазам...

— Да, похоже, что ты догадался правильно. Я не специалист, но... похоже. А что это за друг, я его видела?

— Нет, мы с ним перестали встречаться еще до знакомства с тобой. А так — с пятого по десятый класс в одной школе, на соседних партах, за одними и теми же девчонками ухаживали...

Патрику с ними не очень везло, вспомнил я, он мне даже завидовал. А потом почему-то перестал...

— Давай уточним, что нам известно, — откинулась в кресле Тамара. — Что ты можешь сказать про последние десять лет его жизни?

— Только то, что это время он или прожил в Москве, или регулярно тут появлялся. Скорее все-таки прожил, общие знакомые мне несколько раз про него говорили — и ничего про какие-то отъезды.

— То, что про него совершенно ничего не известно в деловом мире Москвы, — задумчива сказала супруга, — скорее всего говорит о том, что камни у него появились

совсем недавно.

— Вовсе нет, — возразил я, — у него весь дом давно может быть ими завален. А чтоб купить кроссовки взамен вовсе износившихся или куртку, хватит совсем маленького камушка, который он продал, например, несколько лет назад... хотя погоди.

Я взял телефон и позвонил заведующему сервисным отделом.

— Илья Петрович, ты у нас крупный спец по скутерам. Не видел, на чем пару часов назад ко мне гость приезжал? Даже так? Ну, спасибо...

— Редкая и дорогая модель, — сообщил я Тамаре, — какой-то «Биг Рукус», да еще и в хорошем тюнинге. Ну, значит, камешек был средний, только и всего.

— Ладно, — решительно сказала Тамара, — камни плюс адрес дачи означают недвусмысленное приглашение. Телефон — что надо заранее позвонить... Значит, поспешность мы демонстрировать не будем. Завтра ты с ним созвонись, а в субботу утром мы поедem. Я пока постараюсь справки навести...

Как говорится, мы приближались к месту нашего назначения. До поселка Ворошилово наш «Ниссан» домчал нас довольно быстро, но вот последние пятнадцать километров... На спутниковой карте там было небольшое озеро в лесу, и все, но Патрик сказал, что на самом деле имеется дорога, именно там, где нарисовано на его бумажке — и что мы на своем джипе по ней проедem без труда. Вот мы и ехали, уже скоро час...

За три прошедших дня Тамара не добыла ни байта полезной информации. Патрикеев уже пять лет числится временно не работающим, соседи его почти не видят, а как полтора года назад была куплена эта таинственная «дача», так он на своей квартире стал появляться только наездами, а его сын теперь и вовсе безвылазно сидит на той фазенде.

Наконец за очередным поворотом мелькнуло озеро, а потом стала видна и цель нашего путешествия.

На невысоком холме перед этим озером обнаружили развалины какой-то старой барской усадьбы, частично скрытые молодым лесом, а рядом с ними — два свежестроенных дома и несколько маленьких будочек. Один из этих домов был довольно странным — пирамида, вроде как у Хеопса, только высотой метров десять, из дерева и слегка наклоненная в сторону. Второй был обычным сборным домом о полутора этажах, на его крыльце стоял Патрик и делал нам приглашающие жесты.

— Доехали? — поинтересовался он. — Тогда прошу к столу, в меню сегодня седло кабана и запеченный не знаю в чем тетерев.

— То есть как не знаете? — удивилась Тамара.

— Так и не знаю, мне повар говорил, но я что, Спиноза, запоминать такие вещи?

В некотором обалдении мы прошли за хозяином. Я бы не удивился, если бы внутри этот дом оказался обставлен в духе пещеры Али-Бабы или царских покоев, но тут все было просто.

Небольшая стойка с компом в углу, обычный стол в центре комнаты, три пластмассовых стула. На столе скатерть ручной вышивки, причем чуть ли не золотом, на ней старинный фарфоровый сервиз с теми самыми кабаном и тетеревом, блюдо с пирогами и два кувшина. Рядом стояли несколько диссонировавшие с остальной икебаной три граненых стакана советских времен.

Мы расселись.

— А что, вашего сына сегодня не будет? — светским тоном поинтересовалась моя супруга.

— Вообще-то я его звал, — кивнул Патрик, — но он, поганец, говорит, что вот сейчас ему с плантации никак, а то, мол, половину урожая прохлопать можно. Прямо как дитя малое со своим хлопком, честное слово, как будто негры без него не справятся...

По-моему, мы с Тамарой подумали одно и то же — кто здесь рехнулся?

— Никто, — улыбнулся Патрик, — все в своем уме. Просто, наверное, мне пора рассказать, в чем тут интрига?

— Да уж, будьте так любезны, — серьезно попросила Тома.

— Итак, эта история началась тридцать с небольшим лет назад — начал Патрик. — Отец вашего мужа, Сергея, среди одноклассников более известного как Дас Пферд или просто Конь, в свободное от работы время интересовался всякой непознанщиной. В частности, у него была маленькая настольная пирамидка, внутри которой сами собой точились бритвы. Помнишь эту историю?

— Да, — пожал плечами я, — ты еще сказал отцу, что она не только точит бритвы, но и повышает всхожесть семян моркови, а вот огурцов, наоборот, понижает. Так и оказалось...

— Эти свойства, насчет семян, я выдумал прямо там, поглядев на дачную полку твоей мамы, — уточнил Патрик. — Такой вот эксперимент экспромтом...

Вот смотрите. Пирамида в Египте содержит в нетленности мумию и строит козни потрошителям гробниц. Пирамидка твоего отца точит бритвы, а потом вдруг начинает изгаляться над семенами. Что общего?

— Не вижу, — признался я.

— Ладно, разжую. Весь народ Египта верит, что мумия в пирамиде не тухнет, а гробокопателям будет бяка. Так и выходит. Твой отец верит, что пирамидка точит бритвы — и она их ему исправно заостряет. Наконец он поверил мне, он ведь считал меня серьезным и начитанным молодым человеком. И пирамидка тут же принялась за семена... Теперь понятно? Не всякая, разумеется, пирамида так себя ведет, а только сделанная из диэлектрика, определенных размеров и должным образом ориентированная относительно магнитного поля.

— Машина исполнения желаний? — не поверила Тамара.

— Ну, не все так просто, — внимательно посмотрел на нее Патрик, — всего лишь прибор для искривления поля вероятности. Вы не торопитесь, за пару минут тут все равно понять не получится... Так вот, мы привыкли жить в мире, где поле вероятности равномерно и прямолинейно. То есть брошу я монетку, и вероятность выпадения решки будет ровно половина. А пирамида способна это поле искривить, и, скажем, решка будет выпадать в десять раз чаще. Это значит, что относительная кривизна поля в этом случае равна десяти. Данный пример — это только по одной координате, а их теоретически бесконечное множество, тут без специальной математики не обойдешься. А вкратце можно сформулировать так — в рабочей зоне пирамиды желательное для внешнего оператора событие в «ку» раз вероятнее нежелательного, где «ку» — добротность пирамиды. У моей дощатой, например, это двенадцать, у Хеопсовой по расчетам было около тридцати, а сейчас семь.

— А что ты говорил про поле и размеры? — вспомнил я.

— Размерный ряд должен соответствовать напряженности поля, — пояснил Патрик, — для земного поля этот ряд имеет кратность девять. То есть годится как в Египте, потом в девять раз меньше, потом в восемнадцать, и так далее. А еще пирамида должна иметь основание, параллельное силовым линиям со сторонами, перпендикулярными им. Вот почему мое сооружение стоит с наклоном — в наших широтах надо учитывать угол магнитного склонения. Теперь понятно?

— Не совсем, — возразила Тома. — Хорошо, пусть в вашей пирамиде вероятность превращения куска угля в алмаз в дюжину раз больше, чем снаружи. Но ведь это вообще невозможно!

Точнее, ну очень маловероятно, подумал я.

— Правильно, — подтвердил Патрик, — в природе нет вообще ничего невозможного. Есть просто явления с очень низкой вероятностью. Но тут, конечно, добротности в десятке-другой будет совершенно недостаточно... пойдёмте, я вам покажу.

Мы вышли из дома и подошли к пирамиде. Петрик открыл дверь и пригласил нас внутрь. Там была еще одна пирамида, примерно метр высотой, но вся какая-то кривая, состоящая исключительно из изогнутых поверхностей.

— Как я уже говорил, — тоном экскурсовода продолжил мой старый друг, —

эффективность пирамиды зависит и от напряженности поля, земное — оно ведь совсем слабое. Катушки видите? До тысячи эрстед я могу разогнать запросто. А кривая эта штучка потому, что она должна попасть в координаты силовых линий. Поле такой напряженности сделать равномерным трудно, проще в координатах его нелинейности построить пирамиду. Добротность этой, средней, уже разок доходила до двух миллиардов. А там внутри еще одна маленькая есть, из сапфира. Все вместе — каскадное включение, то есть добротности перемножаются. Внутри третьей пирамидки искривление поля вероятности достигает десять в пятидесятой. В таких условиях маловероятных событий практически и не остается...

— Так что, вы теперь почти всемогущи? — недоверчиво, но с опаской спросила Тома.

— По отношению к тому, что внутри маленькой пирамидки — да. Только тут надо блюсти сугубую осторожность, сдуру ведь можно захотеть такого, что мало никому не покажется, кусочек антивещества, например. А вот кусочек европия я вам могу прямо сейчас сделать, на память...

— Зачем он мне, — слабо отмахнулась Тома, — тут как бы в себя прийти побыстрее... даже немного жутко. Вы, конечно, извините, но это просто замечательно, что ваши возможности ограничиваются внутренностями вот этой... совсем маленькой...

— Вообще-то возможности человека в основном ограничиваются его нежеланием мыслить, — усмехнулся Патрик. — Ну вот например, какой способности вам не хватает? Смелее, не стесняйтесь, скорее всего вы ее сейчас получите.

— Я хочу летать, как птица, — заявила моя половина. — Но вы же не будете утверждать, что это возможно, и прямо сейчас?

Патрик окинул Тому оценивающим взглядом и задумчиво протянул:

— Как птица? То есть крылья с перьями... тушку тоже придется перьями покрывать... метаболизм менять на птичий...

«Он что, серьезно?!» — с ужасом подумал я.

— Или лучше голые крылья, как у летучей мыши? — продолжал сомневаться Патрик. — Так вроде проще, но вот с эстетической точки зрения... Слушайте, а может, ну их, эти крылья? Летайте за счет броуновского движения, как Ариэль у Беляева! Так, секундочку...

Он подобрал с пола какой-то ржавый болт, откинул грань средней пирамиды и приподнял маленькую. Положив под нее болт, он закрыл грань, вывел нас из большой пирамиды и подошел к стоящей рядом будке.

— Минутку...

В пирамиде что-то загудело, сквозь щели в досках стало видно фиолетовое свечение, но через несколько секунд все стихло.

— Финита, — прокомментировал Патрик, — я сейчас.

Он скрылся в пирамиде и через полминуты вышел с болтом.

— Вот, — сказал он, вручая его Томе, — держите, можете начинать летать. Просто захотите приподняться, и все...

Тома взяла железяку и сосредоточилась. Вдруг ее ноги оторвались от земли, она поднялась метра на полтора и начала заваливаться набок. Видно, нервы у супруги не выдержали, она завизжала и отшвырнула болт. И тут же шмякнулась оземь...

— Несколько неосторожно с вашей стороны, — попенял ей Патрик, помогая подняться. — А если бы вы поднялись метров на десять, кто бы вас ловил?

Тамара стучала зубами, говорить у нее пока не получалось. Я тоже был в шоке — вся жуть сегодняшнего цирка начала потихоньку доходить до моего сознания. Ведь он же может сделать с нами что захочет!

— Ну, это ты зря, — укоризненно сказал мне старый друг. — Вот у тебя, например, пистолет в кармане, но я же не бьюсь в истерику, что ты прямо сейчас во мне дырки делать начнешь? А ведь можешь, ты на рожу-то свою перекошенную посмотри. Вот что...

Он быстро сходил в дом и вынес кувшин с двумя стаканами.

— Пейте, пока у вас на почве переизумления крыша не тронулась. Да пейте, говорю,

это никакое не колдовское зелье, а просто рябиновая настойка!

— Ну как, полегчало? — спросил он, когда мы немного пришли в себя. — Тогда слушайте дальше. Действительно, я могу творить почти что угодно во внутреннем объеме малой пирамиды. А почему «что угодно» не может быть предназначено для каких-то вполне определенных действий снаружи? Наделять, например, вошедшего с ним в контакт человека способностью летать... Надеюсь, методика понятна? Я научился делать талисманы. Кстати, Конь, болтик-то возьми, он на предъявителя... Так вот, талисманы... для самых разных целей — технических, лечебных, даже развлекательных... а особняком стоят для путешествий в прошлое или будущее. Собственно, вот это я и хотел вам сказать. А теперь подумайте, чем мы можем быть полезны друг другу. Я не тороплю, как надумаете — звоните. Мешок-другой алмазов или платины на дорогу не желаете?

Домой мы ехали молча. Обычно под шуршание шин да на пустой дороге мне хорошо думается, но тут был не тот случай. В голове вертелось только что-то вроде «не может быть» и «да как же это он, а?», Тома тоже всю дорогу молчала...

В Москву мы вернулись ночью. Супруга сразу ушла в свою спальню, я остался один и, даже не пытаясь заснуть, все прокручивал в голове одну и ту же мысль. Зачем мы ему нужны? Что мы можем ему предложить, чего он не может без нас? Ничего хоть самую малость логичного в голову не приходило. Под конец эта голова дико разболелась, и я пошел в гостиную, где у нас была аптечка. Там уже сидела Тома, она раздраженно перебирала упаковки с лекарствами.

— И чего мы у себя снотворного не держим? — поинтересовалась она, не оборачиваясь.

Тут я припомнил — когда мы уже уезжали, Патрик сунул мне в руки какую-то пластиковую баночку и шепнул «на, пригодится». Кажется, она была в кармане куртки...

Через минуту мы тупо рассматривали цилиндрок из-под аспирина с небрежной надписью фломастером «обезболивающее/успокаивающее/снотворное. Противопоказания: отсутствуют в принципе». Внутри лежали две ягоды лесной земляники.

Некоторое время Тома колебалась, но потом решительно отправила в рот ягоду покрупнее. Я съел оставшуюся — и еле успел на подгибающихся ногах добраться до постели. Сил раздеваться уже не было...

Весь следующий день ушел на попытки разобраться в ситуации. Сразу выяснилось, что мы думаем о разном — если я пытался понять, зачем мы понадобились Патрику, то Тамара искала ответ на вопрос — а какую пользу он может принести нам?

— Понимаешь, — возбужденно говорила она, — до этой поездки я думала, что он или нашел клад, или научился производить свои алмазы! Не перебивай, и без тебя сойбьюсь... нормально производить, на каком-то оборудовании, с затратами, в ограниченных количествах.

— Так он и сейчас в ограниченном, — возразил я.

— Ага, только своей ленью. Помнишь — «мешок на дорогу не желаете»? Да и не в алмазах дело, в конце концов. Ты вникни, у нас теперь может быть все, что мы захотим — из вещественного, само собой.

— Если он сочтет нужным нам это дать, — уточнил я.

— Почему бы и нет, если мы зачем-то ему нужны, — пожала плечами Тамара.

— Вот именно, зачем?

— Да какая разница? Твой друг кто угодно, только не дурак, и если он захочет от нас чего-то, то только такого, что нам по силам! Вот скажет, что ему надо, тогда и будем думать. Но что надо нам... я просто в растерянности. Так... все, я решила. Едем к моему отцу, и не возражай мне, пожалуйста. И болт свой возьми, думаешь, я не видела, как ты утром у себя парил под потолком с совершенно идиотской улыбкой на лице? Дверь надо было закрывать, и вообще, собирайся.

Тесть поверил нашему рассказу практически сразу. Алмазы вызвали у него умеренный, но не выходящий за рамки обыденного интерес, а моя левитация — так и вовсе почти никакого. Более всего его почему-то взволновали вскользь сказанные слова о возможности путешествий во времени.

— Поспешили вы сбежать, — сокрушенно качал головой он, — сначала хоть что-нибудь узнали бы! Как, куда, меняется ли от действий в прошлом наш мир или образуется новый... В общем, узнайте это, а? И скажите своему гению, что я прошу о личной беседе с ним. Готов оказать любую требуемую поддержку, как-то так...

Вопрос о беседе решился, как только я позвонил Патрику.

— Это пожалуйста, — сразу сказал он, — я сегодня в Москве и буду здесь до позднего вечера. Так что если хочет — пусть приезжает.

А в субботу мы снова отправились в Тверскую область.

— Сегодня я решил сюда обед не тащить, — сразу после приветствий сообщил нам Патрик, — приглашаю вас в свое имение.

— Это где? — поинтересовался я.

— Здесь, — он махнул рукой в сторону развалин, — точнее было бы спросить «когда». В тысяча восемьсот сороковом году. Пошли, что ли?

Мы подошли к наиболее уцелевшей стене бывшего барского дома. Патрик достал из кармана какую-то проволоку и натянул ее между четырьмя вбитыми в землю колышками, так что получился прямоугольник примерно три на восемь метров, короткой стороной вплотную к стене.

— Станьте внутрь, — велел он, сам зашел туда и положил руку на хранящий следы желтой краски камень, потом убрал ее...

Что-то сверкнуло, хлопнуло, и мир вокруг нас мгновенно изменился. Озеро осталось, но лес отступил, а на месте развалин стоял роскошный двухэтажный особняк. Вокруг появились хозяйственные постройки, ближе к озеру паслись три лошади, и только чуть наклоненная пирамида осталась на своем месте. Однако, присмотревшись, я понял, что это другая, почти такая же, но именно что почти...

Тут я обратил внимание на Патрика. Он побледнел, на лбу выступили капельки пота, кажется, его даже слегка качнуло...

— Нормально, — сказал он, перехватив мой взгляд, — против течения времени двигаться трудно. Ничего, мы привычные...

Из дома вышел рослый мужик в шароварах, хромовых сапогах гармошкой и свободной белой рубаше. Я как-то сразу почувствовал, что это не дворецкий или еще какой холуй, а охранник, причем доверенный, на таких типажей я насмотрелся у тестя.

— С возвращением, барин, — коротко поклонился Патрику секьюрити, — без вас тут полный порядок был.

— Спасибо, — кивнул тот, — это мои гости. Прошу — это он уже нам.

В доме навстречу нам тут же образовался тип в раззолоченной ливрее, вот он уж точно был лакей.

— Накрывайте стол на троих в малой гостиной, — велел ему наш «барин», — мы — в кабинете, как будет готово, сообщите.

— А здесь разве принято с челядью на «вы»? — поинтересовалась Тома.

— Здесь принято так, как установил я, — жестко сказал Патрик, — и, кстати, спасибо за напоминание — прошу вас обращаться ко всей прислуге на «вы». Этим вы сразу позиционируете себя как моих доверенных гостей.

— Скажите, а ваш сын...

— Да, он тоже в этом времени. Но на другой стороне шарика, у него плантация под Новым Орлеаном.

У меня тоже была масса вопросов, и я задал первый попавшийся:

— А путешествовать во времени можно куда угодно?

— Теоретически да. Но у меня пока получается только по привязкам... нужна какая-то вещь, которая существует в обоих временах — и откуда ходишь, и куда идешь. В данном случае, если ты обратил внимание, это была стена дома. По ходу времени, то есть в будущее, путешествовать гораздо проще. И тут тоже талисман, — он расстегнул верхнюю пуговицу рубахи и показал золотую цепочку, — число звеньев определяет число лет переноса. Дата и время по умолчанию совпадают, вот пока я умею ползать по времени только так.

После обеда Патрик сообщил:

— Ко мне там гости едут. К вам тоже, в смысле имеют отношение... Предлагаю вернуться в двадцать первый век.

Когда мы оказались рядом с развалинами, сразу стал слышен шум моторов. Скоро к Патриковой даче подъехала небольшая колонна — «Гелендваген», армейский «КамАЗ» и «Бычок». Из джипа вылез тесть и подошел к нам.

— Я выполнил свое обещание, господин Патрикеев, — торжественно сказал он, — вот то, что вам нужно.

Он протянул Патрику небольшой дипломат. Тот взял его и не глядя поставил на траву рядом с собой.

— Я тоже, — кивнул Патрик и протянул ему цепочку. — Как пользоваться, я вам объяснял. Она на максимум, двести шестьдесят три года — до того на этом месте ничего не было. Подгоняйте «КамАЗ», а все остальное, как я и говорил, не пройдет.

Вскоре «КамАЗ» уже стоял, уткнувшись фарами в стену. Из джипа вылезли два мордovorота, из «Бычка» — водитель, и полезли в кузов, где, кажется, уже было полно народу. А потом...

Тамара решительным шагом подошла к своему отцу.

— Извини, Сергей, — буднично сказала она.

Я с разинутым ртом наблюдал, как тесть пошел к стене, коснулся ее, убрал руку...

Через мгновение мы с Патриком остались одни, да еще в сторонке стояли «Бычок» с «Гелендвагеном».

Мой друг сел на траву и захохотал.

— Ну и дурак, — сказал он, отсмеявшись, — просто образцовый! Как он только ухитрился наворовать свои миллиарды, неужели для этого вообще мозгов не нужно?

— Ч-что это было? — тупо спросил я.

— Исход, — объяснил мне Патрик. — У твоего разлюбезного тестя возникли крупные неприятности, он же из старых, видать, не сумел договориться... короче, ему пора было куда-нибудь линять. Ну и его доченька решила тоже сменить обстановку.

— И где они теперь?

— Да здесь же. Просто в другом времени... в самом для него подходящем времени. В будущем! На двести шестьдесят три года вперед. Хотя хотел-то он назад...

— Но почему?!

— Потому что он не только дурак, но и сволочь. Тебе, кстати, мочегонное не нужно? А то вон, в «Бычке» тонна уротропина. А до воздействия охранного талисмана это был гексоген... Если бы не это, помог бы я ему отправиться именно в прошлое. Но раз так — только туда, куда у него хватило своих силенок, то есть по течению времени.

— А Тома... она же не знала? — только и смог сказать я.

— Разумеется, — насмешливо сказал Патрик, — химический состав и количество гостинца с точностью до килограмма она, может, и не знала... Ты же с ней двенадцать лет прожил, неужели не изучил в деталях характер своей благоверной?

Я сидел и чувствовал, как на глазах рушится мой мир. Мелькнула мысль, что все это специально подстроил Патрик, но не успел я ее додумать до конца, как он подтвердил:

— Конечно, специально. Твой тесть, как я говорил, дурак, он додумался конфликтовать с новой властью, так что за хобот его начали брать без всякого моего вмешательства. Дальше его либо посадили бы, либо он успел бы сбежать. В конце концов все равно ты оставался без

жены и без фирмы, только тогда получалось отрезание хвоста кусочками... Вот я и вмешался.

— Ага, прибил ту собаку, чтоб не мучилась...

— Не там у тебя пессимизм прорезался, где надо, — поморщился Патрик. — Без жены ты, строго говоря, остался двенадцать лет назад. А фирму можешь и сохранить, при некоторой изворотливости — мне денег подкинуть не жалко. Про тестя, конечно, неприятные вопросы начнут задавать и про его доченьку тоже, но это так, переживаемо... Мелочь она, твоя фирма. И мои алмазы с платинами всякими тоже мелочь. Совершенно ерундовый побочный эффект от вещи, способной дать человечеству просто фантастические возможности...

Ну не мог я сейчас думать про какое-то там человечество! И спросил первое попавшееся, просто чтобы не молчать:

— Что это Томин папа тебе передал, вдруг там тоже бомба, в дипломате?

— Там, образно говоря, дерьмо. Не мог поверить такой гад, как твой тесть, что я его и задаром не против переправить — да пусть уматывает, куда хочет! Вот я и попросил компромат на пару совсем уж одиозных личностей... Хороший, конечно, ты задал вопрос для человека, от которого жена только что в будущее сбежала.

— А какой надо? — разозлился я.

— Например, а как там? На всякий случай отвечаю — про те времена, куда они сдернули, я точно не знаю. Но в двадцать четвертом веке тут просто лепота — леса, холмы, озера, кое-где живописные развалины... Вот только человечества нет, вместо него всякие дикие племена по лесам прячутся. И тупые они какие-то, разговаривают и то с трудом. Конкретно здесь, на большом озере, это в десяти километрах, совсем дикари живут, жрут грибы и лягушек. Правда, есть надежда на улучшение жизни — у них охотники с луками появились, начали крыс промыслять, мясо деликатесное и опять же шкурки... Крысы там знатные, килограмма по полтора. А в Осташкове, точнее в его развалинах, другое племя, там культурный уровень на порядок выше, даже по Селигеру на каких-то лодках плавают. У них и король есть, а у короля, ты не поверишь, настоящий «калаш», даже не очень ржавый, а к нему аж целых три патрона! Так что вполне может твой тестюшка стать императором всея осташковщины, если, конечно, у него получится объяснить своим холоум, с какой радости они должны его слушаться в столь резко поменявшихся условиях.

Патрик помолчал, а потом спокойно, будто речь шла о походе в ларек за пивом, сообщил:

— Так что ухожу я отсюда в тысяча восемьсот сороковой год, тут как-то суетно, да и государство больно любопытное, не говоря уж об отдельных его гражданах. Если хочешь — можешь со мной. Не хочешь — я тебе, как уже говорил, два мешка приготовил и пяток полезных талисманов — живи на здоровье, вот только детей заводить не надо, а то их внуков жалко. Кстати, если решишь со мной — подумай, все ли долги ты раздал перед отбытием, возможно, навсегда... В общем, у тебя есть три дня, которые я еще буду тут.

Мой старый друг поднял лежащий на траве дипломат, взвесил его в руках, будто примериваясь, как бы половчее зашвырнуть его в озеро. Но потом покачал головой и, не оборачиваясь, пошел к дому.

Глава 2

КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ

Сергей Максимович Конев уже полчаса пребывал в раздумьях. Сходить, что ли, на рыбалку, вечерний клев тут просто замечательный? И если да, то на ближнее маленькое озеро, что под окнами, или на большое, десять километров — не расстояние для хорошего автомобиля по неплохой грунтовке... А может, опять сразиться с комендантом в «Эпоху Империй» на компьютерах? Прохор Ильич будет очень рад, с Андреем ему удастся сыграть

редко, да и класс игроков настолько разный, что коменданту лучше сдаваться сразу — хоть счет будет не таким позорным. С ним, Сергеем, Прохор играет на равных, но вот только поднадоело оно как-то...

Скажем прямо, отдыхать дальше у Сергея уже просто не оставалось никаких сил. Поначалу, конечно, все было интересно — охота, например, дичи здесь было немерено, но в силу неумения стрелять это занятие быстро наскучило. Рыбалка тут знатная, ничего не скажешь, а уж как здешний повар готовит карасей в сметане... Сергей с тоской посмотрел на свой живот и вздохнул. По московским меркам, конечно, пуза почти что и нет, а вот по тутошним... даже как-то неудобно. Нет, только не рыбалка — и самому пора на диету, и оба здешних кота обожрались рыбой до полной отрешенности от всего сущего. Завтра можно будет опять по грибы отправиться... да когда же наконец этот Патрик из Питера вернется? «Мне надо побеседовать с его величеством», ага. До Питера лететь шесть часов и назад столько же, Николай Первый его готов принять в любое время — и что же он, третий день подряд бедному царю зубы заговаривает? И ведь даже не радирует, как у него там дела и когда ждать. Или, чтобы из Питера связаться с поместьем, надо набирать высоту, а ему лень?

В дверь постучали, и вошел Прохор.

— Барин прислал радиogramму, — сообщил он, — завтра к часу дня будет.

— Спасибо, — поблагодарил Сергей. — А пока партеечку в «Эпоху» не желаете?

Когда Сергей только появился в патрикеевском имении «Столичное», находящемся на самом краю Тверской губернии, его поразило спокойное отношение аборигенов к окружающим их со всех сторон техническим новинкам. Приходящие по каким-то своим делам крестьяне из дальних деревень как должное воспринимали электрическое освещение усадьбы. Никого не пугала пара автомобилей, якобы паровых, а на самом деле едущих непонятным образом на воде в качестве топлива. Паркующийся в большом сарае дирижабль местные называли «воздушным мешком» и считали неотъемлемой принадлежностью поместья — на этом самом «мешке» Андрей и улетел в Питер. В церкви села Столичное регулярно проводились молебны об увеличении ресурса трех тракторов наподобие «Фордзона» и навесного оборудования к ним, а также о бесперебойной работе паровой лесопилки. Правда, повар имения плевался при одном упоминании микроволновки, но исключительно потому, что побывавшие в ней продукты якобы теряли естественный вкус. На фоне всего этого комендант, ведущий делопроизводство на компьютере, а в свободное время обожающий сыграть на нем же в «Эпоху империй», казался совершенно естественным персонажем.

— А с чего это народ должен биться в истерику при виде незнакомого механизма? — усмехнулся Патрик, когда только что перенесшийся в прошлое Сергей поделился своим недоумением. — Да, были случаи, когда и паровоз воплощением дьявола именовали, и станки ломали... но если присмотреться, то всегда можно будет обнаружить дирижеров подобных настроений. А без внешнего давления русский мужик просто прикинет пользу от невиданной машины, ну или по крайности начнет соображать, где бы это тут гаечку-другую понезаметнее открутить... Я же здесь давно, с двадцать четвертого года, так что было время потихоньку приучить народ.

— А как же соседи... власть, наконец?

— Соседей у меня трое. Один был какой-то невменяемый, сейчас там его племянник заправляет, он вроде не такой дурак. А два других должны мне в разы больше, чем стоят их имения со всеми потрохами. Насчет власти... в радиусе тридцати километров от этого дома вообще никакой, кроме моей, нет. Радиус сто — это зона моего влияния. А дальше вообще про меня мало кто знает, как-то это народу не очень интересно. Император, правда, в курсе, даже в гости разок заезжал...

— В курсе чего? — не понял Сергей.

— Того, что я из будущего. Мы с ним в двадцать пятом познакомились, в процессе общения с декабристами. Вот маленько хромаю с тех пор... А потом я ему потихоньку

рассказал, кто я такой, к нам сводил разок, в ночь с девяносто девятого на двухтысячный, когда народ под миллениум водку пьянствовал и салюты запускал. Пару книжек про него дал почитать... Нормальный в общем оказался мужик, с понятием.

— И что, ты ему теперь всякую технику и оружие поставляешь?

— А как же, — засмеялся Патрик, — электробритву подарил и регулярно обновляю запас батареек. Еще «Беретту 92» с одной запасной обоймой, на случай повторения чего-нибудь вроде двадцать пятого года. А так — только советую, когда спрашивает. У него же был простой выбор — или я сижу здесь и творю что хочу, а он не мешает. Польза от меня опять же есть, подлечить там кого нужного или проконсультировать при необходимости, но вот историю менять — это, пожалуйста, без меня. Или мы с ним конфликтуем, причем в очень неравных условиях — мне-то что, надоест — уйду, но до этого ой как могу напакостить... Он подумал и выбрал сотрудничество, так что за пятнадцать лет мы с ним даже в какой-то мере подружились.

На следующий день, сразу после полудня, в небе над Столичным появилась серая сигара дирижабля — он сделал круг над селом, после чего снизился и сел у барского дома. К нему тут же подбежали мужики, числом около десятка, ухватились за специальные петли... Из гондолы, больше всего напоминающей микроавтобус, только с торчащей в сторону коленчатой трубой, как у печки-буржуйки, вышел барин. Мужики тут же сноровисто потащили дирижабль в сарай...

Вообще-то данный воздухоплавательный аппарат был ненормально маленьким для дирижабля, длиной чуть больше двадцати метров и максимальным диаметром три с половиной. То есть по закону Архимеда это устройство никак не могло иметь подъемную силу больше двухсот килограмм, но летало оно вовсе не по Архимедовым, а по творчески переосмысленным барином законам вероятностной физики.

— Ну как, не сильно устал отдыхать? — осведомился Патрик у вышедшего из дома Сергея.

— Сильно, — буркнул тот, — а что, предвидится какое-то разнообразие?

— Еще какое, пойдем ко мне, по дороге расскажу. Собственно, основная мысль проста, как мычание. Как я уже говорил, мне сильно не нравится будущее нашего с тобой мира. Вот я и хочу исследовать данный феномен из мира этого, где у меня неплохая база.

— Постой, — удивился Сергей, — какие такие миры? Это же просто наше прошлое!

— Там что, был помещик Патрикеев с дирижаблями, тракторами и рациями? Нет, это другой мир, просто совсем недавно ответвившийся от нашего и потому очень на него похожий. Где-то после постройки этой усадьбы, но до моего появления в ней тут произошло какое-то событие, приведшее к разделению нашего мира на тот, где мы жили, и этот. Сильно подозреваю, что оно связано с Александром Первым. В нашем мире он действительно помер, а здесь, похоже, до сих пор здравствует где-то за Уралом под именем старца Федора Кузьмича. Впрочем, точно это я еще пока не выяснил. В общем, перед тобой тут три пути. Первый — стать помещиком. Хоть в Столичном, хоть где еще, с деньгами на имение проблем не будет. Второй — включиться в процесс реформ, которые не без оглядки на беседы со мной начал потихоньку готовить его величество. Он уже предлагал мне пост своего советника, правда, без особой надежды, что я соглашусь. Но сказал, что если я смогу порекомендовать ему подходящего человека, он будет очень благодарен. Ну, а третий — помочь мне разобраться, что же за бяка произошла с тем миром и не грозит ли она этому, например... В общем, подумай до вечера, за ужином побеседуем поподробнее.

Через полтора часа после этого разговора Сергей прогуливался по берегу озера с комендантом. Петрик порекомендовал ему для общего развития присмотреться, как устроена жизнь в Столичном, сам сел в автомобиль и куда-то умотал, пообещав непременно быть к вечеру. Сергей же решил — прежде чем присматриваться, не помешает сначала прислушаться.

— Вообще-то хозяйством у нас занимается управляющий, мое дело — обеспечивать

порядок, — сразу уточнил комендант.

— Так с управляющим я пока не знаком, да мне и не нужны тонкости, я хочу суть понять, а ее вы не знать не можете.

— Ну, суть тут у нас простая — усмехнулся комендант, — барин давно решил разделить своих мужиков на тех, которые хотят жить по старинке, и тех, которые не хотят. Ну и разделил, понятное дело... Как это поначалу было, я только по рассказам знаю, нашу-то деревеньку барин только в тридцатом году купил. Значит, тут чуть больше половины земель были барские, чуть меньше — общинные. Ну, барин и сказал так — пусть каждый сам решает, оброк ему платить или на барщине отработать. Но оброк-то барин установил немаленький, желающих почти и не нашлось... Зато барщина была легкая, два-три дня в неделю, да и не такая, как у всех. Если на барских землях урожай был меньше, чем на общинных, барин не говорил ничего, только напоминал, кто там так работал... сейчас-то такого и не бывает. Ну, а если урожай получился больше — половина разницы работнику! Мужики, что поумнее, быстро смекнули — на такой-то барщине можно поиметь как бы и не больше, чем на своей земле, особенно если артельно работать! Ведь на барщине лошадок да инвентарь барин предоставлял, если попросишь, а они у него куда как лучше мужицких, да и плуги с самодельными не сравнить, потом у него сеялки появились, жатки, а пять лет назад и тракторы...

— И что, лошадей берегли, как своих, инвентарь не ломали? — поинтересовался Сергей.

— Ну он же не любому сразу давал, присматривался поначалу... Всякое бывало, конечно. Я вот как раз десять лет назад в такой артели начинал. Поле нам барин выделил в сотню десятин, а было нас шесть человек. А в общине у меня надел — восемь десятин... И собрали мы с барского поля почти по сто пудов с десятины, а со своего и сорока не получилось. Вот я и начал в затылке чесать — работал я поровну что на себя, что на барина, но с барской работы получил вдвое больше! Причем он по желанию и деньгами давал, не только зерном — из расчета три четверти того, что сам за это выручит. Набрался я тогда смелости и спросил — а можно ли мне, барин, следующий год все время на твоей земле работать? Можно, отвечает он, но только если мы с тобой обмен совершим: ты мне свою землю, я тебе твою волю. Подумал я, хоть и страшновато было, но решил рискнуть. И не один я такой оказался, так-то...

Вечером Патрик уточнил Сергею смысл своей земельной политики:

— Я установил порядок, — объяснил он, — что тут могут иметь место либо крепостные на своей земле, точнее общинной, но это не суть важно, либо вольные без земли, а кому кем быть — каждый решает сам. Процентное соотношение меня интересовало между теми и этими... В результате получилось, что на таких условиях волю хочет примерно треть. Это при том, что я ведь всех обеспечиваю работой — если бы не это, то тут счет желающих шел бы вообще на единицы. Кстати, такая местная реформа прошла практически без потрясений. Потому как я же ничего не приказывал и ни к чему не принуждал! Оставшиеся крепостными увеличили свои наделы, что их порадовало, а получившие волю становились моими наемными работниками. Большинство это вполне устроило, но некоторые начали копить деньги — кто на предмет купить землю и превратиться в кулака, хотя тут пока и не знают этого слова, а кто на открытие своего дела. Одному такому я дал ссуду — в результате появилась мебельная фабрика. Стружку с лесопилки я ему почти задаром поставляю, а он из ДСП дешевую мебель гонит. Вроде ничего, существует предприятие помаленьку и даже долги погашает вовремя...

— А с теми, кто накопит на землю, что будет? — поинтересовался Сергей.

— Купят ее у моих соседей, — пожал плечами Патрик, — потому как я им ее не продам. А соседи продадут, если опять же я намекну, чтобы не упрямылись...

— И что, ты и в масштабах России предлагаешь решать крестьянский вопрос именно таким образом?

— Нет, я ничего не предлагаю. Я тут гость, решать не мне. Но император, естественно, знаком с моим опытом. Ну, а у тебя появились какие-нибудь мысли относительно своего будущего?

— Да лучше уж я с тобой, — вздохнул Сергей.

— Ну и ладушки. Тогда, значит, слушай, что мне удалось выяснить в двадцать четвертом веке. В общем, никаких следов нашествия из космоса не обнаружилось, ни материальных, ни в легендах уцелевших и, кстати, как-то до неприличия отупевших остатков человечества. Зато явно имела место связь с каким-то иным миром. И какими-то существами, про которых я даже не понял, люди они или не совсем, которых называют Вечные. В общем, то ли из соседнего мира нагрянули эти самые Вечные, побезобразили тут и ушли куда-то, то ли эти самые Вечные как-то образовались у нас. После чего возник их конфликт с остальным человечеством, по результатам которого человечество сократилось в числе порядка на четыре и впало в дикость, а сами они не то вымерли, не то смылись в какой-то иной мир. В пользу последней версии говорит то, что в селигерских легендах их называют обязательно с добавлением эпитета. Вечные Суки, Вечные Козлы или даже Вечные Пидоры... Язык, конечно, изменился, но эти слова узнать можно. И мне кажется, что именуемые подобным образом изначально были местными, чужих так вряд ли называли бы.

— Ладно, и чем мне в свете этого предлагаешь заняться?

— Слетай в Белогорск, это в Крыму. То есть сейчас он как-то по-другому называется, но это неважно. А важно то, что километрах в десяти от него имеется здоровенная известковая гора, там еще у нас киношный народ повадился фильмы снимать про ковбоев. Здесь же я подумываю о создании четырехкаскадного вариовероятностного комплекса, и внешняя пирамида вроде может неплохо получиться из той горы. Просто обтесать с нее лишнее, и все. В общем, слетай, присмотришься, купи участок и начинай его потихоньку обустраивать. Грозная бумага от Николая Первого — вот она, а охрану тебе выделит Прохор. Не смотри, что всего шесть человек, и вооружены, и тренированы они очень неплохо.

— Постой, — присмотрелся к императорскому документу Сергей, — а почему он на имя какого-то барона фон Хенгста?

— Потому что это ты. Ну не называть же тебя графом Дас Пфердом!

Через полтора месяца полностью освоившийся в девятнадцатом веке Конев, или, если по документам, барон фон Хенгст, улетел в Крым. Само собой, никакого украинского города Белогорска там еще не было. Имелся древний татарский город Карасубазар, который облюбовали под место компактного проживания татарские же евреи. Сергей немало удивился, когда узнал, что есть и такие. Интересно, подумал он, а если понадобится обосноваться около горы Килиманджаро, кого я там встречу?

Впрочем, сейчас встретил не он, а его, и не еврей, не татарин, а самый что ни на есть русский градоначальник Карасубазара, потому как Патрик попросил царя заранее отправить к нему курьера с извещением, что скоро прибудет особый императорский уполномоченный, коему надо оказать всяческую поддержку. Так что сейчас градоначальника интересовал не столько дирижабль, хотя и он тоже удостоился пары оценивающих взглядов, сколько планы столичного гостя с не до конца ясными, но явно очень широкими полномочиями. Узнав же, что тот всего лишь собирается купить земельный участок для дела государственной важности, градоначальник с видимым облегчением на лице пообещал оказать любую помощь.

Сергей смотрел на него и прикидывал — похож ли этот чиновник на своих коллег из будущего? И у самого Сергея, и, особенно, у его тестя имелись многочисленные знакомства во властных структурах. И получалось — хоть и похож, но все же этот чем-то неуловимо симпатичнее тех...

А в это время, только через сто семьдесят лет в другом мире, один из тех самых, облеченных властью знакомых тестя, беседовал с корреспондентом. Ну, беседой данное

действие называлось только для публики — сами подумайте, кто такой этот писака и кто — ОН! Все вопросы были заранее согласованы, место под интервью в послезавтрашнем номере выделено, и корреспондент вяло прислушивался к начальственному монологу. Впрочем, особенно заскучать хозяин ему не дал.

— Никогда новое не воспринималось людьми сразу! — с пафосом вещал он. — Коперника сожгли за утверждение, что Земля вертится...

Ого, подумал репортер, и это ведь не только один из наших ведущих политиков, но и член-корреспондент! Интересно, чего больше в его последней фразе — слов или ошибок? Коперника никто не сжигал, фразу про вертящуюся Землю сказал Галилей, тоже успешно избегнувший костра, а сожгли Джордано Бруно, но опять-таки не за вращение нашей планеты, а за утверждение о множественности миров, это если брать нынешнюю официальную версию, а если принять ту, что озвучила инквизиция, то за сатанизм. В общем, тут все зависит от методики подсчета, но на глаз ошибок все же получается больше, чем слов. Неплохо, хотя, к сожалению, не оригинально...

Но тут у интервьюируемого зазвонил мобильник. Несколько секунд он слушал, и на его лице появилось какое-то странное выражение, похожее на смесь надежды и неудовольствия.

— Хорошо, подъезжайте к трем, — сказал он, убрал телефон и повернулся к репортеру:

— Думаю, что на этой оптимистичной ноте мы можем закончить нашу содержательную беседу. Спасибо за интересные вопросы.

И сделал жест — мол, свободен, иди, тебя проводят. После чего задумался о предстоящем визите. Сам его факт был понятен, уже ходили слухи, что в одной из лабораторий бренчаниновского концерна разработана методика омоложения — причем реального, а не косметического, и уж тем более не шарлатанского. Вот только непонятно, почему на переговоры едет старший Бренчанинов, а не младший, с которым Юрий Сергеевич был уже неплохо знаком? Правда, Эдуард не раз говорил, что его старик на самом деле еще ого-го и в его руках заметная часть управления их семейным делом, но член-корреспондент считал это просто сыновним преувеличением. Ну какая может быть деловая активность в восемьдесят пять лет? Тут пора уже задумываться о вечном, несмотря ни на какие методики омоложения. Или они работают настолько хорошо, что Бренчанинов-старший решился испытать их на себе? Интересно, весьма интересно.

Пассажир едущего по Рублевке ничем не примечательного «трехсотого» «мерса» думал о том же самом, то есть о предстоящей встрече. Не делает ли он ошибку, собираясь рассказать Кризицкому все? Может, хватило бы сведений про одну методику «гамма», без упоминаний о том, что существует еще и «бета», а уж тем более «альфа»? Нет, мысленно покачал головой Бренчанинов-старший, все уже не раз обдумано и решено. Нужно, чтобы этот недоумок заглотил наживку до самой своей вертлявой задницы! А двадцать-тридцать лет, на которые вроде как продлит его жизнь методика «гамма», могут показаться недостаточным стимулом, и тогда на первый план выйдут деньги, которые можно будет получить от реализации проекта. Что не есть хорошо... А вот перспектива прожить лет пятьсот — или даже в несколько раз больше, если удастся таки найти материал для «альфы» — должна заинтересовать Кризицкого настолько, чтобы он решил не сообщать об этом на самый верх. Кроме всего прочего, это даст дополнительную свободу маневра — если скороспелый членкор вдруг возмнит о себе слишком много, его всегда можно будет заложить. Ладно, хватит мусолить, напомнил себе Бренчанинов. Решил рискнуть — значит, рискую, тем более что не всем, пути отхода тоже имеются.

Ну, а про события девятнадцатого века надо сказать, что Патрикеев отправил Конева в Карасубазар вовсе не из соображений хоть чем-нибудь занять. Ему действительно нужно было существенное повышение добротности вариовероятностного комплекса, и при этом совершенно не было времени самому общаться с тамошними властями. В данный момент Патрик пребывал в двадцать первом веке на своей даче в Тверской области. И не один, с ним

туда прибыли два десятка мужиков из Столичного. Они уже закончили разбирать дощатую пирамиду, сложили ее фрагменты в огороженный проволокой на колышках участок и теперь ждали, когда барин завершит свои дела.

А барин в десятый раз просматривал графики альфа-излучения своих следящих талисманов. Они были изготовлены так, что имелаась вероятность резкого увеличения этого самого излучения в момент, когда в мире происходят события из тех, что привели человечество к тому, что Патрик наблюдал в двадцать четвертом веке. Причем имелаась еще одна функция, недавно добавленная и еще не проверенная — излучение должно было идти не равномерно во все стороны, а в основном в ту, где и происходило инициирующее событие. Талисманов было три. Один тут, на даче. Другой — в московской квартире. Третий — в съемной квартире в Можайске. Датчики, регистрирующие излучение второго и третьего талисманов, были подключены к компьютерам, регулярно отсылающим данные на патриковский майл.

Итак, все три показали достаточно ясно видимый на фоне их постоянного излучения всплеск. При наложении направлений всплеска на карту прямые пересекались где-то в районе деревни Усово Московской области.

Да уж, мысленно хмыкнул Патрик, действительно, не в Кузьминках и не в Южном же Бутово жить тем, кто принимает такие решения. Ну, а теперь запасаемся терпением и начинаем...

Вообще-то подозрения, кто может стоять за грядущими неприятными для человечества событиями, у Патрикеева были, да и в дипломате конского тестя тоже имелось кое-что интересное. И теперь предстояло выбрать примерно из двадцати подозреваемых. Вообще-то правильный ответ типа «да — нет» талисманы позволяли получить с довольно высокой вероятностью, но все равно это оставалось чем-то вроде гадания на кофейной гуще. Однако случается же, хоть и редко, что оно дает неплохие результаты! Потому как все зависит от квалификации гадающего и степени его знакомства с исследуемой проблемой. Ну, а у Патрика вероятность получения правильного ответа была в сотни раз выше.

Он достал из объемистой сумки первый из талисманов, положил его в регистратор и активировал. Пусто, то есть явное фоновое излучение и больше ничего. Второй... Опа, как скакнуло! Теперь третий, для проверки — нет, опять фоновое. Едем дальше, то есть пытаемся получить ответ уже не по количеству, а по персоналиям...

Через полчаса Патрикеев, буркнув: «Бренчанинов, с-сука! Как чувствовал, что тут не обошлось без этой гниды!» — сгреб талисманы в сумку, выключил комп и, выйдя на улицу, приказал мужикам:

— Финиш, собирайте аппаратуру, двигаем домой.

— Плохие новости, барин? — спросил подошедший Прохор.

— Пока точно не скажу, но навскидку хорошего мало. Готовь дружину, возможно, придется учинять что-нибудь силовое — здесь, в этом двадцать первом веке. Все собрали? Тогда поехали.

Ночью девственная чистота эфира тысяча восемьсот сорокового года была нарушена работой двух расположенных на разных концах Земли мощных радиостанций.

— Привет, папа. Как дела, как урожай, забыл уж, что ты там выращиваешь, здоров ли скот, и чего там еще полагается спрашивать любящему сыну после долгой разлуки?

— Привет, болтун. Кажется, начинаются серьезные делишки. Как там твои негры? И, главное, сколько их у тебя на сегодня?

— Пап, ну ведь говорил же я, главное — не количество, а качество! Три десятка, но это такие звери, кого хошь порвут — я их тут уже пятый год гоняю. Не то что твои, блин, человеки с ружьями.

— Ладно, вот и посмотрим, чьи лучше. В общем, готовься, скоро позову. И в каком состоянии твой дирижабль, не утонет в процессе перелета?

— Если бы это был действительно приличный летательный аппарат, то я, может, и поволновался бы. Но дерьмо не тонет! Кто мне уже третий год стратоплан обещает?

— Вот как кончится эта заварушка, точно сделаю. Это если он не понадобится в процессе нее, а если вдруг — то тогда раньше. В общем, будь готов.

— Всегда готов, ваше сиятельство барин!

Глава 3

ЗНАНИЕ — СИЛА

Вы видели картину Кившенко «Военный совет в Филях»? Тогда вполне можете представить себе обстановку в малом кабинете барского особняка усадьбы Столичное теплым августовским вечером сорокового года. Правда, там, в отличие от картины, не наблюдалось Кутузова. Всяких прочих генералов тоже не было, зато наличествовали Патрик в джинсовом костюме и Сергей Конев в партикулярном платье. Икона на стене была всего одна, но на столе стоял компьютер. Вот вроде и все существенные отличия от картины, кроме, разумеется, электрического освещения, причем лампами дневного света. Но главное было точно как у художника — сейчас тут происходил военный совет.

— Вот так, значит, выглядит то, что мне удалось разузнать, — подытожил свою краткую речь Патрикеев. — А теперь надо подумать, как узнать больше. Твой тесть перед отбытием в дальние времена любезно снабдил меня кой-какими материалами по Бренчанинову, но большой ценности в этих бумагах я пока не наблюдаю. Во-первых, тут все про младшего, старший вообще не упоминается. Я даже не знаю, где он сейчас живет. А во-вторых, и на младшего тут в основном компромат, а нам он не нужен. Может, твой опыт бизнесмена подскажет, с чего тут лучше начать?

— Посмотреть можно? — поинтересовался Сергей, надевая очки. — Да, действительно... Пожалуй, надо вот что сделать. Сначала — выписать всех упоминающихся тут служащих непосредственно при сыне. Потом подумать, как, кому и сколько надо дать, чтобы он посоветовал, к кому можно обратиться для получения сведений о человеке, хоть что-нибудь знающем про отца. В общем, идти по цепочке. Так что трудность тут не в том, как узнать, а как сделать это незаметно. Вряд ли Бренчаниновы будут равнодушно смотреть на сбор сведений о себе.

— Незаметно — это значит быстро, — задумался Патрик, — то есть хватать, блиц-допрос и иди, дорогой, куда шел... Придется потренировать мужиков. Или сынулю подождать с его неграми? Пожалуй, и то и то не помешает.

— Постой, я вообще-то имел в виду несколько другое!

— Это от инерции мышления. Ну зачем, скажи на милость, давать человеку деньги, если он все равно не будет помнить, откуда они у него взялись? Это уже прямо садизм какой-то получится. А отпускать, не стерев память о допросе — идиотизм.

— Ты и это можешь?

— А чего тут особенного? Кратковременная амнезия случается у людей и без всяких вариаторов вероятности, причем не так уж и редко. Для дозированного же воздействия хватит добротности всего в пару сотен. Это вообще ерунда, даже говорить не о чем.

— Допрос будет с пристрастием? — с нейтральным выражением на лице поинтересовался Конь.

— Если пристрастием считать включенный паяльник в заднице, то нет. Но сделать талисман, от действия которого допрашиваемый будет испытывать просто невероятные страдания всякий раз, как соврет, не так уж и трудно. И еще один, который, наоборот, будет дарить ему неземное блаженство при правдивом ответе — тоже. Ладно, тогда, пожалуй, решим так. Ты пишешь список — где кого хватать и какие вопросы задавать. Я делаю талисманы и тренирую мужиков на предмет быстрого захвата клиента. Потом прилетает сын, и мы отправляемся реализовывать наши маленькие хитрости.

Михаил Осипович Провоторов ушел из органов в самом конце девяносто третьего года, когда ему было сорок пять. Ушел сам, не дожидаясь сокращения, потому как его пригласил

на работу один знакомый. Хм, знакомый... Они познакомились в конце восьмидесятых, когда Провоторов во исполнение приказа начальника вышел на кооператора Эдика Бренчанинова с целью его вербовки. Но начальник вдруг пробкой вылетел со своего места, а новый велел немедленно прекратить операцию, а перед Эдиком, если есть необходимость, даже извиниться. Но такой необходимости не было, подполковник никогда не любил грубой работы, и впечатления от их недолгого знакомства у Бренчанинова остались самые положительные. Потом Михаил Осипович через знакомых узнал, что папа Эдика работает на Старой площади чьим-то референтом и имеет очень серьезные связи, что действительно подтверждалось судьбой отдавшего приказ о вербовке его сына. Причем после развала Союза эти связи, насколько Провоторов знал, только усилились. В общем, когда Бренчанинов-младший предложил подполковнику стать начальником службы безопасности своей фирмы, тот раздумывал недолго.

Примерно через месяц после начала работы Михаил понял, что фирма Эдика держится в основном на авторитете и связях его отца, но, что интересно, официально Бренчанинов-старший уже был на пенсии и пять лет безвылазно жил на своей даче в Серебряном бору.

Так что когда у начальника службы безопасности зазвонил телефон и надтреснутый старческий голос поинтересовался, не хочет ли Михаил Осипович навестить старика, подполковник, естественно, ответил согласием.

— В воскресенье с утра вам будет удобно? — поинтересовался Бренчанинов. — Или, если у вас уже запланировано какое-нибудь семейное мероприятие, я, конечно, не настаиваю.

Это было сказано таким тоном, что если бы у Михаила и было что-нибудь запланировано, то он бы свои планы от греха подальше изменил бы.

— Нет, ничего, мне будет вполне удобно, — заверил подполковник собеседника. — К какому часу подъехать?

Скрывать, что адрес Бренчанинова-старшего ему известен, Михаил не стал.

— Ну что вы, зачем такое беспокойство, — пожурили его с другого конца линии, — это же я вас приглашаю, зачем вам самому куда-то ехать, тем более что вашу «Вольво» уже пора гнать на очередное ТО. Моя машина заедет за вами в девять утра. Договорились?

Машина оказалась неприметной серой «Волгой», и двинулась она не в Серебряный бор, а в прямо противоположном направлении. Через полчаса, немного повиляв по дорожкам дачного поселка Переделкино, «Волга» въехала на довольно большой участок и остановилась у зеленого двухэтажного дома, из тех, что в конце сороковых строили пленные немцы.

Хозяин выглядел примерно лет на семьдесят, то есть не старше и не моложе, чем он был на самом деле. Хотя по голосу, особенно поначалу, Михаил дал бы ему и больше.

— Проходите, садитесь, разрешите старику за вами поухаживать, — засуетился хозяин, — чайку вот с вареньем не желаете ли, малину сам собирал.

Что-то во всем этом немножко неправильно, мысленно отметил Михаил. Моторика движений у старика не соответствует голосу и манере речи, как бы понезаметнее к рукам присмотреться... Ого!

Вообще-то понимающему человеку кисти рук могут сказать о их хозяине даже больше, чем лицо. Так вот, такие, как у Бренчанинова-старшего, никоим образом не могли принадлежать семидесятилетнему старику. Максимум пятьдесят лет, а скорее даже ближе к сорока!

— Я вижу, вы кое на что обратили внимание, — усмехнулся хозяин. — К сожалению, актерское мастерство не входит в число моих достоинств, так что притворяться древней развалиной у меня получается только на любительском уровне. Впрочем, для большинства этого достаточно, тем более, что я веду вполне, так сказать, объяснимый возрастом уединенный образ жизни. А пригласил я вас вот зачем. Наверное, вы уже прекрасно поняли, что Эдик заправляет нашим семейным делом отнюдь не единолично. У меня даже иногда появляются нескромные мысли — неужели я гений, а то с чего бы иначе природе было с

таким размахом отдыхать на моем сыне? Кроме того, вы, как профессионал, наверняка понимаете, что для эффективной работы вашей службе необходима возможность быстрого выхода на самую верхушку охраняемой структуры. Так вот, смысл нашей сегодняшней встречи отчасти в этом. Но только отчасти, молодой человек. Хотите иметь шанс в ваши семьдесят лет чувствовать себя так, как я в свои? А не исключено, что и подарить такую возможность своим близким. Так вот, теоретически он есть, а практика зависит от многих факторов, над которыми еще работать и работать, и я предлагаю вам принять участие в этом труде.

Михаил Осипович отвлекся от воспоминаний четырнадцатилетней давности и вернулся к тому, что его беспокоило. Вроде бы оснований поднимать тревогу нет, подумаешь, кто-то в очередной раз пытается следить за Эдиком и его ближайшими даже не сотрудниками, а челядью, но вот интуиция говорит обратное. Особенно про доклад Мухина.

Когда-то они вместе начинали работу во втором главном управлении, но Мухин так и не поднялся выше командира группы наружного наблюдения. Ну, а сейчас он занимался тем же самым в СБ брэнчаниновского концерна, и оснований не доверять ему у Провоторова не было.

— Понимаешь, Миша, — возбужденно, что с ним случалось крайне редко, докладывал Василий, — это явные дилетанты. Причем наглые! Со стороны улицы Палме приехала «девятка» с тонировкой, встала в неудобном месте, сразу за старым мостом, из нее никто не вылезает... Но! Ты же меня знаешь? Так вот, я не только не смог запомнить даже номера, я не могу сказать, был ли он у нее вообще! Пытаюсь смотреть на то место, а глаза сами перескакивают либо вперед, либо в сторону. Временами казалось, что никакой машины там вообще нет! Я раньше не верил, что всякие там экстрасенсы могут глаза отводить, так вот теперь знаю, на что это похоже. Дальше — едет машина с этим, блин, Толиком, все никак не запомню, кем он теперь при Эдике называется. Не мой объект, но дальше-то что было, ты слушай! Его гольф встал почти напротив «девятки», а вот что дальше было — убей, не помню! Десять минут как корова языком слизнула. Потом гольф уезжает, «девятка» тоже, и наваждение кончается. Корсаков меня даже слушать не стал, говорит, глюки у тебя от переутомления или еще чего... Ты-то хоть меня лечить не пошлешь?

— Не пошлю, — согласился Провоторов, — потому что проверял маршрутный комп этого гольфа. Сбой, однако — за сорок пять минут никакой информации, сейчас над этим ребята из техотдела голову ломают, пытаются понять, как такое вообще может быть. Кроме тебя, этот эпизод могли, да что там могли — должны были наблюдать со второго поста, но они ничего не видели. То есть вообще не видели, как Толик проезжал! А это уже настораживает. В общем, Вась, мне ситуация представляется так. Против нас начал играть какой-то экстрасенс. Обычным людям он отводит глаза стопроцентно, но такой зубр, как ты, ему не по зубам...

Вообще-то Михаил считал Мухина не зубром, а просто недалеким службистом, но надо было поддержать в том веру в свои силы.

— Не по зубам, говорю, — повторил подполковник, — так что вечером зайди, я тебе дам список, и ты лично проследи за теми людьми. Сам понимаю, что придется побегать, но никуда не денешься, надо. Как только заметишь, что тебе кто-то отводит глаза — фиксируешь объект, время, место и мгновенно прекращаешь наблюдение! Докладываешь и переходишь к следующему.

Разумеется, на наблюдение были отряжены и другие сотрудники, не один Мухин. Но только один из них доложил о странном двадцатиминутном провале в памяти, остальные вовсе ничего не заметили. Мухин же указал на троих, кроме старшего референта Толика, около которых он фиксировал попытки отвода глаз. Эти люди, естественно, были допрошены. Они ничего не смогли рассказать, но у одного удалось зафиксировать непонятно куда девшийся час — он сам удивился, что выехал на Мосфильмовскую в шесть, а дома был только в начале восьмого, хотя никаких особых пробок в этот день не было.

Пора, однако, докладывать старшему, подумал Михаил.

— Прямо фантастика какая-то, — поделился Конь с Патриком, закончив прослушивать записи блиц-допросов сотрудников бренчаниновской фирмы.

Патрикеев усмехнулся:

— Ага, сидит, значит, московский бизнесмен двадцать первого века в поместье девятнадцатого и рассуждает о фантастике, очень интересно. Между прочим, еще Достоевский говорил, что в России, как правило, действительность имеет характер вполне фантастический! Тем более что я могу подтвердить про самое начало этой истории, сам при нем присутствовал. Было это давно, в семьдесят седьмом году, я тогда дослуживал последние полгода в армии. И вот как-то раз одним апрельским утром объявляют нам боевую тревогу. Я в это время торчал на узле связи, так что все начало этой истории слышал своими ушами. Так вот, подсобное хозяйство нашей десантно-штурмовой бригады подверглось нападению инопланетян. Причем они не прилетели на каком-нибудь корабле, а использовали телепорт, работающий по принципу замещения. То есть какой-то объем пространства нашего мира мгновенно заменяется точно таким же из мира-отправителя, наши путешествия из двадцать первого века сюда происходят, кстати, точно так же. Я, конечно, сперва не поверил, потом охренел, ну, а потом набился сопровождать отправленный к месту событий взвод разведки, потому как стреляли-то там по-настоящему.

— То есть как это набился, — не понял Сергей, — в армии вроде принято исполнять приказы?

— Так почти вся связь в бригаде к тому времени находилась в моей компетенции, я же был там начальником радиомастерской! В общем, отправился я туда за разведчиками на «газике» с рацией, чтобы в случае чего обеспечить устойчивую связь с авиагруппой. И успел кое-что увидеть своими глазами, прежде чем словил пулю в живот. Кстати, мне, как потом выяснилось, здорово повезло, что я не успел выйти в эфир, потому как первая пуля досталась рации. В общем, очнулся я в нашем бригадном госпитале через два дня после того инцидента. Там заправлял некто капитан медицинской службы Волин по кличке Айболит, полученной не за то, что он так уж здорово лечил своих больных, а потому, что литературный Айболит вообще-то был ветеринаром. Ну, наш — конченным алкоголиком, однако кое-что он еще мог. Мы с ним пару раз пили вместе, ну, и вообще слегка приятельствовали. В общем, меня в госпиталь привезли первым, когда дражайший доктор как раз выходил из очередного запоя, а делал он это как всегда, то есть методом вдумчивой опохмелки. Ни фига, короче, не соображал, не знал даже, какое сегодня число! И в моей истории болезни проставил дату на два дня раньше, ем оно было на самом деле. Мало того, в диагнозе он вообще нацарапал что-то неудобочитаемое, потом дописал про гнойный перитонит. Мне он объяснил, что сделал это по дружбе, мол, других-го раненых сразу забрали неизвестно куда, а на меня поначалу не обратили внимания из-за даты поступления. Не знаю, может, действительно он пошел на такое из добрых побуждений, а может, просто поправил наиболее простым способом свои пьяные закорючки. В общем, пулю он из меня все-таки вытащил, ухитрившись не зарезать при этом. Мне повезло, что она не раскрылась, вообще-то эти пришельцы стреляли экспансивными. В общем, провалялся я в госпитале еще четыре месяца, а потом меня просто дембельнули, чтобы не связываться с комиссовкой по медицинским показателям. И, между прочим, если бы не пьяная ошибка Айболита, ни хрена я бы сейчас тут не сидел. Ладно, раненых куда-то увезли, даже легких, а меня оставили, хотя я тогда натурально загибался. Но ведь летом комбрига вызвали в штаб армии вместе с разведчиками, отличившимися в той операции — и на тебе, вертолет с ними разбился, все погибли. Ну, а через три месяца после моего дембеля и Айболит помер. Говорят, перекушал спирта. Он, конечно, это вполне мог и сам. Но и чужую помощь в этом деле я никак не исключаю... В общем, ни про кого из тех, кто видел что-то своими глазами в то утро, я потом не слышал ничего. Сгинули — и с концами. Вот такая история произошла в конце семидесятых, и, получается, старший Бренчанинов как раз после нее и пошел в гору.

— Но как же повышение продолжительности жизни может привести к глобальной катастрофе? — с сомнением спросил Конев, — может, какие-нибудь побочные эффекты?

— Может, и побочные, — кивнул Патрик, — а может, и самые что ни на есть прямые. Наши гости говорили о том, что якобы можно пролить жизнь лет до ста, однако помнишь, что сказала та дура, которую референт-сутенер Толик возил к старшему Бренчанинову? Она сама не поняла, но он же явно намекнул ей, что жить можно в десять раз дольше обычного! А это уже серьезно. Ты можешь себе представить такое преступление, на которое не пойдут власть предержащие для столь основательного продления своей бесценной жизни? И не только у нас, везде. У меня, например, воображение просто отказывает. Понадобится развязать войну — тут же развяжут. Мало будет одной — устроят десять, не проблема.

— Да зачем?

— А мало ли. Например, из-за ограниченности возможностей по тому самому продлению жизни. Желающих быть первыми обязательно сразу станет больше, чем позволят реальные возможности, вот тебе и повод для драки. Или, предположим, дойдут слухи до пиндосов. Что, по-твоему, они будут спокойно смотреть, как наши слуги народа хапают себе чуть ли не бессмертие и не делятся с ними? Ага, щас, тут же возникнет острая нужда в защите нарушаемых прав человека. В общем, сажусь-ка я делать более серьезные талисманы. Пора побеседовать с действительно информированными людьми, а тут простейшей глазоотводки вкупе с ненамного более сложным отшибателем памяти явно не хватит.

Через неделю для беседы был пойман еще один гость, на сей раз личный врач Бренчанинова-старшего. Этого тихо взять не удалось, произошел инцидент со стрельбой. Правда, тут при желании можно было найти и положительные стороны, потому как участвовали в нем бойцы Павла Патрикеева, сына Патрика, недавно прилетевшего с ними из-под Нового Орлеана. Во-первых, они продемонстрировали отличную боевую выучку, а во-вторых, теперь и российские спецслужбы, и бренчаниновская охрана искали вооруженную группировку, состоящую из негров. Правда, выяснилось, что и Конева тоже объявили в розыск, но пока только как без вести пропавшего. В общем, гостя пришлось доставить в Столичное, где Патрик и просветил его насчет имеющихся перспектив.

— То, что вы мне все расскажете, это даже не вопрос, а просто констатация факта, — пояснил он все еще не пришедшему в себя после межмирового скачка пленнику. — И тут от вашего желания ничего не зависит. Но вот дальнейшая ваша судьба будет такой, как вы решите. Мы можем вернуть вас в тот мир. Но, сами понимаете, просто вынуждены будем принять определенные меры предосторожности. То есть вам сотрут память о пребывании здесь и предшествующих этому событиях. Ну, может, и еще что-нибудь окажется стертым, тут трудно заранее установить границы амнезии. Но, увы, этого явно будет недостаточно, мало ли какие способы потрошения мозгов могут оказаться у Бренчанинова, а уж тем более в ФСБ. Так что дополнительно еще будет поставлен блок, который вызовет остановку сердца в случае активации вроде бы стертых воспоминаний. Думаю, вам хватит фантазии представить, сколь яркая и насыщенная жизнь ожидает вас по возвращении в тот мир. Но я потому и затеял данный разговор, что это не единственная возможность. Хотите — можете остаться тут. Вам что обещали, жизнь как минимум лет до девяноста при неплохом здоровье? Так это и я могу организовать, дело нехитрое. Опять же карьерные перспективы тут как минимум не хуже, чем там — при условии лояльности, разумеется. И ваших близких, ежели таковые имеются и не будут против, тоже можно переправить сюда. В общем, мне уже накрывают обед, так что я пошел, а вы пока подумайте, что ответить на мое предложение, вернусь я примерно через час. Отсутствие ответа будет означать, что вы выбрали первый вариант.

— Нам повезло, этот Климчук оказался не просто врачом, а достаточно доверенным лицом, — делился вечером Патрик с Коневым. — Оно и понятно, ведь при возрасте восемьдесят пять у старшего Бренчанинова организм максимум пятидесятилетнего, если не

моложе, поэтому кого попало до своего тела он допустить не может. В общем, доктор вник в ситуацию и рассказал все, что знал, и картина получается такая. В данный момент у Бренчанинова есть отработанная методика продления жизни раза в полтора, ее называют «гамма». Есть и более серьезная, «бета», тут речь идет об увеличении этой самой продолжительности в разы. Доктор подозревает, что имеется и какая-то «альфа», но точных сведений у него нет. Но самое главное — сырье для выработки вакцин он получает от пришельцев из другого мира! Причем почти стопроцентно тех самых, что являлись в Забайкалье тридцать лет назад, их условно называют «эльфами». Так вот, им нужны люди, а в обмен на них они готовы поставлять Виктору Ильичу Бренчанинову то самое сырье. Причем желательно не бомжи, хотя и они сойдут, а здоровые люди репродуктивного возраста. Сколько надо людей, доктор не знает, но я подозреваю, что много. Потому как двух-трех пришельцы отлично могли бы украсть и без всякой торговли или налета, в отражении которого я участвовал. Даже и с десятком особых проблем скорее всего не было бы, так что, боюсь, речь тут идет о сотнях. То-то Бренчанинов законтачил с Кризицким, без поддержки на самом верху такую операцию провернуть сложно.

— Думаешь, там пойдут на это?

— Тестюшку своего ты еще не забыл? Ну так прикинь, сколько чужих жизней ему будет не жалко для продления своей хотя бы до пятисот лет. А ведь он простой олигарх из бандитов, не политик. Так что зря ты сомневаешься в потенциале наших слуг народа.

— Все-таки, по-моему, ты преувеличиваешь, — покачал головой Сергей.

— Да ну? Вот, например, тебе от дома до офиса — только Кутузовский проспект переехать. Что, редко приходилось стоять в пробках, потому как движение по этому проспекту перекрыто?

— Нет, довольно часто, но при чем тут это?

— А ты не обращал внимания на застрявшие в той же пробке «Скорые» с включенными мигалками? Причем ладно утром, хотя умирающему в этот момент больному не легче от того, что некий чин не опоздает на работу. Но ведь и вечером то же самое! Власть предрежающие тебе совершенно ясно дают понять — твоя жизнь не стоит того, чтобы ради ее сохранения один из них приехал домой на пятнадцать минут позже обычного. А сейчас речь идет не о четверти часа, а о сотнях лет жизни. Вот уж тут количество так перейдет в качество, что, думаю, мало никому не покажется. Но это ладно, в лирику можно будет и потом впасть, тут другое интересно. Доктор сказал, что буквально на днях должен состояться новый визит «эльфов». Я уже настроил аппаратуру, и, если переход будет происходить по сходным с моими принципам, можно попытаться засечь координаты того мира.

Глава 4

ЕСЛИ ГДЕ-ТО НЕТ КОГО-ТО, ЗНАЧИТ, КТО-ТО ГДЕ-ТО ЕСТЬ

Их действительно удалось засечь через два дня, рано утром. После чего Патрик почти до обеда колдовал над своей аппаратурой, а к будке рядом с пирамидным комплексом подтянулись сначала два мужика с сумками и рюкзаками, потом Прохор в комбезе, бронеке и с автоматом, а где-то в двенадцать и десяток негров в полной выкладке во главе с Павлом.

Наконец в полпервого Патрик сообщил изнывающему от любопытства Коню:

— Все, можно начинать заброс, куда они теперь от меня не денутся, записалось все по пяти осям и до минуса четвертой степени.

— Пойдем мы с тобой? — спросил Сергей, сильно подозревая, что его в этот поход не возьмут. Впрочем, он даже пока не мог решить, радоваться ему по данному поводу или огорчаться.

— Откуда в тебе взялось столько неумного героизма? — буркнул Патрик, доставая из сумки коробочку с какими-то мелкими, с фасолину, серыми цилиндриками. — Сначала надо послать туда телекамеру и осмотреться, из внутреннего объема малой пирамиды я могу дать

совершенно точную наводку. Потом — маяк, а уж потом, разобравшись в обстановке, будем решать, кто туда пойдет и зачем. Может, туда вообще на танке придется ехать! А пока прикинем, куда именно мне камеру отправить.

С этими словами Патрик уставился на монитор. На экране были синие вертикальные, зеленые горизонтальные и красные диагональные линии, а меж них — сколько разноцветных пятнышек.

— Вот это, — он ткнул в пятно побольше, на глазах меняющее цвет, — интересная привязка. Если присмотреться, она пульсирует в ритме вальса, причем аperiodически, остальные более или менее стационарны. Вот туда мы глянем для начала...

Патрик быстро сходил в пирамидный комплекс и, вернувшись, нажал кнопку на пульте. Ничего не произошло.

— Я настроил посыл зонда на три минуты, — пояснил он. И тут рядом с монитором на столике с еле слышным хлопком возник тот самый цилиндр.

— Ну-ка, и что ты там увидел?

С этими словами Патрик вставил зонд в гнездо на пульте, потом подошел к монитору. Линии и пятна на нем исчезли, и появилась картина какого-то полутемного помещения. Судя по ней, зонд висел в его центре, на высоте примерно метра, и медленно поворачивался. Центр помещения был пуст, но вдоль всех стен стояли какие-то коленопреклоненные люди в черных одеждах.

— Церковь! — изумленно выдохнул Конь.

— Причем, скорее всего, при монастыре, судя по форме присутствующих, — уточнил Патрик. — Явной опасности вроде нет, можно посылать зонд покрупнее.

Через десять минут они уже смотрели запись второго зонда, сделанную с гораздо более высоким разрешением и со звуком.

Появление этого зонда в церкви было замечено сразу, и воцарилось тишина.

— Чего вылупились суетно?! — нарушил ее слабый, но властный голос самого старшего из монахов. — Чуда Божьего никогда не видели? Молимся, братие, молимся истовей!

И сам первым затянул:

— Господь наш, создатель наш, просим помощи твоей смиренно...

— Даруй исцеление посланцу твоему! — хором подхватили остальные монахи. — Его благородию товарищу старшине Славу, Защитнику! Омой кровь его лучами своими. Только с твоей помощью придет исцеление ему!

— Постой-постой... — привстал Патрик, — это что у них там за товарищ старшина Слав? Уж не Славка ли Малой тут нашелся? А что, может быть, он же не погиб, а пропал без вести! А ну, всем молчок.

С этими словами он взял большой зонд, что-то на нем переключил и грозно спросил в него:

— Отвечайте, полное имя товарища старшины Слава — Вячеслав Малой? И чем он заболел, когда и как. Потом ждите посланцев, они исцелят.

И, обернувшись к мужикам, приказал:

— Петр, бегом зонд в пирамиду!

Через пару минут, просмотрев новую запись, Патрик объявил:

— Опасности нет, но там нашелся мой армейский друг Славка, и он лежит, скорее всего, с сильным гриппом или крупозным воспалением легких. Иду я. Конь, ты со мной хочешь? Тогда бери автомат. И еще, это самое... Прохор, нимбы давай! Серега, бери, это тебе. Надеваешь на голову, вот включатель. Батарейки хватит примерно на полчаса. Как это зачем, ты ангел или кто? Запись надо было внимательней слушать. Готов? Тогда пошли, старт будет с малой площадки внутри внешней пирамиды.

Хлопок, слабая фиолетовая вспышка, и Патрик с Коневым оказались в просторном квадратном помещении, в самом его центре.

— Больной где? — обратился Патрик к старшему из монахов.

— Сейчас, сейчас, — тот с некоторым трудом поднялся с колен, не переставая при этом креститься. — Идемте, в своем доме он, третий день лежит.

Выйдя вслед за монахом и Патриком на улицу, Конев увидел вокруг какой-то старинный городок, приткнувшийся на каменистом плато среди гор. Попик, хоть и прихрамывая, но все-таки довольно быстро привел их к простому дому из вековых бревен на каменном фундаменте. По примеру друга Сергей тоже выключил нимб и снял генерирующий эту голограмму обруч, все равно под открытым небом ее почти не было видно. Однако как на эти нимбы пялились монахи в храме, такое не каждый день увидишь.

Больной оказался крупным рыжебородым мужиком лет пятидесяти, и сейчас он лежал без сознания, с мокрой тряпкой на лбу. Рядом сидела красивая женщина средних лет, при появлении гостей она вскочила и с надеждой глянула на вошедших.

— Отец Авраамий, неужто..? — неуверенно начала она.

— Точно, Славка, — расплылся в улыбке Патрик, — вон он ты где, однако... Так, пропустите-ка меня.

Он присел около больного и раскрыл сумку, достав оттуда стетоскоп.

— Ну-ка, послушаем... так и есть, воспаление. Ладно, первым делом собьем жар. Хозяюшка, дай тряпку вроде этой, но сухую.

Получив просимое, он достал пластиковую бутылку, затем небольшой серебряный стаканчик и налил в него воду. Выждав минуты две, смочил тряпку и положил ее на лоб больному, после чего сделал ему два укола.

— Так, теперь надо просто ждать, — пояснил он присутствующим. — Где бы тут присесть, хозяйюшка? Вы ему, кстати, кем будете?

— Жена это его, Ольга, — пояснил отец Авраамий и с облегчением сел на принесенный молодым служкой стул. Сергей последовал его примеру, а Патрик, пройдясь по комнате, встал у окна.

— Выживет Слава? — подошла к нему Ольга.

— Должен, но точно я это смогу сказать часа через два. А вы пока расскажите, если не трудно, как он тут у вас жил. Тридцать один год, да?

Часа через полтора жар у больного спал, и он ненадолго пришел в себя, посмотрел на жену, слабо улыбнулся, потом увидел Патрика и обреченно выдохнул:

— Опять бред...

— Да не кажусь я тебе, Славка, — рассмеялся тот, — ты присмотришься получше, можешь даже потрогать.

— Андрюха, живой?!

— А каким же мне еще быть? Это ты сначала куда-то пропал, а потом и вовсе помирать вздумал. Совсем совесть потерял, мы же с тобой так отвальную за твой дембель и не выпили! Ты лежи, лежи, рано тебе еще вскакивать. Вот, на тебе лекарство.

Патрик снова налил в свой стаканчик воды, а потом, подумав, добавил туда таблетку шипучего аспирина.

— В общем, жену свою слушай, я ей все объяснил, а нам пора. Да не волнуйся, завтра в обед мы снова тут будем, и не пустыми, а то сейчас сборы были больно уж спешные. Серег, автомат здесь оставь, вон как старшина на него смотрит, и запасной рожок тоже. Отец Авраамий, не проводите до храма?

— В принципе я в Столичном такой мощный маяк поставил, что на него можно навестись откуда угодно, но из храма получится точнее, — пояснил Патрик по дороге. — Ты только глянь, это же правильная пирамида, а напряженность поля там почти пятнадцать эрстед, это я с зонда данные снял. А спешим мы, чтобы побыстрее выключить тот маяк в поместье, больше он не очень-то и нужен, а то как бы на огонек гости не набежали. Их там, конечно, есть кому и чем встретить, но зачем нам лишний ажиотаж в тихой усадьбе помещика Патрикеева? Да, отец Авраамий, к вам просьба. Можно сделать так, чтобы до

завтрашнего обеда ваш храм постоял пустым? И только если что-то случится, тогда заходите и молитесь, а если не случится, то начинайте завтра в полдень, мы как раз и прибудем.

Снова хлопок, вспышка, и Патрик с Конем вновь оказались в Столичном, на площадке внешней пирамиды.

— Пап, ну как там? — первым делом спросил сразу появившийся рядом Павел.

— Да нормально. Воевать, конечно, есть с кем, но не прямо сейчас и не там, где мы были, так что объявляй своему войску отбой тревоги. Прохор, там обед еще не совсем простыл?

А после обеда началась подготовка к завтрашней экспедиции. У площадки были сделаны борта высотой сантиметров сорок, чтобы барахло не вываливалось, как объяснил Патрик. И теперь мужики под руководством Прохора тащили из барского особняка множество самых разнообразных вещей, а Патрикеев их укладывал. Полтора десятка акаэмэсов, два цинка патронов к ним и три подствольника с запасом гранат. Четыре карабина «Тигр», тоже с патронами. Ветряная электростанция в разобранном состоянии, аптечки первой помощи, просто бинты и лекарства, да много чего еще. В общем, к вечеру груды уже заметно выступала над бортами площадки.

— Все, — подытожил Патрик, еще раз оглядев результат многочасовой суety, — ужинаем и спать, а завтра с самого утра — к Славке.

— Ты же им пообещал в обед? — несколько удивился Конев.

— Внимательней надо было вокруг смотреть, у них там время часов на пять-шесть впереди нашего, так что наше утро как раз будет ихним обедом. Ты снова со мной? Да, Прохор, можешь убирать нимбы, там они нам уже не нужны, статус и так есть.

С утра Патрик посмотрел метки на экране и сказал, что монахи еще не начали молитву, так что прямо к площадке были принесены термос с чаем и бутерброды. Конев как раз соображал, наливать новый стакан или нет, когда Патрикеев встал из-за монитора.

— Все, они уже начали, метка настолько четкая, что прицеливаться можно с точностью до сантиметра. Пошли.

На сей раз их появление в храме никакого ажиотажа не вызвало, мол, чего же тут удивляться, звали ангелов, они и явились.

— Так, отцы, — сразу начал командовать Патрик, — это, это и еще вон тот ящик тащите в дом к Защитнику, а все остальное — в сарай за ним. Добрый день, отец Авраамий, здравствуйте, Ольга. Раз уж вы тут, красную сумку видите? Берите, это лично вам. Как там наш больной?

— Слава Господу и вам, Андрей Федорович, — поклонился старый монах, — на поправку пошел, сегодня уже пытался вставать.

— Ольга, а вы-то куда смотрели? Ясно было сказано про строгий постельный режим.

— Так ведь отец Авраамий правильно сказал, что только пытался, — улыбнулась женщина, — а я не дала. Пойдемте, он уже заждался.

— Что же ты вчера сбежал, Андрюха, даже не поговорив толком? — встретил гостей больной.

— Так тебе не разговаривать надо было, а спать, да и сегодня в общем-то тоже особо не прыгай, еще нам только вторичной простуды поверх недолеченного воспаления легких не хватало. Да, познакомься, это мой друг Сергей Конев, помнишь, я про него тебе рассказывал. И лежи ты смирно, в конце концов! Я хоть и ангел, как мне вчера сообщили, но все же не бог, чтобы лечить тут всяких прыгающих. В общем, сначала осмотр, потом процедуры, а потом и поболтаем, так что давай-ка переворачивайся на живот.

— Ну вот, — объявил через пятнадцать минут Патрик, — действительно идешь на поправку. Кстати, этот паренек, что тут суетился, часом не твой сын?

— А как же, это младшенький, Микола. Средняя дочка, Маша, вся в мать пошла, сейчас инженерную школу заканчивает. А первенца мы в честь тебя Андреем назвали, он до

старшего лейтенанта дослужился и сейчас заставой в Грозном командует.

— Как, и у вас тут тоже есть Грозный? — удивился Патрикеев.

Вячеслав не очень понял причин удивления друга — ведь в семьдесят седьмом году земной Грозный был еще ничем не знаменитым городком, про существование которого половина Союза вообще не знала, и старшина в том числе. Но он объяснил:

— Да, есть у нас такой городок, бывший поселок Загорье. Назван в честь подполковника Василисы Грозной, знаменитого снайпера, она погибла пятнадцать лет назад. Мать моей Ольги.

— Погибла? — переспросил Патрикеев. — Сколько же лет ей тогда было?

— Шестьдесят шесть. Попытался я ее в бои не пускать, да разве такую бабку удержишь? Впрочем, снайпером она была каких мало. С шестисот метров из агровской винтовки пули чуть ли не одна в одну клала! И зрение у нее было, как у орла, она за восемь метров буквы в моем военном билете видела. В общем, редкая была теща, а сейчас, значит, в память о ней стоит город Грозный.

— Да, жизнь у вас тут нелегкая, — согласился Патрик, — но хорошо хоть, что никому и в голову не приходит самим продавать своих людей «эльфам», те бы за ценой не постояли.

— Кому, этим гадам? У нас их называют аграми, это еще со времен первого Защитника пошло. Да если кто о таком только заикнется, я его... и даже отец Авраамий слова поперек не скажет. Нет, таких уродов на земле русичей не водится.

— Вот и хорошо, — кивнул Патрикеев, — но я, между прочим, тут тебе подарков натащил, вот список. Если тут чего нет или мало, не стесняйся, говори, еще добавлю. Ну, а ответ на твой вопрос, что у нас на Земле случилось за эти тридцать лет — вот тут.

С этими словами он водрузил на столик перед кроватью больного ноутбук и раскрыл его.

— Про видеоманитофоны я тебе еще в армии рассказывал, а ЭВМ ты сам на узле связи видел. Так вот, это как раз и есть ЭВМ, только несоизмеримо мощнее той и со встроенным видеоманитофоном. Ольга, не стесняйтесь, подходите, вам тоже наверняка будет интересно. Итак, вот эта мышка называется «мышкой», она управляет стрелочкой на экране. Значит, подводишь стрелку, или курсор, к выбранной картинке и два раза быстро жмешь левую кнопку...

В общем, минут через десять Ольга, которой старшина доверил осваивать ноутбук, научилась терпимо обращаться с содержимым рабочего стола. Патрикеев же пояснил:

— Сейчас ноутбук работает от встроенного аккумулятора, заряда хватит часов на шесть. Но монахи уже тащат сюда камазовский аккумулятор с преобразователем, от него можно будет питаться не меньше месяца. Ну, а к тому времени ты и ветряную электростанцию поставишь, дело нехитрое, в инструкции все подробно расписано. Теперь — что в этом ноуте есть. В этой папке подбор материалов по истории за последние тридцать лет. Здесь — лучшие фильмы из тех, что вышли после семьдесят седьмого года. И песни Высоцкого, он еще много хорошего написал, хоть и умер в восьмидесятом. Ну, а вкратце — нет больше на Земле Советского Союза, развалился на республики, и я до недавнего времени жил в РФ, это так теперь называется РСФСР.

— Да кто же это нас так? — даже приподнялся от удивления Малой.

— Как кто — естественно, партия, которая наш рулевой. Потом и беспартийные, правда, тоже подтянулись... В общем, сам читай, там про все это достаточно подробно. А вот мне как бы с бумагами Башкирцева ознакомиться? Яти и ижицы меня не пугают.

— Оль, скажи Миколу, чтобы сбегал к отцу Авраамии и предупредил. У него они сейчас, в библиотеке.

— Да, кстати, я в числе прочего и четыре полевых телефона тебе захватил, три километра провода и коммутатор на десяток номеров. Один аппарат у себя поставишь, другой в монастыре, третий у князя, ну и еще один куда-нибудь, меньше бегать придется. Да, и ты, говорят, из своей экспедиции, где простудился, привез не только трофеи, но и двух пленников? Вот с ними тоже очень неплохо было бы пообщаться. Кто они вообще такие и

где ты их прихватил?

— Один, который ранен, скорее всего охранник. А который здоров, это что-то вроде кулака. Ну типа поместье нам попало небольшое, и он там был главным. Оба сейчас в подвале под братским корпусом.

— Хоть по разным камерам?

— Андрюх, вот ей-богу, доведешь. Разумеется, по разным, причем и доставили мы их на разных ботах! Не могли они сговориться, не волнуйся. И скажи отцу Авраамию, или даже лучше Василию, он за них отвечает, что я разрешил тебе провести их допрос.

Беседа с охранником, который в процессе захвата был ранен, но сейчас уже практически выздоровел, заняла минут десять.

— На них все как на собаках заживает, — пояснил Андрею монах-сопровождающий, — и даже быстрее. Одно слово, твари сатанинские!

— Да, регенерация у них идет существенно быстрее, чем у человека, это я в курсе, — рассеянно согласился Патрик, — но нам оно неважно. Однако к беседе с его начальником надо малость подготовиться, так что подождите меня минут пять-десять.

Вскоре Патрикеев вернулся с небольшой сумкой в одной руке и какой-то конструкцией из металлических прутков и брезента в другой. Монах отпер замок, отодвинул тяжелый засов, и они зашли в камеру. Там было темно, потому как освещалась она только маленьким, разве что кошке пролезть, окошком под потолком, а также холодно и сыро. Пленник кутался в какие-то тряпки на нарах в углу.

Патрикеев вышел на середину помещения и раздвинул принесенный с собой туристический стульчик. После чего сел, достал из сумки мощный светодиодный фонарь и включил его, поставив на пол и направив луч в потолок. Камера озарилась мертвенным белоголубым светом, и пленник завозился, выпутываясь из того, в чем он был завернут.

— Дорогой Васил Хром, вы уже закончили подготовку к беседе? — вежливо осведомился Патрик.

— Кто ты такой? — изумленно спросил агр, привставая. — Ты ведь не из этих дикарей?

— Брат Григорий, оно вас почему-то назвало дикарем. Вы не испытываете желания объяснить этому существу его ошибку путем огревания его поперек хребта вашим посохом? Причем неоднократно. Или простим на первый раз?

— Бог простит, — мрачно буркнул монах. Причем по тону было ясно, что простит он агра исключительно после попадания на тот свет, в чем монах готов поспособствовать хоть сейчас.

— Позвольте, я обрисую ситуацию, — снова обратился Патрик к пленнику. — То, что у тебя, падла, двое детей, означает, что для достижения этого результата был замучен как минимум один человек! А скорее — два, и ни малейших причин относиться к тебе иначе как к душегубу у меня нет. Поэтому ты, скот, в любом случае послужишь удовлетворению моего любопытства. Первое, что меня интересует — это конкретные цифры скорости регенерации различных тканей у вашей расы.

В руке у Патрикеева вдруг оказался пистолет.

— Для начала стрельнем в бедро, — пояснил он, — ну а потом, просто остановив кровь, понаблюдаем за процессом заживления. Затем — аналогично в живот, и так далее. Ты готов? Молчание — знак согласия, так что приступим.

Оглушительно грохнул выстрел, и на его фоне совершенно потерялся истошный вопль «Не-е-ет!!!» пленника.

— Вот ведь досада какая, промахнулся, — неизвестно кому пожаловался Патрик, — но ничего, в обойме еще четырнадцать патронов, а в сумке две запасных. Ах, да, чуть не забыл. Ты же можешь удовлетворять мое любопытство не только в качестве мишени. Меня интересует экономическая и политическая география ваших южноафриканских поселений, ну и все, что ты знаешь об истории твоего народа. Так что, поговорим или мне еще разок-

другой стрелнуть? Смотри, а то ведь я могу и не промахнуться.

— Главное, что я выяснил, — делился Патрик с Вячеславом ближе к вечеру, — агры тоже пришельцы на этой планете, кстати, весьма похожей на нашу Землю. Появились они тут несколько тысяч лет назад, а вот откуда и почему — это еще предстоит выяснить. Но единого государства у них нет, и вообще, похоже, у них тут какая-то разновидность анархии. То есть не с кем тут договариваться сразу за всех. Кстати, эти, которых ты прихватил, никакого участия в набегах на вас не принимали, они про них даже и не знали. Но это неважно, все равно живодеры. Так вот, не помешало бы устроить еще одну экспедицию к аграм. Не на кораблях, нам надо в северное полушарие, я сюда на днях дирижабль пригоню. Тебя, честно говоря, даже и не знаю, приглашать ли.

— Ну вот, — расстроился старшина, — я уж забывать начал, какой ты иногда бываешь гад, а тут, понимаешь, напоминают. Как это без меня?

— А Ольга отпустит?

— Так я же Защитник!

— Ну, тогда выздоравливай, полетим где-то месяца через полтора.

Глава 5 ОТЦЫ И ДЕТИ

Дирижабль, на котором в Столичное прилетел Павел Патрикеев со своей черной бригадой численностью в двадцать человек, был существенно больше «воздушного мешка», используемого барином для полетов в Питер. Заокеанский летательный аппарат имел длину пятьдесят пять метров при наибольшем диаметре двенадцать, то есть по закону Архимеда имел подъемную силу в четыре с половиной тонны. Учитывая, что сам он весил около трех тонн, можно догадаться, что и без всяких вариовероятностных талисманов он мог поднять как минимум десять человек и даже куда-то с ними улететь — правда, недалеко. Потому как приводился этот аппарат в движение электромоторами, а аккумуляторы в силу весовых ограничений там стояли весьма невеликой емкости. Но ведь еще в начале двадцатого века известный американский физик и изобретатель Тесла обосновал теоретическую вероятность получения электричества из атмосферы, а потом даже построил экспериментальную установку, которая почти работала. А в начале века двадцать первого американцы, насколько Патрик был в курсе, выделили что-то порядка пяти миллиардов долларов на реализацию этой идеи. Ну, а Патрикееву она, реализация, обошлась существенно дешевле, так как он умел искривлять поле вероятности. Однако, кроме архимедовой, дирижабль имел и дополнительную левитационную подъемную силу, построенную по принципу упорядочивания броуновского движения молекул, вроде того болта, который помог взлететь сначала жене Сергея, а потом и ему самому. Правда, такие талисманы получались недолговечными и работать могли только в течение двух недель после активации, зато сравнительно компактными и не очень сложными в производстве.

В общем, это был очень приличный летательный аппарат, но все-таки большой, и перебросить его на землю русичей в готовом к полету виде не представлялось возможным. Даже в полуразобранном виде он все равно не помещался на площадку три на восемь метров, то есть самую большую из тех, с которых до сих пор удавалось осуществить переброс. Ведь в Новый Орлеан девятнадцатого века его несколько лет назад протащили вообще полуфабрикатом, и потом два месяца местный народ потихоньку клеил обшивку. Так что Патрикеев еще примерно неделю экспериментировал с площадкой восемь на двадцать, переправляя в Спасск доски для строящейся там деревянной пирамиды наподобие той, что стояла около барского особняка в Столичном. Пару раз случалось самопроизвольное сокращение зоны переноса, и доски прибывали в Спасск в урезанном виде, однако Патрикееву удалось понять, из-за чего процесс шел наперекосяк, и имелась надежда, что при перебросе дирижабля подобного не случится.

Кроме того, опыты с большой площадкой дали еще один, несколько неожиданный результат. Во время очередного визита в Столичное к Патрику явился владелец мебельной фабрики, а с недавних пор еще и лесопилки, с коммерческим предложением, которое он начал излагать примерно так:

— Барин, послушал я тут рассказы мужиков, что в Спасске доски разгружали и пирамиду твою строили, и вот что подумал. Ведь русичи — они же наши, православные, и чего же им так мучиться! Самая дрянная табуретка стоит незнамо сколько, не у каждого и есть. А все потому, что там леса мало, да и мебели делать тамошние мастера не шибко умеют. Даже слова «сервант» не знают! Дозволь, как в следующий раз туда отправлять чего будешь, и мне тебя сопроводить, а с собой захватить немножко товару. Пусть русичи посмотрят, что такое настоящая мебель, не из деревяшки какой паршивой, а из настоящей ДСП.

— Ага, — сообразил барин, — хочешь, значит, лично разузнать, без чего еще, кроме мебели, там мучаются русичи, и по каким ценам этим православным братьям можно помогать не закостенеть в дикости? А что, вполне достойная цель. В общем, переброс тебе обойдется в двадцать процентов выручки, что ты получишь здесь за привезенные оттуда товары русичей — ты же не их деньги сюда потащишь, понятно. Устраивает тебя такое, Кузьма Петрович?

— Батюшка барин, да я бы и на половину согласился, — поклонился в ответ Кузьма, — но раз уж ты сказать изволил про пятую часть, то я тебе перечить никак не могу. Когда товар-то подвозить?

— К послезавтрашнему утру, часам к шести.

Перед тем, как отправляться в большую экспедицию по Мэлтеру, Патрикееву с Малым предстояла еще одна, небольшая, но по Земле XXI века. В Сонково.

— Как там мои родители и брат, не знаешь? — спросил старшина уже при втором явлении «ангелов» в Спасск.

— У меня же вообще никакого их адреса нет, и даже имен, — вполне резонно ответил ему друг, — пиши координаты, как буду в том мире, узнаю.

И вот три дня назад Патрик отчитался Вячеславу:

— Твой отец умер в девяносто шестом. Мать живет там же, где и раньше, в Сонково, в вашем доме. Брат — в Питере, женился, у него растет сын. Не бедствует, судя по машине и квартире.

— Да что же он маму-то к себе не заберет, ей ведь уже за семьдесят, — удивился Малой.

— Это ты меня спрашиваешь? В общем, свожу я тебя в Сонково где-то примерно через недельку.

— Да я и сам могу хоть завтра, ты меня только на Землю перекинь!

— Ты до конца поправься сначала, тогда и сам поймешь, какую дурость предлагаешь. Из документов у тебя только военный билет без отметки о принятии на учет.

— Еще комсомольский есть.

— А это там вообще просто раритет, и все. Реалий ты тамошних не знаешь, они ведь здорово изменились с семьдесят седьмого года, тем более что ты и их наверняка основательно подзабыл за тридцать лет. В общем, потерпи. И витамины жри регулярно, сколько раз тебе повторять! Опять в банке на две таблетки больше, чем должно быть.

Так что через шесть дней выздоровевший Защитник ненадолго покинул землю русичей, клятвенно пообещав провожавшим его монахам вскоре вернуться.

В Столичном путешественники пробыли минут пятнадцать, пока мужики вытаскивали дирижабль из сарая, и вскоре воздушный корабль взлетел и взял курс на восток. Летел он к селу Хотьково, расположенному неподалеку от Сергиева Посада, который старшина помнил как Загорск.

— Там в двадцать первом веке я снимаю дачу, — пояснил Патрик, — а здесь, в

девятнадцатом, просто купил участок в гектар с хвостиком и построил на нем дом. Дело в том, что на том участке имеется валун, существующий в обоих временах, а такие вещи очень упрощают наводку. Ага, подлетаем, вон за тем лесом и будет моя хотьковская резиденция.

Малой ожидал увидеть нечто вроде Столичного, но через пятнадцать минут его взору предстал всего лишь небольшой кирпичный дом, приткнувшийся на краю леса, и три деревянных сарая рядом. Около дома уже стояли четыре мужика и глядели на снижающийся дирижабль.

— Редко я тут бываю, — пояснил Патрик, — хотя, конечно, теперь этой базой придется пользоваться куда чаще, потому как место, куда можно телепортироваться из Столичного, в двадцать первом веке уже засвечено.

Оставив дирижабль мужикам, путешественники прошли в один из сараев.

— Даже пол, и тот не постелили, — покачал головой старшина, глядя на землю под ногами.

— Тут дело не в бедности или лени, это специально. Вспомни, когда ты тридцать один год назад перенесся в храм, что там с полом было?

— А ведь точно, в квадрате переноса он просто исчез, там оказалась земля с огорода на глубину сантиметров пятнадцать. Пол потом перестилать пришлось, но все остались довольны, потому как в той земле была очень хорошая картошка, куда лучше той, что до этого имелась у русичей. А почему от твоего прибытия ничего такого не случилось?

— Потому что случилось не такое. У монахов теперь есть лист фанеры на ножках, с которого мы телепортировались. Ну, а здесь, чтобы не заморачиваться, примерно одинаковая земля по обе стороны перехода. Пошли, что ли?

Переход, и Малой с Патрикеевым оказались в почти таком же сарайчике. Вышли из него, Патрик сходил в дом, потом отпер приткнувшийся к нему гараж и выкатил оттуда серую «восьмерку» средней обшарпанности. Выехал на ней за калитку, затем запер гараж и дом.

— Ну, что стоишь, ехать пора, — обратился он к уставившемуся на соседний трехэтажный коттедж с башенками старшине, — дачи и не такие бывают.

— А почему у тебя не такая?

— Да потому что я человек скромный и не люблю излишнего внимания к своей особе. Ты вроде бывал в Загорске? Ну, так мы как раз через него поедem, посмотришь, как теперь выглядит город Сергиев Посад.

— Ага, скромный, — буркнул старшина, с некоторым трудом устраиваясь на пассажирском месте, — а машина твоя, она что, тоже не привлекает внимания?

— Такая — никакого. А вот такая, например, может и привлечь.

Патрик показал на выезжающий с соседнего участка огромный «Форд Экскуршн».

— Ох и ни хрена ж себе, — подивился Малой, — хотя, наверное, в такой громадине хоть сидеть можно по-человечески.

— Вон, видишь, под сиденьем рычажок, потяни за него, — посоветовал Патрик, — оно тогда отъедет назад. Все, устроился? Значит, пристегивай ремень, и поехали.

В Сергиев Посад они въехали у переезда и далее двинулись по проспекту Красной Армии, где когда-то жила тетка Малого, к которой он пару раз ездил в гости.

— А ты меня точно туда завез? — неуверенно спросил старшина, озираясь. Там, где он ожидал увидеть ряды двухэтажных домов, в одном из которых жила тетка, теперь стояла длинная девятиэтажка с магазином внизу.

— Туда, туда, тут еще в советское время все снесли и перестроили, — пояснил Патрик. — Но не беспокойся, у вас в Сонково твою улочку никто не тронул.

— И чего тут столько всяких плакатов, праздник, что ли, какой? Вон, билайн какой-то, и пчела нарисована... День пчеловода?

— Просто реклама. Спать надо было меньше на политзанятиях, когда тебе замполит про загнивание капитализма рассказывал! Вот это оно самое и есть.

— Ну, какое же это загнивание, очень даже красиво. А что такое «обвал цен»?

— Это когда сначала цены задирают раза в два, а потом, когда народ вообще перестает это брать, опускают до нормального уровня. Или, как вариант, распродажа залежалого товара.

Старшина помолчал, обдумывая увиденное и услышанное, а потом неуверенно предположил:

— Ну, тут, похоже, все-таки не совсем капитализм, во молодежь какая нарядная ходит.

— Так на каком-нибудь Бродвее она еще нарядней. Это же центральный проспект, тут Лавра и все прочее. Что там у нас, никак пробка впереди? Вот мы ее сейчас по Кооперативной-то и объедем.

Машина свернула направо и завиляла по каким-то узким переулкам.

— Вот, смотри, тут картина уже малость отличается, — предложил Патрик, притормаживая около какой-то небольшой свалки.

— Чего это они? — не въехал в ситуацию Малой.

— Значит, объясняю. Вот этот сравнительно аккуратнo одетый дедушка — явно пенсионер, он собирает дюралевые банки с целью потом сдать и купить что-нибудь покушать, потому как на его пенсию это получается не каждый день. А граждане совершенно непотребного вида — бомжи, и сейчас они возмущенно вопят, что это их помойка, а всякие пришлые могут живо схлопотать в морду. Ого, они уже переходят к действиям... Ты не против остановки на пару минут?

— Вломить этим козлам? А как же, — завозился старшина, расстегивая ремень безопасности.

Но бомжи, видимо, обладали развитой интуицией, потому что исчезли еще до того, как старшина вылез из машины.

— У тебя деньги есть? — повернулся Вячеслав к Патрику. Тот без слов протянул ему две зеленые бумажки с цифрой «1000».

— Не думай, это не так много, но на неделю ему точно хватит, — пояснил он.

— Слушай, поехали быстрее, — предложил Малой, снова садясь на свое место, — а то вдруг там и мать так же?

— Вряд ли, у нее пенсия одиннадцать тысяч, это по нынешним временам более или менее прилично.

— А сколько вообще стоят эти деньги? Ну, которых у нее одиннадцать тысяч?

— Однозначную привязку дать трудно, но по колбасе, например, нынешний рубль можно считать за советскую копейку.

— То есть сто десять рублей? Тогда действительно неплохо.

— Да, терпимо, но тут многое зависит от того, сколько ей приходится тратить на дом. Кстати, давай-ка в магазин зайдем, надо взять какой-нибудь воды на дорогу, ну и на цены посмотришь.

— Ишь ты, — удивился Малой в супермаркете, — да сколько же тут сортов колбасы? И вот, смотри, есть даже по девяносто рублей. То есть девяносто копеек по-старому? Тогда вы тут не так уж и плохо живете, у нас в Сонково была только по два двадцать, и то ее четыре раза в год в заказах давали.

— Ага, — согласился Патрик, бросая в тележку кусок той самой девятистурублевой колбасы, а потом, подумав, добавил к ней отрезок докторской по триста шестьдесят. Потом взял бутылку минеральной воды, а старшина, увидев двухлитровки с кока-колой, тоже положил одну в тележку. У самой кассы Малой, увидев банки с вискасом, поначалу возмутился:

— Да что же это творится, у вас теперь и кошек едят?

Но, посмотрев на вывеску «корма для животных», хмыкнул и добавил:

— А, так это для них, хвостатых. Все равно баловство — кошке, и какую-то специальную еду. Может, ей еще отдельный дом построить?

Когда «восьмерка» уже выехала из Сергиева Посада, Вячеслав заявил, что

проголодался, и, соорудив бутерброд из только что купленной колбасы и куска хлеба, храбро откусил от него. Потом некоторое время явно боролся с желанием выплюнуть данный продукт, но воспитание пересилило, и, собрав волю в кулак, Малой героическим усилием проглотил находящееся во рту.

— И что же это за дерьмо такое? — возмущенно спросил он, отдышавшись. — Из чего оно вообще сделано?

— Из сои, картона, просроченных мясных отходов и всякой химии, — пояснил Патрик, — ты лучше все-таки возьми докторскую.

Эту старшина попробовал уже с большей осторожностью, пожевал, прислушался к ощущениям и сообщил:

— Ну, такую хоть есть можно, но все равно какая-то она безвкусная. Неужели нормальной колбасы теперь вообще не делают?

— Почему, очень даже делают, только искать ее надо не в таких магазинах и не за такие деньги.

— Все-таки прав был замполит про эксплуататорское общество, небось теперь и кризисы есть, — вздохнул старшина и вдруг встрепенулся:

— Так раз у вас теперь капитализм, то и пистолеты, как в Америке, на каждом углу продаются?

— Ага, держи карман шире, — засмеялся Патрик, — с этим сейчас строже, чем в Союзе — для народа, разумеется. Власть-то и все ее прихлебатели вооружены, и это им дополнительный повод подчеркнуть собственную исключительность — мол, мы не какое-то безоружное быдло, с которым можно делать что хочешь. Ну и боится она, конечно, народа, потому как есть за какие грехи, так что теперь у нас и пневматики того гляди запретят. Кстати, особо рьяные заметили, что кое-кто и голыми руками может больше, чем иной с пистолетом, и предлагают взять на особый учет всех владеющих боевыми искусствами, а несанкционированное применение оных объявить преступлением. Типа убивают тебя, а ты кулаками махать не смей, зови милицию, да и то не очень громко, чтобы не нарушать общественный порядок. Потому как вдруг это не просто бандит, а депутат, были уже такие случаи. Ну, а насчет кризисов — как же без них, обязательно бывают. Ведь что такое кризис? При капитализме постоянно рождаются всякие мелкие фирмочки, часть живет недолго, но некоторые выживают и становятся успешными. Если пустить дело на самотек, то их владельцы могут настолько разбогатеть, что тем, кто уже сидит на самой вершине, придется подвинуться. Понятно, что им такое не нравится, и они устраивают кризис. Фирмочки разоряются и за гроши скупаются серьезными людьми. Когда скупать становится нечего, они подсчитывают прибыль, прекращают кризис и смотрят, как потихоньку начинают расти новые молодые побеги свободного предпринимательства. Кстати, как раз сейчас тут и начинается очередной такой передел. А чего ты удивляешься? Сам же провернул в своей Москве нечто подобное. Кстати, это была твоя задумка или отца Феодосия?

— В основном, конечно, это я придумал, потом Ольга подсчитала, как оно будет работать, а Феодосий помог с организацией, — признал старшина, вспоминая события более чем четвертьвековой давности.

Тогда, посоветовавшись с женой и монахами, старшина сочинил план по мирному присоединению Райской долины обратно к земле русичей. И в одно прекрасное утро при Феофановском монастыре открылась ссудная касса. Каждый, в том числе и москвич, мог прийти туда и попросить денег в долг. Если туда являлся, например, житель Спасска, то его просьба внимательно изучалась, монахи прикидывали, не баловство ли задуманное, а если решали дать, то все равно под довольно высокий процент. Хотя давали далеко не всем. Но когда туда обратился первый из двух получивших право торговать с римлянами московский купец, ему сразу дали просимое и под полпроцента годовых. Потом его примеру последовал второй, и понеслось. Они на корню скупили все запасы стекла, на что ранее просто не хватало денег, и загнали его римлянам. Мастера и рады были бы увеличить объемы

производства, но у них не было денег на это, и они тоже обратились в ссудную кассу. И им тоже дали. Далее наступила очередь артели, добывающей особый песок... В общем, за год обращающаяся в Москве денежная масса выросла в десятки раз. Естественно, что во столько же раз выросли цены. А дальше они уже росли сами собой, потому как почти все население Москвы вместо работы только и занималось тем, что брало в долг, покупало, продавало, снова перепокупало и опять переперепродавало. В общем, экономика почти полностью изолированной долины не выдержала, и цены на продукты поднялись уже не в десятки, а в сотни раз. Купцы снова кинулись в ссудную кассу, но теперь на ее двери висели амбарный замок и выполненная по всем правилам каллиграфии надпись «закрыто на учет».

В общем, в Москве начался сначала бардак, а потом голод, и, когда в тамошнем торговом представительстве Спасска начали бесплатно раздавать продукты, то пытавшихся помешать этому дружинников местного князя били уже не солдаты из охраны представительства, а москвичи. После чего продовольственная помощь была временно прекращена. Ненадолго, всего лишь до того момента, пока самые главные должники расплатятся по своим обязательствам. А это князь, несколько купцов и московский архиерей. В результате князь, не дожидаясь, пока голодные москвичи с дубьем доберутся уже до него, пошел на переговоры со Спасском. После которых он продолжал оставаться на своем месте и при том же титуле. Как раз в это время в Спасске отдал богу душу давно хворающий Глеб Ярославович, и княжий посох в полном соответствии с заветами предков достался его старшему сыну, Мефодию. Но реальной власти у обоих князей хватало только на выбор — сразу во всем соглашаться с Председателем Княжеского Совета Игорем Глебовичем, или же делать это после полчасового раздумья. И московский архиерей получил повышение, став епископом, но теперь и над московским, и над спасским владыками стоял Генеральный Епископ Единой Православной церкви земли русичей отец Феодосий. После чего продовольственная помощь продолжилась, однако теперь уже за деньги, но очень небольшие по московским меркам. В общем, примерно за полгода вся лишняя денежная масса из Москвы была выкачана, и Спасск убрал заставы с перевала и от выхода из соединяющей долину с материком пещеры, объявив полную свободу передвижения по земле русичей.

Через четыре часа «восьмерка», немного покружив по Сонково, подъехала к небольшому дому в конце улицы 8-го марта. Во дворе стоял «жигуль», а из-под него торчали ноги. Патрик и старшина вылезли из машины. Ноги тоже зашевелились, и из-под «жигуля» вылез парень лет двадцати пяти.

— Вы к кому? — поинтересовался он у приезжих.

— Нина Алексеевна дома? — задал встречный вопрос старшина.

— Да, а зачем она вам?

— Да сын я ее! — отмахнулся Малой, делая шаг к крыльцу. Но с него уже спускалась невысокая худенькая старушка.

Пару минут послушав бессвязные «Слава, сынок!», «Мама!» и убедившись, что предусмотрительно вынутая из багажника аптечка не понадобится, Патрик подошел к парню.

— Так это что, не тот сын, который Василий из Питера, а Вячеслав, который давно пропал? — в некотором обалдении спросил парень. — Вот хорошо, а то я уже расстроился — да как же ему морду-то бить, такому лбу!

— Ну да, — кивнул Патрик, — сначала пропал, а теперь нашелся. Бывает. А вы кто такой и чем вам так не нравится брат моего друга?

— Я у Нины Алексеевны квартирант, Михаил Сергачев меня зовут. А не нравится мне то, что Василий этот — сволочь, хоть я его ни разу и не видел! Бог с ним, что мог бы мать в Питер забрать, старая она уже, воды принести и то трудно, не говоря уж дров там наколоть или огород вскопать. Тесно ему, видите ли, в четырехкомнатной квартире, у него сын студент. И мало того, что этот гад денег матери не шлет. Недавно вообще письмо прислал, что кризис, мол, и у него начались финансовые трудности. И Нина Алексеевна, добрая душа,

ему теперь половину своей пенсии посылает! Тьфу, да и только. Что они там, в столицах, все такие?

— Не думаю, — пожал плечами Патрик. — Слава, например, тоже почти все это время жил в столице, правда, не в Москве и не в Питере. В очень далекой столице, нельзя даже было весточку послать.

— В каком-нибудь Гондурасе? — догадался квартирант.

— Почти.

— Андрюха, — вновь появился на крыльце старшина, — да что ты там застрял, как неродной! Иди в дом, стол накрывать будем. Михаил, спасибо вам за заботу о маме, и тоже заходите, не откажитесь поприсутствовать на нашем празднике.

А через день «восьмерка», покинувшая Сонково и направившаяся в сторону Бежецка и далее к Сергиевому Посаду, везла уже двух пассажиров, не считая водителя.

Глава 6 **БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ**

По возвращении в Столичное Патрикеев сразу переправил в Спасск старшину с матерью, а сам остался, потому как подготовка к экспедиции вышла на финишную прямую. И надо было монтировать новый вариатор для установки в тамошней пирамиде, а кроме того заниматься пересылкой самых разнообразных грузов, включая дирижабль. Хоть Патрик и немного волновался, но летательный аппарат удалось перебросить, не попортив и не обрезав при телепортации, и теперь его сборкой в Спасске руководил Павел. Малый же аппарат, только что прилетевший из Хотьково, то есть «воздушный мешок», был передан Коню, и тот улетел на нем в Карасубазар.

За время путешествия барина в Сонково в Столичном рядом с вариовероятностным комплексом возник навес, под которым стояли всякие трюмо и табуретки, в клетках сидели куры, а в одной даже кошки, неподалеку же мычало небольшое стадо коров. В общем, Кузьма Петрович явно оценил перспективы торговли со Спасском и теперь принимал деятельное участие в загрузках перебросной площадки, не забывая в каждый рейд приткнуть и что-нибудь свое. Патрик не понимал, кому и зачем в девятнадцатом веке нужны пингвины, их яйца и всякие моржи вплоть до китов, на которых русичи тоже охотились, но, судя по энтузиазму Кузьмы, все это имело хороший спрос.

Однако все на свете когда-нибудь да кончается, и к началу сентября все, что было предназначено для Спасска, там и оказалось, и Патрикеев тоже перебрался туда, где, кроме вероятностного комплекса, был построен и щитовой дом. Правда, комплекс из-за спешки удалось сделать только двухступенчатым, однако благодаря расположению между двух магнитных холмов рядом с храмом он работал довольно эффективно. Но не всегда, а только когда местное поле было ориентировано как надо, что, впрочем, случалось не так уж и редко.

Выйдя из спасской пирамиды и кивнув часовым из Пашиного воинства, Патрик направился к старшине. Кстати, появление негров поначалу вызвало у русичей оторопь, и отцу Авраамию даже пришлось всю воскресную проповедь посвятить объяснениям, что это никакие не черти, а вовсе даже наоборот. Впрочем, русичи и сами, увидев, что диковинные черные люди регулярно посещают храм, в коем даже крестятся как положено, пришли к аналогичному выводу. А теологическая эрудиция Пашиных солдат не простиралась так далеко, чтобы они еще и понимали разницу между протестантизмом и православием. В общем, потихоньку налаживалась дружба народов, и Патрик подозревал, что вскоре в Спасске цвет новорожденных станет варьироваться в куда более широких пределах, чем было до этого.

В доме Защитника царила суматоха — ожидалось прибытие старшего сына из Грозного, да еще с женой и ребенком, так что Малой был только рад, когда Патрик буквально вырвал его из рук Ольги и Нины Алексеевны.

— Привез я мини-вертолет, — сообщил он, — и тебе надо хоть как-то его освоить. Раз уж мы берем с собой эту леталку, обращаться с ней должны уметь все. Потом еще раз попробуешь с левитационным талисманом — можешь не говорить, что игрушка, сам знаю, но нам придется действовать в горах, а вот именно там она может и пригодиться. Кроме того, я привез трубы. Распорядись, чтобы от ручья провели воду к пирамиде, пора потихоньку дирижабль надувать.

— Водородом? — продемонстрировал научно-техническую грамотность старшина.

— Гелием. Простейшая трансмутация под силу здешнему комплексу. А вот в пути восполнять утечку газа придется уже действительно водородом, то, что мы возьмем с собой, на серьезные преобразования неспособно. В общем, озадачь народ насчет водопровода, я буду ждать у ангара.

— Ничего, — похвалил Патрик своего ученика, когда день сменился вечером и солнце наполовину скрылось за Медвежьей горой, — еще пять-шесть уроков, и можно будет надеяться, что ты не обязательно разобьешь вертолет при первой же попытке куда-то улететь. А теперь, пока не стемнело, давай-ка еще разок попробуем левитацию. Ты, по моему, слишком напрягаешься. Спокойнее надо, просто держишь эту железяку в кулаке, не сжимая, и потихоньку, без фанатизма стремишься ввысь, как какой-нибудь Икар или Ариэль. Кто это такие? Да ладно, долго объяснять, тогда ты просто представь себе, что у тебя в руке веревка от воздушного шарика. Шарик потихоньку надувается, надувается, вот он уже ощутимо тянет тебя вверх, а вот помаленьку начал поднимать... Молодец, так держать! Еще чуть вверх... Да что это с тобой?!

С этими словами Патрик помог сверзившемуся примерно с двухметровой высоты старшине встать. Тренировались они, понятно, над песчаной осыпью, так что падения с небольших высот ничем особым не грозили.

— Так ведь я и представлял себе твой шарик, прямо сам удивился, как хорошо получилось! Красный такой и с надписью «1 мая» на боку. Как, значит, он все раздувается и раздувается. Действительно, помогло, сам же видел. А потом этот гадский шарик ка-а-к лопнет! Вот я и того.

— М-да... Ладно, давай еще раз, только теперь представляй себе такой шарик, который не лопаётся.

— Слушай, ну зачем мне это? — начал было старшина, но Патрик отрезал:

— В Спасске будешь сидеть — может, и действительно незачем. А если собираешься лететь с нами — у тебя две недели, чтобы научиться. Если к тому времени ты мне не сможешь пролететь двадцать метров на высоте трех, не возьму в экспедицию, вот те крест. А на вечер, чтоб не скучать, я тебе техническое описание дирижабля приготовил, считаешь. И зачет потом сдашь, между прочим.

— Ох, опять, — вздохнул Малой.

Поначалу, услышав о существовании летательных талисманов, он было обрадовался — удобная вещь для армии и вообще! Но после того как выяснилось, что даже Патрикеев может пролететь с ним всего метров двести, а любой другой устает после тридцати, энтузиазм старшины основательно поуменьшился. А когда он узнал, что талисман после активации служит всего две недели, а активировать его может только Патрик, вообще стал считать левитаторы баловством. Но ничего не поделаешь, все-таки пришлось учиться ими пользоваться.

Через три дня дирижабль был надут, и Павел совершил на нем облет земли русичей, а на следующий день занялся какими-то странными эволюциями. Дирижабль был прицеплен на трос и полдня болтался в небе над Спасском наподобие воздушного змея. А когда после полудня он спустился, то первое, что сделал вылезший из его гондолы патриковский сын — это обозвал отца параноиком и перестраховщиком.

— Ты лучше еще раз активацию талисманов повтори, — посоветовал ему папа, — а то, когда ты ко мне в Столичное летел, сколько извел, три или четыре? Хотя и одного бы

хватило бы с запасом. Я даже иногда удивляюсь, откуда у меня такой разгильдяй в сыновьях взялся? Отчет о пассивной зарядке давай и иди.

— Какой отчет?! За шесть часов батареи нормально зарядились с десяти процентов до девяноста, тебе это что, подать в письменном виде и в трех экземплярах?

— Вот и запиши цифры в журнал, а потом можешь уматывать.

— Чего это он? — поинтересовался Малой.

— А, привык, что все работает как надо, и разленился. Чуть не надорвался, бедный, так ему трудно было полдня над городом повисеть, когда его внизу не то две, не то уже три девушки ждут. А это я проверял свою задумку. Электростанция-то на дирижабле атмосферная, и без талисмана она работать не будет. Этот, правда, живет подольше левитационного, почти полгода, но мало ли. А таким способом можно как-то обойтись и без вариовероятностных чудес, был бы ветер. Взлетел на веревке, переключил движки в режим генераторов и заряжай аккумуляторы помаленьку. Теперь на этом заряде можно будет пролететь километров полтораста, а то и двести. Потому как ранят меня, например, где-нибудь у черта на куличиках, и что, так там и оставаться? В общем, завтра снова зарядка будет, и ты слетай с Павлом, посмотри, как это делается. Мало ли, вдруг так получится, что живым и здоровым останешься один ты.

— А что такое «параноик»?

— Это который во всем видит воображаемые опасности.

— Тогда это точно ты и есть, — сделал вывод старшина и быстрым шагом направился домой, пока друг еще чего-нибудь не придумал.

Чем ближе становилась дата отлета экспедиции, тем более происходящее напоминало старшине полузабытые картины сессии в железнодорожном техникуме. Все что-то сдавали и передавали, в основном Патрику, но иногда в дело вступал его сын. В частности, про устройство дирижабля и основы управления им Вячеслав рассказывал Павлу. Но тот ничуть не напоминал своего отца по части вьедливости, и, убедившись, что экзаменуемый знает слова «оболочка», «баллонет» и «гондола», а также в курсе, какой из четырех рычажков управления за что отвечает, сказал, что теоретический багаж старшины его устраивает. Даже не стал спрашивать закон Архимеда, а ведь Малой специально просил жену популярно объяснить ему, что там такого напридумывал этот древний грек, сидя в ванне. Потому как со школы на эту тему в голове почему-то вообще ничего не задержалось, да и когда она была, эта школа. Патрику же Малой все-таки сдал обращение с левитатором, пролетев целых пятьдесят пять метров — потом, правда, еле отдышался, как будто бежал в полной выкладке на Медвежью гору. После чего заметил своему экзаменатору, что тому тоже не помешало бы сдать один зачет, а именно по стрельбе. Патрик пожал плечами, но на следующий день действительно явился на стрельбище, где продемонстрировал довольно неплохие результаты и даже удостоился похвалы от заместителя Защитника по стрелковой подготовке майора Рыбы.

Четыре отобранных для участия в экспедиции негра отчитывались, насколько хорошо они запомнили местную географию, а также как и сколько слов из русского языка они знают — правда, с этим у них было терпимо, даже старшина в общем понимал их речь. Хорошо хоть, что его Патрик не заставил зубрить английский, хотя на всякий случай объяснил, что такое «фак». А шесть остающихся в Спасске бойцов Пашиной команды рассказывали, как они понимают свои обязанности по несению караульной службы, что делать в случае нападения агров и кто из местных, кроме Павла и Патрика по радио, имеет право им приказывать и в каких пределах.

Даже Ольга, хотя она никуда и не летела, не избежала общей участи. Она вызвалась изучать радиодело, чтобы постоянно быть в курсе дел экспедиции, и теперь при каждом полете дирижабля она связывалась с ним по мощной радиостанции, установленной в специально построенной будке рядом с домом Защитника, а Патрик присматривал за ее действиями и указывал на ошибки.

С Ниной же Алексеевной получилось примерно так, как старшина и надеялся. То есть она заявила, что в ближайшее время никуда из Спасска не собирается. Потому что правнука Алешу пора отдавать в школу, и лучше в столице, чем в Грозном, а кто за ним тут присмотрит? Ольга, хоть она и бабушка, но еще молодая и человек к тому же очень занятой. Причем, что интересно, и самой Нине Александровне быстро нашлась работа. Ведь вся ее рабочая карьера прошла в бухгалтерии вагоноремонтного депо, и выяснилось, что знания Нины Александровны очень востребованы в Феофановском монастыре. Так что теперь она два раза в неделю вела там уроки бухгалтерского учета, и на них довольно часто, несмотря на весьма преклонные года, присутствовал сам отец Авраамий.

В последний день перед отлетом Патрик ужинал у Вячеслава с Ольгой, ну и параллельно с приемом пищи подытожил задачи предстоящей экспедиции.

— Как я уже говорил, — начал он, потягивая морс из местной ягоды, похожей на клюкву, — агры здесь тоже пришельцы. А их общественное устройство представляет собой какой-то гибрид феодальной Европы и американского Дикого Запада. Причем к американской модели, пожалуй, ближе, потому как в Европе все-таки было тесно, а здесь агры расселены чуть ли не по всей Евразии и Африке. То есть множество обособленных поместий размером от хутора до района с поселком-райцентром и несколькими десятками деревенок вокруг. Кстати, в Африке ты, Слава, никаких телепортаторов скорее всего не нашел бы, тамошние агры такого не умеют. Вот мы и будем искать, где же все-таки у них анклав с более развитой наукой и техникой. По легендам, которые твой пленник считает правдивыми, агров сюда привел некто Артур Мелорн, или Мэллорн. Где сейчас живут его потомки, этот Хром не знает. Зато он слышал, что потомки какого-то ближайшего сподвижника этого Мэллорна сейчас обитают в местном аналоге нашего Крыма. Вот туда мы и направляемся. Я не ставлю задачу сразу узнать координаты искомого центра и тут же ломануться на его штурм. Надо просто убедиться, что тамошние агры действительно более сведущи в своей истории, а возможно и в прочих науках. Оценить их уровень вооружения и возможности воинских формирований. Собрать слухи, если удастся, откуда именно отправляются экспедиции на Землю, за людьми, а если повезет, то уточнить достоверность этих слухов. И, наконец, выбрать место поудобнее и поставить там маяк, на который мы в дальнейшем сможем наводиться из Столичного. Вот за этим мы и летим, причем нашей задачей вовсе не является поднимать шум со стрельбой на весь Мэлтер, а совсем даже наоборот. Так что вы, Ольга, не волнуйтесь, верну я вам мужа в целостности и сохранности, а в походе буду присматривать, чтобы он не простужался, не оголодал и вообще не претерпел ущерба в своем драгоценном здоровье.

Рано утром следующего дня дирижабль взлетел, имея на борту Патрика, Малого, Павла и четырех его бойцов. Сделав прощальный круг над Спасском, летательный аппарат взял курс на северо-северо-восток.

Глава 7 ДОРОГА ДАЛЬНЯЯ

Дирижабль неспешно плыл над бескрайним океаном. Первые три часа старшина еще смотрел в иллюминатор, но потом ему наскучило это занятие, потому как внизу ничего не было, кроме воды и изредка встречающихся айсбергов. По распорядку обед должен быть в два, а сейчас только-только стукнуло одиннадцать. Чем бы заняться, вздремнуть, что ли? Так ведь тогда после обеда не заснешь.

Вячеслав глянул в хвостовую часть гондолы, где расположились Пашины бойцы. В данный момент они что-то увлеченно смотрели в ноутбуке. Поначалу из него раздавались сладострастные стоны, но минут пять назад они сменились взрывами, стрельбой и чьими-то флегматичными репликами:

— Фак, Сэм...

— Шит, Джо.

Надо будет спросить у Патрика, что такое «шит», подумал Малой. Хотя он вроде занят... Или просто читает с чего-то наподобие совсем маленького ноутбука без крышки.

— Заскучал? — поднял глаза на Малого командир. — Можешь почитать, я, кроме своей, захватил еще три ебуки.

— Кого? — не понял Вячеслав. — Или чего?

— Е-бук, или, по-русски, электронная книга. Значит, вот меню, отсюда попадаешь на содержание, выбираешь книгу, жмешь сюда и читаешь, перемотка вот так. Здесь в основном фантастика и боевики.

В содержании Малой буквально потерялся. Названий было много, все незнакомые и какие-то не очень располагающие к чтению. «Слепой против Кривого», «Бешеный против Лютого», «Убить гоблина», «Убийца орков». Старшина совсем было собрался остановиться на книге с непонятным названием «Афедрон», но, увидев, что автор — женщина, передумал. Из дам-писательниц он признавал только Агнию Барто. А тут вдруг на глаза ему попало знакомое с младых лет название — «Незнайка на Луне», и Малой с облегчением решил, что это как раз то, что надо. Тем более что в детстве дочитать книгу до конца так и не удалось, ее куда-то заныкал брат.

Время до обеда пролетело незаметно, и от чтения старшину оторвал голос Патрика:

— Делай перерыв, тут уже пайки разогревают. Чем это ты так увлекся? А, Носов. Вполне приличная вещица, особенно на фоне более современных.

Старшина чуть смутился, что друг застукал его за таким детским чтивом, но Патрик, кажется, говорил серьезно.

— Вот, например, посмотри, — предложил он, — как сейчас пишут.

И вывел на экран:

«Я выслушал доклады, но разные рассказчики рассказывали разное. Тогда я скомандовал:

— Всем залечь и приготовиться к рукопашной!

От вражеского войска к нам приближались два гигантских орка, и я вышел им навстречу. Первый был в легкой костяной кольчуге, с двуручной дагой в руке и простоволосый. Второй в это время зашел мне за спину, и я увидел, что от первого он не отличается. Разве что на голове у него был сияющий бронзовый арн, а вместо даги он держал огромный шипастый шелестопер.

Я сделал резкий подпрыг и в воздухе крутанул мечом восьмерку. Приземляясь, я увидел, как под ноги мне катятся головы поверженных врагов. И тут от вражеского войска отделилась еще одна фигура, оказавшаяся прекрасной эльфийкой. На ходу освобождаясь от доспехов, под которыми ничего не было, она произнесла:

— О могучий чужеземец, ты победил моих повелителей, Властелина Зла и его брата Черного Владыку. Теперь я должна отдаться тебе на их трупах.

Я утвердительно кивнул ей своей головой».

— Э-это что? — спросил малость обалдевший старшина.

— Героическое фэнтези, — пояснил Патрик. — Или, если по-немецки, дас ист фантастиш. Так что правильно ты выбрал «Незнайку», но все равно пора обедать.

Надо бы маме такую электронную книгу подарить, подумал старшина, поудобнее устраиваясь на откидной койке с целью послеобеденного сна. Она ведь читать любит и жаловалась, что книги стали очень дорогие и неинтересные. Только попросить Патрика стереть оттуда все эти героические фантазии и всяких косых против шизанутых тоже. И чтобы он при маме не говорил, как это теперь зовется, а то она не любит, когда при ней выражаются. Нет, ну точно в этом двадцать первом веке происходит что-то не то. Это же надо было догадаться — назвать книги какими-то ебуками!

Так прошло двое суток. Теперь старшина был уверен, что негры патриковского сына — настоящие солдаты. Ибо только они могут сутками напролет дрыхнуть, как выпадет спокойное и ничем не занятое время, отвлекаясь лишь на еду и противоположные действия. Сам Малой тоже отнюдь не недосыпал, но все же давить ухо по восемнадцать часов в сутки ему уже не позволял возраст. Зато в электронной книге, кроме «Незнайки», нашлась еще и «Повесть о Ходже Насреддине», которую Малой до этого не читал, так что скучно ему не было. Хотя, конечно, гондола, которая по внутреннему объему была с небольшой автобус типа пазика, изрядно надоела.

Но где-то часа в три пополудни третьего дня полета Павел, сидевший в это время на пилотском месте, позвал отца:

— Пап, на радаре какая-то засветка. Это, что ли, твой остров?

— Похоже на то. Доверни вправо, вряд ли он обитаем, а отдохнуть денек на твердой земле нам не помешает.

— А на нашей Земле он есть?

— Конечно, откуда бы я иначе про него знал. Это остров Святой Елены, на который сослали Наполеона.

— Историческое место, — хмыкнул Павел, — надо будет там сфоткаться, а могилу Наполеона недолго и прифотошопить. Где-то через час мы там будем, как его станет видно, я позову.

Действительно, через сорок минут на горизонте появилась дымка, а вскоре можно было рассмотреть и саму землю.

— Какой-то он тут не совсем как у нас, явно больше, — заметил Патрик, разглядывая остров в сильный бинокль, — и, кажется... Да, точно, это дом или, скорее, его развалины, так что, Паша, притормози. Вышлем разведчик и посмотрим, что там. А то действительно, отчего бы у агров не оказаться своему Бонапарту?

Дирижабль лег в дрейф, и с него была запущена радиоуправляемая модель вертолета, снабженная телекамерой. И где-то через полчаса Патрик начал комментировать:

— Это был достаточно населенный остров, но именно что был. Сейчас — никаких признаков присутствия человека.

— Мор или война? — поинтересовался Павел.

— Такое впечатление, что нет. Все мелкие деревеньки заброшены очень давно, от них уже почти ничего не осталось. Поселок вокруг большого дома на северной оконечности острова выглядит поновее, а сам дом вообще практически целый. Следов нападения нет, и вообще все это напоминает мне процесс, скажем, обезлюживания какой-нибудь неперспективной деревни. Сначала лишаются жителей самые неудобно расположенные дома, но деревня еще как-то живет. Потом в ней остается полтора пенсионера, и, наконец, они либо переселяются куда-то поближе к цивилизации, либо умирают. Вот и здесь похожая картина. Последним явно был покинут вот этот большой особняк, а за ним есть площадка, куда можно приткнуться дирижабль, так что я предлагаю сесть там.

Пока дирижабль подлетал к выбранному месту и снижался, разведчик облетел еще два поселения.

— Да, — резюмировал Патрик, — нигде нет ни одного трупа, скелета или даже следов поспешного покидания поселков жителями. Разрушения явно носят естественный характер. Садимся. Паш, на тебе предварительная разведка.

Дирижабль коснулся земли дугами, и пилоны, на которых стояли моторы, повернулись так, что винты теперь смотрели вверх. Затем был включен реверс, и теперь аппарат прижимался к земле тягой работающих двигателей, что позволяло пока обойтись без якорей. Павел во главе своего войска вышел наружу. Через четверть часа он доложил:

— Пусто, а на втором этаже даже пыли почти нет. Двери были закрыты, но не заперты. Метрах в семидесяти от дома — полуразвалившаяся беседка, и в ней, похоже, остатки

человеческого скелета и не то ремня, не то еще чего-то с пряжкой. Из фауны разок мелькнула какая-то крыса.

— Возвращайтесь, — скомандовал Патрик, — раз причин срочно улетать нет, заякорим дирижабль.

— Ну, и что здесь все-таки случилось? — спросил Малой, когда его друг закончил читать бумаги, нашедшиеся в небольшой комнате на втором этаже, скорее всего кабинете бывшего хозяина.

— Это не дневник, а рабочие записи, так что подробной картины в них нет, — пояснил Патрик, — а в общем получается вот что. Когда-то, чуть ли не более двух тысяч лет назад, сюда прибыла небольшая группа, чтобы основать тут общество по заветам какого-то доктора Матроха. Что такое — сразу говорю, точно не знаю. Так вот, сначала все вроде было хорошо, а потом перестали рождаться круглоухие. Кто это такие, не говорится, но следствием стало то, что рождаемость на острове практически сошла на нет. Хозяин этого дома был последним здешним ребенком.

Патрик подошел к окну, в котором даже сохранились стекла, и, помолчав минуты две, продолжил:

— В общем, про агров кое-что прояснилось. До сих пор мне было не очень понятно, как вообще может возникнуть и существовать раса, у которой зачатие — редчайшее событие, а для повышения его вероятности до приемлемого уровня нужна изготавливаемая из человека вакцина. Но, оказывается, так было не всегда. Было время, когда рождались какие-то круглоухие агры. Жили они недолго, примерно как люди, но зато могли рожать. И, насколько я понял, от них могли рожать и женщины обычных агров, то есть долгоживущих. Насчет наоборот — не уверен, но, кажется, дела и в этом случае обстояли аналогично. И заветы доктора Матроха, наверное, как раз и были про то, как следует сохранять такое положение дел, но на континенте их не соблюдали. Да и тут, судя по всему, получалось только поначалу. В общем, прямо это здесь не написано, но догадаться нетрудно. Скорее всего, эти заветы содержали запрет на несанкционированные сношения долгоживущих с круглоухими, тогда действительно такая популяция может быть устойчивой. Но, видимо, руководство колонии не смогло поддержать должной строгости нравов, и в результате круглоухие тут исчезли, а у долгоживущих перестали рождаться дети. Агры действительно живут долго, лет по девятьсот, и почти до самого конца сохраняют силы и здоровье. Но потом — как выключатель щелкает, и за год-два цветущий мужик превращается в древнюю развалину и умирает. Вот они все потихоньку и того... Хозяин поместья последние восемь лет жил один. И есть неоконченная запись как раз о том, что на восьмьсот девяносто втором году жизни он заметил у себя первые признаки старения. Думаю, тот пузырек, что мы нашли в беседке рядом с фрагментами скелета, скорее всего содержал яд. Произошло это событие где-то от ста до двухсот лет назад.

Но тут со словами «пап, смотри, что я здесь нарыл» в комнату зашел Павел и протянул отцу какой-то золотой кулон на цепочке, судя по всему, очень старый. Патрик повертел его в руках, потом хмыкнул и снял колпачок с его нижней части.

— Что-то вроде флешки, — резюмировал он, — правда, разъем какой-то незнакомый, но это неудивительно. В общем, тут у меня нет аппаратуры для детального изучения этой вещицы, но одно уже ясно. Когда-то агры находились на гораздо более высоком уровне развития. Но очень давно. Судя по состоянию того, что осталось от контактов, несколько тысяч лет назад.

— Да, и мне тоже так показалось, — согласился Павел, — но тут вот еще что интересно. То, что агры говорят по-русски, это мы уже знаем, а вот как они пишут?

— Я про это еще в Спасске поинтересовался, попросив пленников написать по объяснительной с изложением обстоятельств их пленения. Так вот, после прочтения данных опусов я решил, что Славе попались малограмотные агры. Однако сейчас думаю, что если даже это и так, то они такие здесь не одни. В общем, бумаги написаны с применением

минимума правил. Одно и то же слово в зависимости от почерка пишется по-разному. Отсутствуют буквы «э», «ё» и твердый знак. На грани исчезновения «и краткое». Мне кажется, такая письменность могла с равным успехом развиваться как из дореволюционной, так и из современной нам.

— Ага, значит, про современную ты тоже подумал?

— Да, появились кой-какие мыслишки, но их еще проверять и проверять.

Тем временем на лице Малого отразилась работа мысли, и вскоре он выдал ее результат:

— Раз тут все померли, но об этом на материке вряд ли кто знает, то мы ведь можем выдавать себя за экспедицию отсюда. Наша одежда не очень отличается от тряпок, которые были на африканских аграх, да и тут в одном шкафу нашлось хоть и полусгнившее, но все равно похожее тряпье.

— М-да, — с сожалением посмотрел на друга Патрикеев, — я, может, и сойду за агра, особенно если платком повяжусь. Пашиным бойцам платочки уже не помогут, придется противогазы надевать. А тебя даже в скафандре, которого у нас все равно нет, за местного никто не примет — больно уж сильно габариты различаются.

Старшина малость приуныл, но Павел, пару минут подумав, заявил:

— А что, идея очень даже ничего. Раз на материке эти самые заветы Матроха всюду нарушали еще две тысячи лет назад, то сейчас вряд ли там так уж легко будет встретить их знатока. Даже если таковой и найдется, всегда можно будет заявить, что они у него неправильные, а истинные заветы сохранились только на нашем острове. И никаких платочков не надо, мы с тобой, пап, будем круглоухими. Раз они хрен знает когда перестали рождаться, то вряд ли основная масса теперешнего народа так уж хорошо представляет, как они выглядели.

— Ладно, — хмыкнул Патрик, — пусть мы с тобой будем круглоухими. Но остальные тогда кто?

— Слушай дальше. Значит, на острове всюду соблюдаются те заветы, и поэтому рождаются круглоухие. Но, как и в любом процессе, тут иногда случается брак. То есть мы с тобой — штатная продукция, а остальные — издержки производства. Наша работа, судя по тому, что ты вычитал в тех бумагах, заключалась в поголовном покрытии островных дам, как долгоживущих, так и не очень. Достигнув выдающихся успехов на этом поприще, мы получили право претендовать на превращение в долгоживущих, но по традициям острова для этого надо совершить подвиг. Вот, значит, мы и полетели его совершать, а мои бойцы и товарищ старшина — это наша охрана и слуги из некондиционных круглоухих.

— Интересно, — усмехнулся Патрик, — а если встреченные нами дамы захотят воспользоваться нашими профессиональными услугами?

— Ну, тебе-то проще, можешь сказать, что ты уже пожилой и вышел из соответствующего возраста. А я, так уж и быть, особенно если дамы будут ничего, разок-другой-третий пожертвую собой. Если же они окажутся больше похожи на коров или крокодилов преклонных годов, то всегда можно будет сослаться на заветы Матроха. Мол, согласно какой-нибудь заповеди это можно не абы когда, а только по нечетным четвергам. В общем, что-нибудь придумаем.

Отдохнув на острове сутки, в три пополудни следующего дня путешественники продолжили свой путь. Снова дирижабль летел над бескрайним океаном, в котором уже не встречались даже айсберги. Но теперь такой полет продолжался всего чуть больше суток, и во второй половине следующего дня на горизонте показалась сначала дымка, а потом далекий берег. Вскоре стало видно, что прямо курсу дельта какой-то большой реки.

— Прямо как Волга у Астрахани, — поделился впечатлениями Павел.

— Нигер, — буркнул Патрик, не отрываясь от иллюминатора, — и если даже тут нет людей, то вряд ли они есть где-нибудь поблизости.

Примерно час дирижабль летел над рекой и морем джунглей по обеим ее берегам, но

потом река свернула влево. Местность под путешественниками тоже изменилась — теперь там была степь с редкими островками деревьев, а ближе к вечеру стали попадаться голые каменистые участки.

Ранним утром дирижабль пролетел над озером Чад, местность внизу на некоторое время позеленела, но потом снова все чаще и чаще стали встречаться желтые камни, и с обеда почти до захода Солнца под гондолой проплывала пустыня с редкими оазисами и без всяких признаков разумной деятельности. Когда уже начинало темнеть, внизу показалась большая река, окаймленная зеленью.

— Нил, — пояснил Патрик. — В принципе тут могут быть какие-то поселения, так что неплохо было бы проделать весь путь над ним днем. Паш, как ветер?

— От пяти до семи метров в секунду, западный.

— Тогда я бросаю маяк, садиться тут мне что-то не очень хочется. Змеи, крокодилы, да мало ли еще кто.

Вскоре от дирижабля отделилась небольшая коробка под маленьким парашютиком и поплыла вниз.

— Маяк сел, есть привязка, — доложил Павел и, покинув пилотское место, отправился в корму гондолы.

— Греем ужин, едим и спать, — резюмировал Патрик, — а с утра двигаем дальше.

Старшине был понятен смысл происходящего, в описании дирижабля говорилось о такой возможности. Теперь автопилот будет держать воздушный корабль над маяком всю ночь.

С утра дирижабль продолжил свой путь над рекой, снизившись примерно до полукилометра. Час за часом проходил полет, но внизу проплывали только картины девственной природы без малейших признаков присутствия агров. Лишь у самой дельты обнаружилось несколько полуразрушенных построек, но не возникло нужды даже запускать разведчик — и в бинокль было прекрасно видно, что это поселение давно покинуто.

— Причем и строилось-то абы как, — уточнил Павел, — совершенно явная временка. Да и в эфире абсолютная пустота. Наши планы не изменились, отсюда мы идем к Черному морю? Тогда до трех ночи моя вахта, а потом, пап, я бужу тебя.

Проснувшись, старшина обнаружил, что дирижабль летит над морем, а слева километрах в двух виднелся берег.

— На Земле тут Болгария, — пояснил Патрик, — ну, а мы так и пойдем вдоль берега, пока не увидим впереди хоть какие-нибудь признаки цивилизации.

Они нашлись только ближе к вечеру.

— Лодка! — объявил Павел.

— Где? А, вижу. Запускаю разведчика.

Вскоре выяснилось, что впереди что-то вроде рыбацкого поселка. Располагался он в месте падения в море довольно крупной реки, которая была опознана как местный аналог земного Днепра. Не долетая до поселка километров пятидесяти, дирижабль начал снижение и вскоре приземлился на берегу не то широкой реки, не то узкого залива.

— Бугский лиман, — пояснил Патрик, — на том берегу в нашем мире Николаев. А в этом — пусто, так что пока устроим тут временный лагерь и присмотримся, что там за деревенька у агров на месте нашего Херсона.

Глава 8 ВИЗИТ ВЕЖЛИВОСТИ

Утро было посвящено обустройству лагеря, после чего дежурная пара бойцов приступила к караульной службе, свободная — к отдыху, а начальство занялось сборкой вертолета. Старшина выволок эти двести пятьдесят кило металла и пластика из грузового отсека, после чего над ними начали колдовать старший и младший Патрикеевы. Вскоре

устройство обзавелось двумя воздушными винтами, посадочными дугами и, после получасового тарахтения компрессора, надутыми поплавками на них. После чего Патрик вымыл руки и занялся инструктажем старшины.

— Значит, так. Ты изображаешь из себя донельзя тупое существо. Знаешь всего пять слов — да, нет, мля, урою и хозяин, так будешь обращаться ко мне.

— Мало, — не согласился Вячеслав, — нужно еще какое-то предложение, вроде как я всем доволен.

— Ладно, расширяем лексикон максимумой «ух зашибись». Запомнил? Тогда давай побеседуем в порядке тренировки. Итак, после обеда мы летим в здешний Херсон.

— Ух, зашибись.

— Местные могут отнести к нам по-всякому, в том числе и недружелюбно.

— Урою, мля!

— Вылет сразу после обеда. Особо не усердствуй, а то вертолет нас двоих и так с трудом поднимает.

— Да, хозяин.

— Отлично, вот в таком ключе и беседуй с аборигенами, если обратятся. Из оружия что возьмешь?

— «Калаш» с подствольником и помпу, ее можно на виду держать, она не очень отличается от агровских ружей. И пяток эргэдэшек.

Перед вылетом Патрик еще раз бегло просмотрел материалы видеонаблюдения. Да, похоже, это вполне мирное поселение, никаких признаков караульной службы не наблюдается. По поселку народ ходит без оружия, только один раз утром из самого большого дома в центре вышел мужик с револьвером. И четверо, пешком отправившиеся куда-то вверх по реке, имели ружья. Именно ружья, а не винтовки, причем двустволки. Надо думать, пошли поохотиться. Да и по результатам допросов пленников у Патрикеева складывалось впечатление, что видеть в незнакомце врага среди агров не очень принято. А если тот появляется явно, не прячась, то и тем более. Так что, подлетев к поселку со стороны берега, вертолет сделал круг и сел на площади, вокруг которой подковой располагалось пять самых приличных на вид домов, один даже двухэтажный.

Прибытие незнакомого аппарата ажиотажа не вызвало, народ не бросился ни от него, ни к нему. Просто некоторые остановились и с интересом смотрели, что же будет дальше. Ага, не все такие нелюбопытные — тот самый мужик с револьвером прервал разговор с какой-то невзрачно одетой женщиной и двинулся к вертолету. Патрик заглушил мотор и сошел на землю, старшина остался сидеть.

— Доброго вам здоровья, — сказал подошедший, — я староста Нижнего, мое имя Серг Ромин.

— И вам тоже доброго, — кивнул Патрикеев, — я путешественник с острова Возрождения Андр Патрик.

Перехватив взгляд старосты в сторону Малого, он добавил:

— А это мой слуга по кличке Ых. Можно нам сделать привал в вашем поселке?

— Конечно, да. Думаю, вам есть что рассказать, и многие рады будут принять вас. Не часто к нам являются путники из далеких краев, принося интересные вести.

Так что вскоре вертолет перелетел на задний двор двухэтажного дома, оказавшегося здешней резиденцией владельца поместья Млана Сирого, который в данный момент пребывал в центральной усадьбе, но к нему уже был отправлен гонец, и, возможно, часа через три он тут появится. А пока гостям был предложен обед, в основном из даров моря. Патрик объяснил, что слуга берет пищу только из его рук, в силу чего предлагать ему что-либо не надо. Донесшийся со двора рев «Урою, мля!» послужил неплохим подтверждением этих слов.

— Так это что, люд? — поинтересовался староста. — Да, я слышал про них, но мне

говорили, что они не владеют речью и не поддаются приручению.

— Нет, — ответил Патрик, сделав пометку в памяти насчет какого-то «люда», — это специальная порода неперспективного кжи.

— Кого? — не понял собеседник.

— Население нашего острова делится на долгоживущих и короткоживущих, которых сокращенно называют «кжи». Кжи в свою очередь бывают перспективными, эти при выполнении определенных условий могут стать долгоживущими и неперспективными, для них такое невозможно. Они бывают разных пород, и мой Ых — так называемый «московский сторожевой». Правда, это не совсем кондиционный экземпляр, что-то он вырос мелковатым, но зато сообразительным. А вот я — перспективный кжи. Собственно, данное путешествие и является для меня экзаменом, по результатам которого я смогу получить долголетие.

— Вон оно что, — протянул староста, — вроде и у нас пытались сделать что-то подобное, но очень-очень давно. Это мне хозяин рассказывал, он интересуется такими вещами, так что ты уж его обязательно дождись.

Хозяин поместья прибыл довольно быстро, причем даже такой невеликий специалист по лошадям, как Патрик, и то смог заметить, что он очень спешил.

Беседа затянулась до позднего вечера. Ни про какого доктора Матроха с его заветами Млан не слышал, но вот про существование круглоухих был в курсе. После чего Патрик вынужден был почти час распинаться на тему евгеники, выдавая ее за те самые заветы, и под конец сообщил, что, по слухам, где-то на материке должен сохраниться их полный текст, сбор сведений о чем и является целью его экспедиции. Причем уже ближе к концу беседы произошел интересный момент. Патрик начал что-то врать про древних духовных предшественников Матроха и в числе прочих упомянул доктора Геббельса, просто чтобы не придумывать незнакомых имен, в которых недолго запутаться.

— А знаешь, — оживился хозяин, — я ведь слышал про него от деда. Он был большим знатоком легенд о мире, из которого на Мэлтер якобы и явились люди. Так дед несколько раз упоминал, что не то предшественником, не то вдохновителем великого Мэллорна как раз и был доктор Геббельц. Именно в его честь прадеда называли Озефом.

Что интересно, именно после упоминания министра пропаганды Третьего рейха хозяин явно избавился от некоторой настороженности по отношению к гостям, которая нет-нет да и проскальзывала поначалу. А Патрикеев тихо офигевал про себя. Если бы только фамилия, то еще можно было бы думать о совпадении, но ведь Млан сам назвал имя! То есть гипотеза, которую Патрик пока считал наименее вероятной — а именно что агры явились сюда из нашего или близкого к нему времени, совершив прыжок не только между мирами, но и на несколько тысяч лет в прошлое — становилась вполне похожей на правду.

А хозяин тем временем сообщил, что один его дальний родственник, у которого поместье на полуострове Рым, тоже интересуется историей. И показал на карте, где примерно оно находится. Потом поинтересовался — неужели его гости перелетели через море на своем летательном аппарате и получил ответ, что, разумеется, нет. Собственно, не только море, но и океан они пересекли на корабле, который ждет их в полчасе лета от берега, потому как капитан не рискнул заходить в незнакомый лиман. Сам вертолет особого удивления не вызвал. Что-то наподобие дельтапланов у агров где-то производилось, а хозяин не настолько хорошо разбирался в авиации, чтобы оценить принципиальное отличие вертолета от дельтаплана.

После ужина Патрик попрощался, сказав, что ему надо на корабль, а то капитан будет волноваться, и вскоре вертолет покинул гостеприимный поселок Нижний.

Пока старшие товарищи гостили у агров, Павел, запустив в разные стороны три разведчика, нашел более удобное место для лагеря. Оно находилось километрах в пятидесяти на север от нынешнего и представляло собой овраг с протекающим по дну

небольшим ручьем, и имелось достаточно участков, где в этот овраг мог поместиться дирижабль. Никаких агровских поселений поблизости не наблюдалось и просто агров тоже, но зато один раз километрах в десяти от выбранного места мелькнула какая-то большая пятнистая кошка.

— Пап, не знаешь, кто это, а то я не силен в ботанике? — поинтересовался Павел, показывая отцу запись.

— Разрешение у тебя так себе, но вроде похоже на леопарда. Это хорошо, я как-то не думаю, что такие звери будут селиться рядом с человеком. Кстати, по нашим сведениям, аналогично, эти места мне обозначили как безлюдные. А вот Крым, который у них без первой буквы, заселен по местным меркам довольно густо и берега Азовского моря тоже. В общем, вроде хорошее место, всяко лучше теперешнего, завтра прямо с утра туда и переберемся.

С утра дирижабль совершил короткий перелет и сел в овраге, где был заякорен и закрыт маскировочной сетью. Рядом имелся холм, на вершине которого Пашины бойцы оборудовали наблюдательный пункт, и началась рутинная работа. Из багажного отделения был извлечен и собран новый разведчик, на сей раз не вертолет, а самолет, причем довольно большой, с почти четырехметровым размахом крыльев. Этот, хоть и не мог заглядывать в окна домов, зато был способен пролететь больше тысячи километров. Или, применительно к имеющимся условиям, слетать на пятьсот, покружиться над выбранным местом и вернуться с записью, прямая трансляция на такие расстояния не проходила. Три дня прошло в запусках этой модели с последующим изучением привезенных ей снимков, после чего Патрик подытожил:

— Наличными силами мы в Крым не полезем. Там не просто поместье, а практически небольшое государство. На дирижабле и думать нечего подобраться незаметно. Кстати, рекомендую обратить внимание вот на эти три небольших кораблика. Все три вышли одновременно, вчера утром, и направились туда, куда мы со Славой улетели из Нижнего. Кстати, и скорость у них ничего, порядка тридцати километров в час. А вот сегодняшние снимки. Видно, что они разбили участок моря на квадраты поиска и теперь планомерно их прочесывают. То есть хозяин Нижнего явно отправил сообщение своему родственнику, про которого он мне говорил. Кстати, посмотрите на снимки его, так сказать, центральной усадьбы. Не совсем Ливадийский дворец, конечно, хотя расположен практически на том же месте, но и не домишко в Нижнем или на Святой Елене. В общем, предлагаю задержаться тут еще на недельку, после чего и принимать решение о месте установки маяка.

— Чего ждать-то будем, ведь погода уже портится, — не понял старшина.

— Посмотрим, насколько активно нас будут искать. Потому как у нас тут двадцатые числа сентября, и пешую экспедицию если и отправлять, то только сейчас. Потом будет осень. Так что посидим, позапускаем разведчиков и послушаем приемник, вдруг нам по радио чего интересного скажут.

Впрочем, местный эфир отнюдь не отличался забитостью, за неделю удалось принять всего три передачи. Одна была с кораблика-разведчика, где он сообщил, что указанный участок моря пуст и они возвращаются. Вторая была из того самого местного Ливадийского дворца и носила явно хозяйственный характер — в ней долго перечислялись тонны всякой рыбы, кубометры сосны и бука и десятки тонн известкового камня. Разумеется, на всякий случай она была записана, и Патрик собирался на досуге проанализировать, не шифровка ли это, но в такое как-то не очень верилось. Шифры появляются при войнах государств, а вот этого-то на Мэлтере и не было. Но зато третья передача, хоть и сопровождалась помехами из-за дальности передатчика, оказалась куда интересней. В ней сообщалось, что в переговорах с новыми людьми наконец-то наметился прогресс, в силу чего к весне нужно подготовить четыреста доз свиной сыворотки. Сама передача шла откуда-то с северного Кавказа, а подтверждение приема выдал здешний Ливадийский дворец.

Разведка же прилегающих земель подтвердила их полную безлюдность. Никаких признаков отправления поисковых экспедиций тоже не обнаружилось, так что

путешественники занялись установкой маяка. Началась она с того, что Патрик вручил старшине лопату и сказал:

— Насколько я помню, твоя армейская служба имела один зияющий пробел. Ну вот не могу припомнить ни одного случая, когда видел тебя с этим инструментом за рытьем чего-нибудь общественно-полезного! А некоторые ее из рук все два года не выпускали. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда, так что копай вот отсюда и до упора, а потом вон оттуда и аналогично. Нужно две ниши на склонах, примерно семьдесят на семьдесят сантиметров при глубине метр.

— У нас что, всего одна лопата? — буркнул старшина.

— Разумеется, мы же не собирались никого хоронить. В общем, ты рой землю, а мы с Пашей смонтируем и настроим маяки. До вечера управисься?

Глубокой ночью, чтобы невзначай не привлечь к месту установки маяков чьего-либо ненужного внимания, дирижабль поднялся в воздух и лег на обратный курс. Теперь, как утверждал Патрик, из Столичного на Мэлтер можно будет телепортироваться не только на площадку рядом с храмом в Спасске, но и в этот овраг.

Когда дирижабль оказался над морем, Патрик включил рацию и через некоторое время связался со Спасском — пока экспедиция сидела в овраге, никакой связи не было. Сообщил, что они легли на курс к Святой Елене, а далее на землю русичей, после чего со словами «там твоя Ольга» передал гарнитуру старшине.

— Агры не подслушают? — на всякий случай уточнил Вячеслав.

— Скорее всего даже и не засекут, они используют более длинные волны. Но все равно у нас связь через скремблеры, так что не беспокойся.

Немного поговорив с женой, Малой завалился спать.

Проснувшись, он без особого интереса глянул вниз, где была уже виденная им пустыня, перечеркнутая большой рекой с зеленью по берегам, и взялся за электронную книгу. Как оказалось, у повести о Ходже Насреддине имелось продолжение.

Спустя двое суток дирижабль вновь оказался у острова Святой Елены, где экспедиция устроила себе суточный отдых, потом еще трехсуточной перелет, и на горизонте показалась земля русичей, вскоре дирижабль садился в Спасске.

— Ну так что, когда в следующий раз туда пойдем? — поинтересовался старшина при подведении итогов экспедиции, которое состоялось на следующий после прилета день в недавно возведенном спасском доме Патрикеева.

— Зимой. Тут еще надо уточнить, в каком составе. Твои, Паш, негры — они, конечно, очень даже ничего, но хоть один из них снег хоть раз в жизни видел?

— Увы, — пожал плечами сын, — у нас под Новым Орлеаном с этим туго, разве только в моей резиденции есть холодильник. Вообще-то я как раз этой зимой собирался поднатаскать их в Столичном, а то мало ли как оно дальше сложится. Но сейчас толку от них будет мало, здесь ты прав, придется твоих мужиков привлекать.

— Так ведь еще и мои есть! — напомнил старшина. — Пока мы летали, они уже неплохо освоили «калаши», а уж воевать зимой в горах русичи умеют получше всяких прочих. Я смогу выделить пару взводов отличных бойцов. Ну, а если война пойдет всерьез, то три роты, только это будут уже солдаты-срочники. Но у меня и они очень даже ничего, ничуть не хуже, чем были в нашем разведвзводе на Земле.

— Ясно, — подытожил Патрик. — Значит, я на днях по-быстрому уточню обстановку в двадцать первом веке, и, если там не появилось ничего нового, в начале февраля мы посетим крымские курорты агров. А тебе, Паш, тоже придется смотаться в наше время, но только в свой Орлеан, список необходимого вооружения я тебе дам где-то через пару недель.

Глава 9 ХОЧЕТСЯ В КРЫМ

— Нет, пап, это какая-то совершенная профанация. То есть не то что не кино, об этом и разговора быть не может, но даже и не распилил выделенных на его съемки денег. Сам посуди — сначала этот несчастный пустырь обработали «Градом». Потом по нему полдня бегала рота, беспорядочно паля холостыми, причем солдат даже ни во что не переодели. Под вечер прилетели «кукурузник» с «цессной», сбросили десяток взрыв-пакетов и умотали. А в самом конце там сожгли пару бочек бензина, и на этом съемки кончились. Причем велись они с расстояния в полтора километра и всего двумя операторами! А Эдик всю ночь пьянствовал с какими-то якобы артистками сильно шлюховатого вида, но не на месте съемок, а у себя на даче.

Этот разговор происходил в конце ноября тысяча восемьсот сорокового года, в малом кабинете барского особняка имени Столичное. Говорил сын барина, Павел Патрикеев, а сам барин задумчиво глядел на экран монитора. Оба они недавно вернулись из двадцать первого века, но занимались там разными вопросами и вот сейчас делились новостями. В частности, сын рассказывал о последних слухах — что отец владельца биотехнологического холдинга Эдуарда Бренчанинова на старости лет совсем спятил и возомнил себя великим режиссером не хуже Михалкова. И начал снимать свой фильм про войну. Ну, а любящий сын это дело малость профинансировал, мол, чем бы дитя ни тешилось.

— Очень интересно, — кивнул старший Патрикеев, — особенно в свете того, что за день до этих съемок был один телепорт с Мэлтера на Землю, а в ночь после их окончания — второй. Причем в первом была переброшено заметно большая масса! Точно сказать нельзя, но если принять вес паразитно захваченного грунта пренебрежимо малым, то к нам явилось семь-восемь агров, а назад вернулось только трое. Далее, возвращаясь к Бренчанинову, — он кто угодно, но только не халтурщик. И если бы ему действительно потребовалось убедить нашу публику, что он снимает фильм, так все было бы безукоризненно. И сценарий, и актеры, и сами съемки. Здесь же получается, что наших ему ни в чем убеждать не надо. Остаются агры, то есть я думаю, что это был спектакль для них. Ведь именно после того, как в конце семидесятых в его лапы попали первые, он и пошел в гору! И то, что ему понадобились новые, наводит на размышления. Либо они нужны ему как носители информации. Либо как организмы, что представляется мне более вероятным. Вот он и устроил имитацию войнушки, убив этим сразу двух зайцев. Во-первых, замотивировал исчезновение тех четверых агров — действительно, после «Града» больших кусков не остается. А во-вторых, дал им понять, что в Подмоскovie опасно, и новые телепорты надо устраивать где-нибудь за Уралом, а то и вовсе в Туркмении.

— Там-то ты их отследить сможешь?

— Смогу, но с меньшей точностью. Поскорей бы Конь ту гору в Крыму до пирамиды обтесал, с таким комплексом я вообще смогу намертво перекрыть все попытки наших друзей с Мэлтера телепортироваться на Землю.

— Думаешь, что Бренчанинов все-таки получает свою вакцину долголетия из агров? Но ведь в той радиограмме говорилось о свиной сыворотке.

— Одно другому не мешает. Из свиньи вообще много вакцин делают, очень это близкое к человеку животное, гораздо ближе обезьяны. А у Бренчанинова три методики продления жизни, так что самая массовая скорее всего действительно основана на свиной вакцине. Причем, судя по той радиограмме, делают ее именно в Крыму.

— Ох, — потянулся Павел, — как там в песне поется? Броня крепка, и танки наши быстры! Настала, кажется, пора покататься на твоём металлоломе. Кто вторую-то коробку поведет, не ты же, вроде как главнокомандующему не по чину за рычагами сидеть.

Патрик вспомнил девяносто второй год, когда ему удалось недорого приобрести семьдесят две тонны металлолома. По счастливой случайности, обошедшейся ему всего в полтора килограмма скандия, этот металлолом имел вид двух танков «Т-55» только что с консервации. Причем главные мучения начались уже потом, в девятнадцатом веке, когда он по одному перегонял их из рощицы, которая в том времени произрастала на месте тупика

станции Андреаполь, до усадьбы Столичное. Первый вообще едва не утонул в болоте, но обошлось. Зато приобрел хоть какую-то квалификацию.

— Разумеется, не я, — согласился Патрик, — но и не ты. Неужели, по-твоему, я такой разгильдяй, как некоторые хлопковые рабовладельцы, и за шестнадцать лет не смог подготовить для них экипажей? А за тобой наши военно-воздушные силы. Вот и подумай, чего такого редкоземельного или еще какого тебе нужно и в каких количествах для приобретения боевого вертолета?

— Всего одного? Так он у меня уже есть, я еще полтора года назад прикупил неплохой «Ирокез». И чего, спрашивается, ты удивляешься, у нас же до гражданской войны осталось всего двадцать лет, пора потихоньку готовиться. Однако, раз уж такое дело, подкинь мне европия, что-то на него последнее время спрос повысился, я еще одной вертушкой разживусь. Но как мы их сюда-то приволочем? Это тебе не танками местные леса портить, через океан им не перелететь.

— Во-первых, можно и через океан, но нам такие подвиги ни к чему. Из Орлеана в Спасск, из Спасска в Столичное, а отсюда на Мэлтер.

— Ну, тогда ладно. План кампании-то когда составлять будем? С детства мечтал рисовать карты с синими и красными стрелками, а поверх них крупными буквами — ди эрсте колонне марширт нах и так далее.

— Мда, — вздохнул Патрик, — дело в том, что нах нам не надо. Нам нужно получить одну информацию и подумать, а не довести ли до агров другую. О том, что если ими действительно заинтересуются серьезные люди из двадцать первого века и при этом они смогут открывать телепорты на Мэлтер, то тут такое начнется... Уцелеют только те, кто вовремя попрячется по африканским джунглям. И для достижения этих целей лично я вижу два пути. Первый — тихо и спокойно подъехать на танках при поддержке вертолетов к их Ливадийскому дворцу и вежливо пригласить тамошнее руководство отведать чего-нибудь в исполнении моего повара под бутылочку-другую «Столичной» — понятное дело, не из двадцать первого века. Второй путь — явиться туда же на том же самом, малость пострелять, разнести аграм все к чертям, потом поймать парочку уцелевших и беседовать с ними уже без «Столичной». Причем второй вариант вполне можно будет начать и в том случае, если с реализацией первого возникнут какие-нибудь трудности, а вот наоборот не получится. Так что планировать будем именно тихое и вежливое явление наших вооруженных сил тамошнему народу.

— Из того оврага? — усомнился сын.

— Пожалуй, что нет, — согласился Патрик, — что-то действительно мне не очень хочется дополнять Гоголя исследованием, всякий ли танк доползет до середины Днепра, пусть даже и в феврале. Вертолеты перекинем в овраг, потом на них в Крым, там разворачиваем новый маяк и пускаем танки.

— А обратно как?

— На монтаж комплекса у моих мужиков уходит шесть часов, это время мы им обеспечим, а демонтаж я предусматривать не собираюсь, просто после ухода взорвем все к фигам, чтобы не рисковать. Надо будет — еще один соорудить не проблема. А ты когда к себе двинешь и в каком составе?

— Да я, собственно, собирался завтра. Пятерых бойцов возьму с собой, а насчет остальных — мне твой Прохор обещал показать им, что такое русская зима и как в ней вести себя солдату.

— Они у тебя не возмутятся?

— Остаются добровольцы, да и потом я им сегодня речь скажу, авось еще чуток моральный дух поднимется.

И действительно, ближе к вечеру Павел построил перед особняком свое воинство и объявил:

— Солдаты! Лучшие из вас сейчас остаются в этом холодном краю, чтобы научиться

жить и воевать в условиях, которые вы до сих пор и представить себе не могли. Вам кажется, что сейчас тут холодно, особенно перед рассветом? Ошибаетесь, пока тут еще сравнительно тепло. Но вот когда плевков начнет замерзать на лету, а голые руки будут мгновенно прилипать к автомату, да так, что отодрать их можно будет только с куском шкуры, вы поймете, что такое настоящая зима. Вы, конечно, можете спросить — а зачем это все? В наших благодатных краях такого не бывает никогда! Да, отвечу я вам, в наших — не бывает. Но почему вы решили, что враг, который нападет на нашу усадьбу, придет обязательно из ближних мест? Вашими же стараниями там уже не осталось идиотов, которые замышляют что-то против нашей счастливой жизни. Но такие люди есть далеко на севере. Пока они сидят тихо и копят силы, потому что понимают — голыми руками нас не взять. Но когда-нибудь накопят и придут в благословенную землю Нового Орлеана, чтобы отобрать плантации у их владельцев, а невольников якобы освободить. Не буду вам говорить, как обстоят дела у нас, но вспомните наших соседей. Сколько месяцев в году негры работают на хлопковых полях? А кормят их круглый год! Стариков, которые уже не могут работать, тоже кормят и предоставляют им крышу над головой. Северяне же объявят бывших невольников свободными и будут платить им за работу, но столько, чтобы впритык хватило не умереть с голоду. Кончится работа — кончатся деньги, и делайте что хотите. Состарились — идите отсюда и подышайте! Вот от этих «освободителей» вам или вашим ученикам и придется защищать наши земли. А я вас учил, что лучшая оборона — это встречный удар в самое сердце противника. Но враг, как уже говорилось, придет с севера, и вы должны заранее научиться воевать в его логове.

Утром большой дирижабль, две недели назад переброшенный из Спасска в Столичное, неторопливо взлетел и взял курс на запад. А Патрик вздохнул и направился к ангару, где обычно стоял «воздушный мешок». Но сейчас он был в Крыму, в Карасубазаре, и Конь только что прислал радиogramму, что первичная обдирка горы под пирамиду почти закончена и жилой комплекс при ней тоже. Пора было слетать к другу и посмотреть, чего он там настроил, и Патрик, кляня свою лень, из-за которой он так и не собрался обзавестись вторым дирижаблем, велел выкатывать из сарая «Як-12». Хорошо хоть дополнительные баки ему поставил, не придется сейчас возиться, продолжал заниматься самокритикой барин. Ибо дирижабль был снабжен автопилотом и в общем-то мог пролететь весь путь и сам, а на этом самолетике придется десять часов подряд пилотировать, не отрываясь от ручки.

За один световой день Патрик до Крыма не долетел, а в темноте продолжать полет не рискнул, так что пришлось садиться в Новоалександровской слободе, которой вскорости предстояло стать городом Мелитополем. Чуть в стороне как раз стоял довольно приличный особняк, прямо перед которым Патрикеев и приземлился.

— Попробуем напроситься на ночлег, — пояснил он сидящему рядом охраннику, — бумаги у меня мощные, с личной подписью императора, так что вряд ли к нам отнесутся недружелюбно.

Однако, выходя из самолета, барин все же достал из бардачка и сунул в карман «беретту». Впрочем, как и ожидалось, столь энергичные средства убеждения не понадобились — узрев сопроводительное письмо с личной подписью Николая I, местный предводитель дворянства, коему и принадлежал особняк, впал в такой экстаз, что даже не смог всерьез удивиться несколько необычному способу прибытия столичных гостей. Единственное, на что его хватило — это спросить, в Англии или во Франции была куплена эта летающая повозка.

— Сделано в России, — пояснил Патрикеев, — правда, пока только в одном экземпляре. Для курьеров, везущих особо срочные и важные распоряжения Его Величества. Но это еще ничего, скоро у нас вообще паровозы начнут делать! Слышали про такое? В общем, тот же пароход, только едет по суше, по специальной железной дороге. На таком от вашего города до Москвы можно будет добраться менее чем за сутки. Как, вы еще не знаете?

Ну, тогда позвольте вам сообщить, что принято высочайшее решение о преобразовании Новоалександровской слободы в город Мелитополь. Думаю, что уже в будущем году придут официальные бумаги. А пока нам хотелось бы немного отдохнуть, полет был утомителен, а с рассветом мы продолжим свой путь. Да, никаких визитов — как и написано в бумагах, мы выполняем срочное и особо секретное императорское поручение. Господин Затульский, я на вас надеюсь, а по возвращении в Петербург обязательно доложу о нашем знакомстве лично Его Величеству.

В начале двенадцатого следующего дня самолет подлетел к Карасубазару. Да, гора уже здорово напоминала египетское чудо света, рядом был лагерь строителей, а метрах в двухстах располагались какие-то постройки. Сев на сравнительно ровную площадку между самым приличным домом и пирамидой, Патрик вылез из кабины, поздоровался с встретившим его Конем и с интересом огляделся. Так, с местной резиденцией понятно, построена хоть и наспех, но с виду вроде ничего. А это еще что за типы, удивленно подумал Патрикеев, глядя на двух персонажей совершенно татарской внешности, но почему-то с лавровыми венками на головах и в римских тогах. Выйдя из дома, они поволокли в сторону хозяйственных построек какую-то двуручную бадью.

— Так ты же сам говорил, — пояснил Конев, — чтобы я изображал из себя малость подвинутого на всяких египетских древностях чудака, мол, оттого и сделал из горы пирамиду Хеопса. Вот я и принял кое-какие меры...

Патрик огляделся повнимательней. Да, меры были приняты с некоторым даже размахом. Перед пирамидой торчали два позолоченных сфинкса, скорее всего гипсовых. Причем сразу стало понятно, кто послужил скульптору источником вдохновения — коты из Столичного! Правый сфинкс явно был изваян с Васьки и получился просто замечательно — толстая, хронически обожравшаяся скотина разлеглась у пирамиды, как живая. В левом можно было угадать Мурзика, но с некоторым трудом, скульптору не удалось как следует передать свойственного тому хищного порыва. Между сфинксами располагался большой квадратный бассейн, причем не только с водой, но и с плакатом «Осторожно, аллигаторы!» перед ним.

— Откуда ты их взял? — удивился Патрик.

— Да там пока одни тритоны. Были бы настоящие крокодилы, их и без плаката разглядели бы. Пирамиду прямо сейчас смотреть пойдешь?

— Ага, только аппаратуру из самолета захватим, и пошли.

Около часа Патрик бродил вокруг обтесанной горы, периодически включая лазерный угломер, а затем полез в узкий тоннель, пробитый примерно к центру сооружения.

— Неплохо, — поделился он с Коневым, выбравшись оттуда минут через сорок, — даже сейчас добротность около двадцати двух, мне этого хватило для активации талисмана. Ветер вроде северный и вполне приличный, так что запах будет сносить.

Тем временем из тоннеля, потихоньку усиливаясь, повалил белый дым. Конев принялся. Воняло действительно сильно, хлором и еще какой-то гадостью.

— Что это? — поинтересовался он.

— Ну, любой камень помаленьку испаряется даже при комнатной температуре, а мой талисман — просто активатор данного процесса. Дня за три он сделает нишу нужной формы в центре, потом настелешь пол, укрепишь тоннель, и вот еще координаты мест, где углы малость завалены, надо подправить. Дирижабль я у тебя ненадолго забираю, надо слетать в Столичное за аппаратурой. Поставим тут для начала трехкаскадный комплекс, и можно будет прямо отсюда прыгать в двадцать первый век. Причем, что тоже ценно, сразу в заграницу. Хотя, конечно, лучше бы эта самая заграница называлась Китаем, а не Украиной, но, как говорится, чем богаты. Оттуда перекинем деталей и материалов для создания уже четырехкаскадного вариатора, ну, а с ним наши возможности существенно расширятся.

В Столичном, пока дирижабль загружался кусками пластика и аппаратурой, Патрикеев написал короткое письмо. Потом нашел на полке книгу, на вид изданную где-то в середине двадцатого века, вместе с письмом упаковал ее в пакет и, вызвав Прохора, приказал:

— Срочно доставить в Казань, ректору Казанского университета господину Лобачевскому.

Дело было в том, что большая часть математики, описывающей работу вариовероятностного комплекса, основывалась на неевклидовой геометрии. И Патрикеев решил, что пора попытаться привлечь человека, который эту самую геометрию и придумал.

Глава 10 ИСКУССТВО ДИПЛОМАТИИ

Чем дальше Валер Тайшет читал присланное ему из Мэллорновки письмо, тем сумрачнее становилось на душе. Если бы он с самого начала знал, что прояснилось только сейчас, то десять раз подумал бы, прежде чем лезть в эту авантюру! И ведь давно подозревал, что Фанил — дурак, но почему-то не придавал своим подозрениям должного внимания. Хотя мог бы сообразить и раньше, больно уж неправдоподобный рассказ об итогах неудачной экспедиции тридцатилетней давности был ему тогда представлен. Но вот теперь наконец его человеку удалось раскопать, как оно было на самом деле. Ужас! А этот недоумок снова отправляет туда людей и опять теряет больше половины. Причем выясняется, что в том мире сейчас идет война с применением даже более страшного оружия, чем то, с которым пришлось столкнуться тридцать лет назад. Торговать он с ними задумал... А что будет, когда они узнают о побочных эффектах сыворотки? Тоже мне, аргумент, мол, у них нет аппаратуры для телепортов. Нет, так будет, тем более что ты же сам, дубина, третий раз подряд активируешь этот самый телепорт прямо у них под носом! И что теперь делать, совершенно неясно.

Валер представил себя на месте людов, в конце концов разобравшихся, к чему приводит применение свиной сыворотки, и поежился. Лично он, имея такую возможность, просто сжег бы к лешему место, где ее производят. То есть полуостров Рым. Правда, результаты становятся достаточно заметны только к четвертому поколению, то есть в запасе есть лет сто. А вдруг у людов найдутся какие-нибудь методики ускоренной проверки?

На этом месте мысли Валера были прерваны вбежавшим в кабинет управляющим. Уже сам факт такого внезапного появления говорил о чем-то экстраординарном, а внешний вид управляющего только подтверждал самые худшие подозрения.

— Там... там... — только и смог проговорить визитер, бестолково тыча рукой куда-то в сторону балконной двери. Впрочем, и без него уже было отлично слышно доносящийся с улицы и быстро усиливающийся низкий рокот на фоне странного свистящего гула.

Валер вышел на балкон и оцепенел. Именно так уцелевшие участники экспедиции, почти полностью погибшей тридцать лет назад, описывали летающие боевые машины людов! Значит, обитателям того мира не потребовалось ста лет, полуостров будет сожжен прямо сейчас. Интересно, с этим справятся две прилетевшие машины или их целью является только дворец с поместьем, а фермы и лаборатории будут жечь другие?

Что за ерунда в голову приходит в последние минуты, мысленно поморщился Валер и только тут обратил внимание, что по земле едут еще две машины. То, что они боевые, не вызвало ни малейших сомнений. Одна только невероятно длинная пушка в низкой полукруглой башне чего стоит. Но что такое...

Тайшет почувствовал, что от вдруг вспыхнувшей надежды у него бешено заколотилось сердце. Ползущая первой бронированная черепаха имела на башне шест с белым флагом! Неужели в том мире, как и у нас, это означает, что нам предлагают переговоры? Ведь похоже на то, наземные машины остановились, а летающие чуть подались назад и снизились почти до земли.

Валер быстро глянул в зеркало — вид вполне приличный, переодеваться нет нужды, и

решительно направился к двери.

— Господин, а охрана? — пискнул управляющий.

— Скажи им, чтобы попрятались и носа на улицу не казали! — рявкнул Валер с лестницы. Уже выходя на улицу, он подумал — не помешало бы построже приказать ни в коем случае не открывать огня первыми, даже если поведение пришельцев и покажется кому-то агрессивным. Но поздно, его уже заметили, и теперь оставалось надеяться на здравомыслие охраны дворца.

Когда Валер подошел к первой наземной машине, летальные аппараты уже сели, и из них вылезло по четыре бойца в бело-серой пятнистой форме, в шлемах и с какого-то очень необычного вида короткими карабинами с чем-то вроде ракетниц под стволами в руках. А затем откуда-то из-за второй черепахи появился явный начальник. Он был одет похоже, но не имел оружия, по крайней мере на виду. Да и то, как вокруг него встали солдаты, ясно показывало, кто тут главный.

— Добрый день, — обратился он к Валеру, — нам хотелось бы побеседовать с Валером Тайшетом. Это вы? Очень приятно, а меня зовут Андрей Патрикеев. В принципе можно поговорить прямо тут, но если вы вдруг пригласите нас в дом, возражать мы не будем.

В этот момент из флигеля, где квартировала охрана, раздался выстрел. Солдата, стоящего перед начальником, бросило прямо на него, но Валер с удивлением увидел, что попавшая в грудь винтовочная пуля этого солдата явно не убила. И вроде даже не ранила. Начальник быстро спросил его о чем-то, а потом что-то сказал в маленькую рацию и закрыл уши руками, открыв при этом рот.

Пушка бронированного чудовища грохнула так, что Валер на мгновение оглох и чуть не упал, но его поддержал один из солдат. Когда же к Тайшету вернулась способность соображать, он увидел, что пыль на месте бывшего флигеля уже оседает, от него самого осталась только неаккуратная куча кирпича, и обвалилась часть стены дворца, примыкавшей к флигелю.

Сквозь звон в ушах Валер с трудом расслышал вопрос начальника людов:

— Надеюсь, душевно неуравновешенные личности были только в том сарайчике? Впрочем, нам нетрудно и еще пострелять, вы только покажите куда, если не хотите, чтобы мы тут порушили лишнего, домик у вас довольно красивый. И во избежание повреждений слухового нерва могу предложить вам наушники.

— Нет, — помотал головой начинающий приходить в себя владелец поместья, — все шесть охранников были во флигеле, а больше в доме нет вооруженных людей. У нас тут в общем-то довольно тихое место. И пройдемте, пожалуйста, в дом, ни к чему нам беседовать на улице.

Валер провел гостей на второй этаж и пригласил Патрикеева в кабинет. Вместе с ним туда зашли два солдата, остальные остались в коридоре. Гость с интересом осмотрелся и начал:

— Я, собственно, посетил вас с двумя целями. Вторая — это удовлетворение моего любопытства по нескольким пунктам, но к этому мы вернемся чуть погодя. А пока в порядке реализации первой цели позвольте рассказать вам, что в действительности произошло с вашей отправленной два месяца назад экспедицией на Землю.

Вот даже как, в некотором обалдении подумал Валер, все даже хуже, чем мне представлялось. Этот дуболом ухитрился просто отдать людям четверых своих помощников, один из которых, хоть и в самых общих чертах, знаком с принципами работы активатора переноса! Но, похоже, мой гость из какой-то конкурирующей с теми людьми страны или организации, и этим надо постараться воспользоваться.

— Да на здоровье, — кивнул Патрикеев с таким видом, будто только что прочитал мысли хозяина, — но, с вашего позволения, немножко попозже. Теперь моя очередь задавать вопросы. Итак, начнем со свиной сыворотки. В общих чертах я уже в курсе про эту гадость,

но мне нужны подробности. И не бойтесь, что я, узнав их, воспылаю желанием сравнить с землей ваш замечательный полуостров. Это возможно только в том случае, если вы, наоборот, захотите скрыть какие-нибудь неприглядные нюансы.

— Понятно, — кивнул гость, когда хозяин кончил свой рассказ. — В общем, я и предполагал нечто подобное. Кстати, вы говорили, что у вас сохранились лабораторные журналы, начиная с самых первых опытов? Дайте их мне дня на два-три. Не беспокойтесь, ничего с ними не будет, верну в полной сохранности, просто мы не захватили с собой копировальной техники. Как, вам еще не доложили, где зона телепорта? Значит, скоро доложат, это километрах в пяти отсюда, и мы совершенно не принимали никаких мер по маскировке. Вот туда я и переброшу ваши бумаги. Теперь еще один вопрос. Насколько я понял, прыжки на Землю осуществлялись из поселка, который вы называете Мэллорновкой. Посмотрите на моей карте, правильно ли я указал его расположение. И, кстати, он назван в честь того самого Мэллорна?

— Вообще-то это не один вопрос, а два, и на оба утвердительный ответ. Да, положение указано точно. Да, поселок назван в честь того самого Мэллорна, никаких других не было. И простите, но это не вы осенью посещали Нижний под видом экспедиции с какого-то острова, интересовались историей?

— Ага, это были мы, но почему «под видом»? Мы действительно явились в Нижний прямиком с острова Возрождения. И мне в самом деле любопытно узнать, что это был за доктор Матрох и в чем заключались его заветы. Не поможете в этом деле?

Вечером незваные гости покинули поместье. Снова завывали и зарокотали летающие машины, заурчали ползающие, и земляне двинулись вниз с холма, к точке переноса. Их командир, Патрикеев, увозил с собой не только лабораторные журналы, но и три толстых папки с бумагами Тарка Тайшета, прадеда Валера и основателя их рода. А сам Валер без особого сожаления глядел на развалины флигеля. Да, охранников, конечно, жалко, и теперь еще придется тратиться на помощь их семьям. Однако установление нормальных отношений с Патрикеевым, что, кажется, удалось сделать, стоит гораздо больше. И теперь, несмотря на дурацкие действия мэллорновцев, есть повод смотреть в будущее с некоторым оптимизмом.

Возвращение в Столичное прошло в три приема — сначала вертолеты по одному, потом оба танка. Маяк пока был оставлен с наказом местным — приближаться к нему ближе чем на полкилометра можно только когда на нем загорится зеленый фонарь, а иначе сработает система самоликвидации и рванет так, что мало никому не покажется. Патрик не только собирался вернуть хозяину его бумаги, но и вовсе не исключал возможность более тесных контактов в будущем. По поводу одного из их возможных направлений он и спросил своего сына за ужином:

— Кстати, у вас в Орлеане только ты один такой кобель или еще есть?

— Я так и не понял, сколько дам у них в этом Рыму срочно нуждается в мужском внимании, — отодвинул тарелку с уткой Павел.

— Порядка трехсот, и для гарантии каждую надо покрыть по три раза. Я вообще-то не обещал, что мы сразу выполним всю программу, но на будущее это можно иметь в виду.

— Нет, столько мне одному не осилить, — хмыкнул сын, — но это дело решаемое, найдутся желающие помочь сестрам по разуму. А ты, значит, теперь садишься читать? Вон сколько бумаг привез.

— Да, пора. Завтра все документы отсканирую, верну этому Валеру оригиналы и начну помаленьку знакомиться с научным, культурным и всякими прочими наследиями агров.

— Со свиной сывороткой, она же брэнчаниновская методика «гамма», все ясно, — делился Патрик с сыном через три дня. — Получается от свиньи, привитой вакциной долголетия. Повышает продолжительность жизни раза в полтора. Но при этом вероятность зачатия снижается раз в пять. И побочный эффект — дети привитых родителей особым умом не блещут. Внуки — просто дураки, правнуки — идиоты, а с шестого поколения и дальше получаются уже просто животные. Причем если привит был только один родитель, ген

слабоумия наследуется с вероятностью процентов в семьдесят. Кажется, теперь я понимаю, куда в будущем делось человечество и почему попавшиеся мне на глаза его остатки столь явно не тянули на мыслителей. И, похоже, прояснилось, что такое «бета». Сыворотку долголетия у ее носителя можно отбирать двумя путями — лабораторным и операционным. Лабораторный почти не наносит вреда донору, а при операции его смерть весьма вероятна. Так вот, прививка лабораторной сывороткой, которая у Бренчанинова выходит существенно худшей, чем операционная, и называется «бетой». Но, что интересно, у доктора Матроха, которого на самом деле звали Виталий Романович Матрохин, она получалась ничуть не хуже взятой при помощи операции. Правда, в имеющихся у меня бумагах описания этой методики нет, и неизвестно, сохранилась ли она где-нибудь вообще, но она существовала, это точно.

— А вообще откуда конкретно взялись эти агры, ты раскопал? То, что из близкого к нашему времени, было ясно и раньше. Но все-таки из какого они места и года?

— Разумеется, раскопал, но это достаточно долгая история. Хочешь слушать прямо сейчас? Тогда передай вон тот графинчик, он вроде с рябиновкой? Значит, дело было так...

Часть третья

Глава 1 ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...

ПЕРЕНОС. 0 ДНЕЙ, 0 ЧАСОВ

Представьте себе, что вам требуется две тысячи самых надежных, исполнительных и квалифицированных людей. Причем пара сотен из них должна обладать приличными руководящими навыками. И еще важно, чтобы мужчин в этом коллективе было чуть-чуть меньше, чем женщин. Необходимо, чтобы среди них оказались приличные специалисты во всех отраслях производства, а также послушные исполнители, хорошие охранники, смелые разведчики.

Ко всему этому следует прибавить технику, продовольствие, материалы и многое другое, необходимое для того, чтобы без серьезных потрясений обжиться на незнакомом месте, обосноваться там с необходимыми удобствами и начать с пустого места долгий путь сквозь годы. А на подготовку отпущено всего полтора месяца, и, если опоздать, это скорее всего будет последним опозданием в жизни.

И вот сегодня, второго июля 2112 года, все наконец-то готово — и вовремя, что особенно ценно. Под просторным навесом, имеющем форму пирамиды, высокими штабелями складировано все необходимое, в промежутках и по периметру стоят люди. Все они повернулись лицом к возвышению из ящиков, на которое забрался Артур Мэллорн — один из двадцати избранных, решивших переселиться туда, где угроза, нависшая над этим миром, до них не доберется. Сейчас здесь, в сооружении, способном увеличить плотность вероятности, он должен добиться совпадения желаний тысяч разных личностей и синхронности их искреннего выражения.

— Мы самые достойные и лучшие из всех, — без предисловия вбивает он простую мысль в головы собравшихся, сосредоточивших на нем все внимание. — Повторяйте за мной в один голос!

Люди, конечно, заранее проинструктированы и осознают важность момента. И они повторяют его слова в задаваемый руками оратора ритм, соблюдая даже интонации.

— Нас ждут леса зеленые, нас ждут поля привольные, нас ждут озера чистые, нас ждут ручьи хрустальные. Мы там, где ждали нас.

Слова, простые и понятные, произносятся раз за разом все слаженней и слаженней, а начиная с восьмого или девятого повтора режут слитно, почти разборчиво, несмотря на то

что исторгаются тысячами глоток.

А потом — удар по ушам от небольшого перепада давления, и порыв ветра откидывает брезентовую полость, которой занавешен вход. И те, кто находится неподалеку от него, видят, что этот огромный пирамидальный шатер теперь расположен вовсе не в военном городке, как раньше, а на просторной лесной поляне.

Прибыли. Отделения солдат с оружием на изготовку разбегаются во все стороны, переговариваясь через рации с обеспечивающим. Колонна людей бесконечной змеей вытягивается наружу, разбираясь по группам. Выносятся скатки шатров, выкатываются полевые кухни. Лагерь разбирается на удалении километр-полтора во все стороны от пирамиды, пол которой покрыт клетками, на которые разрисован бывший плац — самый просторный из всех, найденных в окрестных воинских частях.

Две разведгруппы уезжают на квадроциклах, две — на кроссовых мотоциклетах, а сборка мотодельтаплана завершается в полусотне метров.

Мэллорн и девятнадцать его товарищей — избранных — одеты в такой же удобный и практичный камуфляж, что и все. Они не идиоты, чтобы выделяться из толпы сплошь вооруженных и пока не слишком хорошо организованных людей. Просто знаки различия на их форме чуть-чуть весомей, чем у остальных прибывших. На начальном этапе они должны быть похожими на всех, выглядеть частью дружного коллектива, объединенного единой целью. Постепенно, по мере того, как утихнет сумбур первого периода, все помаленьку придет в нормальное состояние, когда одни руководят, другие работают, а третьи заботятся о том, чтобы и первые и вторые ощущали свою нужность.

5 ДНЕЙ, 7 ЧАСОВ

Василь — не новичок в лесу. Несколько часов ходьбы по взгоркам и буеракам среди густых перелесков в обход просторных полей, и у него уже нет никаких сомнений в том, что перенос доставил их в невообразимую глушь, в места, куда не ступала нога человека. Или этот, как про него говорят, параллельный мир действительно не населен разумными существами. Спиленные бобрами деревья, плотины и хатки — вот и все признаки целенаправленной трудовой деятельности, которые удалось повстречать. А лес здесь чистый, не заваленный гниющими валежинами. Видимо, много лет назад тут прошла гарь, оставившая только золу. Потом сквозь пепел пробилась трава, вырос березняк и осинник, а уже в их тени поднялись елки и сосны. Они сейчас молоды и энергичны, но уже начинают сплетаться своими плотными лапами, организуя первые пятна затенения.

А правее, на склоне, стена сосен, радующих глаз прямыми стволами и зрелым видом. У подножия мелкая речушка, способная нести плоскодонку, хотя почти повсюду преодолима вброд. Отличное место, где поселятся пахари. Бревна для срубов, вода для скотины. Стоп. Скотины-то они с собой не прихватили. А что будет, когда иссякнет запас топлива? На чем пахать землю?

Стало неуютно. Предчувствие финальной части затянувшегося пикника, когда кончилась тушенка и осталась последняя пачка макарон на полдюжины голодных мужиков, а по развезенной вчерашним дождем дороге джип не пройдет.

Так вот, пока еще имеются продукты и патроны, пока эта мысль не пришла в головы многих, все еще очарованных новизной положения и богатством первозданной природы, следует позаботиться о собственном будущем.

7 ДНЕЙ, 2 ЧАСА.

Семен Аркадьевич доволен. Геологические карты их старой покинутой Земли неплохо отражают реалии этого мира. Мэллорн оказался точен в своих прогнозах. Он —

единственный среди избранных, кто является специалистом. Ученым, как принято говорить. Долгую жизнь, дарованную ему сильными мира того, этот человек использовал для познания. Что же, это его выбор. Остальные долгоживущие совершенствовали искусство управлять людьми, добиваясь успеха в политике, искусстве или на административном поприще. Ведь главное, что определяет успех — это то, насколько действия окружающих соответствуют твоим желаниям.

Хорошая, легкодоступная нефть нашлась в предгорьях Кавказского хребта. Это рядом. Закир Нагоев сейчас организывает прокладку дороги и подвоз туда деталей припасенного заранее оборудования, а Максимилиан Захарович контролирует работы на будущей производственной площадке. Главное, правильно организовать основу цивилизованного существования — его материальную базу. Топливо, металлургия, металлообработка, химическое производство и транспорт. И, конечно, сельское хозяйство.

Группа зоологов уже изучает местные виды фауны, выявляя кандидатов на одомашнивание.

Они — высшие, избранные, долгоживущие — не держатся в стороне от общих забот. Их задача — вдохновлять и воодушевлять. Направлять и инструктировать, объясняя каждому огромную значимость порученного ему дела для будущего человечества, основу которого они сейчас закладывают неустанными трудами. А, когда все разойдутся по рабочим местам и займутся созиданием, в его просторный шатер придет вон та рыженькая. Она не устоит перед обаянием человека, знающего ее сокровенные желания, и получит много нежности, отдав взамен свою.

96 ЛЕТ 2 МЕСЯЦА 15 ДНЕЙ

Пашка сидел на теплом камне и поглядывал по сторонам. Солнечный весенний денек — праздник для охотника. Речка, что журчит у подножия склона, лохматые молодые сосны — все создает чувство умиротворения. А вон и Тамарка идет. Не напрасно он готовил мягкое ложе в просторном балагане. Будет у них сегодня праздник многогранного общения. А потом наступит время поговорить о важном.

— Тома, а ты не хотела бы перебраться из усадьбы куда-нибудь, где нет необходимости горбатиться на хозяина? Жить так, как тебе хочется, делать то, что сама пожелаешь? — Пашка подливает девушке ароматного чаю.

— Это где же ты нашел такое место? — она обмакивает сладкие от изюма пальцы в чашку с водой и вытирает о мягкую салфетку.

— Ты ведь знаешь, что мне много где приходится бывать. Дичь, она же не сидит на месте. Поэтому и строю я себе хижины в тех местах, через которые меня ведут охотничьи тропы. Кое-какая утварь там заводится, припасы, инвентарь. За каждой картошиной в поместье не набегаешься, так что сажаю овощи. Если бы не нужда в порохе, ну и всяких других мелочах, ни за что бы не стал таскать добычу на подворье. Пока ее доволочешь, замаешься. На лошади было бы сподручно, только пока за той коняшкой обернешься, хищники тушу дотла схрчат.

Пашка любит разговаривать с этой женщиной. Она хорошо слушает.

— А по радио позвать человека с лошадьё?

— Уже не получается. Старые рации, что еще оттуда, уже все изработались. А новые тяжелы. Замучаешься их с собой таскать. Да и охочусь я далеко, пока человек доберется, да пока меня разыщет, изведешься весь. А носильщиков за собой водить — тоже не дело.

Вообще-то, конечно, Тамара и так это знает. И думает она быстро. Ведь не отвергла сразу его предложение, над чем-то раздумывает. Хотя, казалось бы, чего тут размышлять? В имени — налаженный быт и нормально организованный труд. Без дела сидеть некогда — одной стирки сколько! А переборка припасов в погребах и кладовых! Приборка в хозяйском доме. А если еще и барин скушает! Ладно, когда ему, чтобы развеяться, просто женщина

нужна, а то ведь может театр затеять, или идиотский танец всех заставить разучивать. Ничего, конечно, страшного, но надоедает развлекать скучающего сибарита.

Особенно худо, если к нему гости пожалуют. Вот тут и начинается тарарам, от которого никому покою нет. Тогда могут не только домашнюю челядь на уши поставить, а созвать народ с виноградников да огородов.

— У тебя в том жилище, что на участке для зимней охоты, на сколько лошадок загон? — вдруг задала ему женщина неожиданный вопрос.

— На двух, — ответил он машинально. И тут же понял, что все его хитромудрые доводы девушка «прочитала» не ушами, а разумом.

— Съезди туда, расширь загородку так, чтобы хватило на десяток, и возвращайся за мной. Соберу кое-какие вещички, да и поедем.

Вот ведь, мысленно почесал затылок Пашка, недаром говорят, что женщины непостижимые создания.

До сих пор Пашка не имел возможности убедиться в том, что женщины — не менее разумные существа, чем представители сильной половины человечества. Причем — существенно более требовательные к условиям обитания. Он сходил с девушками поместья или расходил с ними, когда это приходило к нему в голову. Великих потрясений это не вызывало. Ну, родилось от него двое деток. Живут не хуже других. Одеты, накормлены, учатся — все как у всех. Но сейчас, обретя жену, изумился.

Она прихватила с собой восемь лошадей, навьюченных под полную загрузку. Чего там только не было. Конечно, он сразу привел этот караван в самую лучшую из своих охотничьих резиденций. Луговина на берегу горного озера, окруженного живописными склонами. Волшебной красоты место.

К просторному каменному дому сразу пришлось пристраивать комплекс подсобных помещений, чтобы организовать в них удобные рабочие места у ткацкого и вязального станков. Потом — прачечная, печь для выпечки хлеба, просторный погреб и сушильные навесы. Нет, Тамара не наезжала на него с категорическими требованиями, просто они обсуждали какой-нибудь вопрос, а потом он принимался за работу. И началось это сразу после того, как он отогнал в усадьбу лишних в постоянном обиходе вьючных лошадок. Занавески на окнах за стеклом, для которого пришлось ездить к Карпу Николаевичу с десятком лучших окороков. Половички, сотканые Тамарой из волокнистых растений, названий которых Пашка никогда не знал. Нет, не настала для него спокойная и размеренная жизнь. Вернее, не так. Спокойная, размеренная работа с утра до вечера оплачивалась сытной вкусной кормежкой и ночными утехами.

И эта жизнь его, в общем, вполне устраивала. Тем более, торопиться-то им особенно некуда. Тамаре всего сорок лет, и она еще долго будет оставаться юной. Заостренные кверху уши с маленькой мочкой однозначно указывают на то, что в числе ее предков был кто-то долгоживущий, как и у него, впрочем. Так что никому не известно, когда придет их срок. Поэтому и устраиваются они в расчете на длительное использование результатов своих трудов. Огороды, пашня, ореховые плантации и виноградник, сад и бесчисленные дары окрестных лесов, дичь и рыба, козье молоко и овечья шерсть. Для того чтобы страдать от голода в этих благословенных местах, надо быть слепоглухонемым лодырем.

97 ЛЕТ, 5 МЕСЯЦЕВ 4 ДНЯ

— Итак, господа, не все наши планы осуществились, — Казимир Карлович обвел взглядом собравшихся. Здесь все долгоживущие, прибывшие сюда с Земли, как они называют место своего исхода, в отличие от этого мира, который именуют Мэлтер — сокращение от Терра Мэллорна. Такой знак уважения человеку, чьи труды позволили им сбежать из обреченного на гибель места.

— Не все, — согласился Михаил Алексеевич. — Прирост населения, нормально происходивший в первые годы после прибытия, плавно сошел на очень скромные значения. Если за полстолетия численность работников удесятилась, то к настоящему моменту рождаемость, хотя и превышает смертность более чем в десять раз, удивительно низка. Что вы по этому поводу скажете, уважаемый Виталий Романович?

В этой группе всего два человека, жизнь которых с самого начала была связана с наукой — Артур Мэллорн и Виталий Матрохин. Остальные добились успеха в других областях. Удачливые политики, эффективные менеджеры, люди, востребованные средствами массовой информации. Банкиры, олигархи, популярные телеведущие — сливки общества. Не самые, может быть, яркие или харизматические личности, но люди влиятельные настолько, что, не привлекая к себе внимания, сумели, объединив усилия, организовать себе тихий и неприметный уход из обреченного мира сюда, в место, где природа еще долго будет неисчерпаемым кладом богатств.

Их — двадцать человек, получивших прививку бессмертия. Правда, на счет именно бессмертия уверенности пока нет — маловато времени прошло с момента «вакцинации» — чуть больше столетия у тех, кто получил ее последними, и двести сорок лет у самых старших, Мэллорна и Матрохина. Но ясно, что длительность жизни увеличена на неопределенно долгий срок. За истекший период их возраст внешне не возрос. Ни новых морщин, ни изменений организма — этого следа прожитых лет — объективными наблюдениями не обнаруживается. Да и субъективное восприятие реакции тела, объема памяти и остроты разума говорит о том, что биологические часы работают в другом ритме, давая организму время на восполнение сил, восстановление тканей и полноценную активную жизнь.

Но не будешь же жить один в пустыне! Роль умелых энергичных Робинзонов этих людей не вдохновила. Им нужен был, прежде всего, комфорт. Следовательно, необходимы слуги. Имеется в виду не лакеи или камердинеры, а те, кто создаст дома и моторы, сошьет одежду и сопроводит на охоту. Хотя, конечно, хороший повар и красивая экономка тоже лишними не будут. Да и охрана их долговременным телам насущно необходима. А в вопросе о том, как управлять массой людей, долгоживущие весьма сведущи. Собственно, на этом коньке они и выехали на высокие позиции еще там, в прошлом.

Секрет прост. Люди хорошо делают то, что нужно, только тогда, когда сами этого хотят. Вернее, уверены, что им это необходимо. Научись управлять желаниями других — и мир у твоих ног. Варианты с принуждением вызывают рефлекторный протест, на преодоление которого приходится тратить слишком много сил. Поэтому легче убедить людей, чем заставить. Так что увлечь нужных специалистов посулом создания счастливой обеспеченной жизни в богатом крае, где все будут здоровы и счастливы — это было просто дело техники.

Важно, что и лжи в данных обещаниях не содержалось. Все так и было. Геологические карты Земли, как и обещал Мэллорн, совпали с реальностью Мэлтера. Захваченное с собой оборудование в руках умелых специалистов позволило быстро наладить нужные производства, построить жилье и организовать двадцать обширных многопрофильных поместий, где нашлось место и квалифицированным медикам. Далее по плану ожидался прирост населения. Люди охотно размножаются в хороших условиях.

В свое время были оборудованы ясли, детские сады и школы, и женщины не подкачали. Население начало расти. Почти два поколения ничто не вызывало тревоги. И вот рождения детей стали редкими. Конечно, достигнутая численность, когда на каждого долгоживущего приходится несколько сотен человек населения — это уже неплохо. Но рано или поздно ситуация ухудшится. Вот почему сегодня и съехались помещики в это место. Место, куда прибыли около столетия тому назад.

Здесь на асфальте плаца военного городка поставлены просторные шатры взамен давно разобранных на стройматериалы пирамиды. Разумеется, покрытие площадки возобновлено с применением местных материалов. В нескольких домиках живут люди, обычно пасущие

скот на окрестных склонах. Они и поддерживают тут должный порядок, не давая времени разрушить то, что напоминает о событиях былого. А еще это место примерно равноудалено от многих поместий, что делает его удобным пунктом сбора для тех, кто является причиной и целью самого факта существования человечества. В этом мнения собравшихся едины, но данное рассуждение для чужих ушей не предназначено.

— Так что вы скажете по поводу снижения темпов роста численности людей, — повторил свой вопрос Михаил Алексеевич.

— Они уже не люди, — усмехнулся ученый. — Произошли изменения генотипа, заметные даже невооруженным глазом.

— Имеете в виду остроухость? — вступил в разговор Владимир Петрович.

— Это лишь симптом, носители которого не имеют заметных возрастных изменений после первых двадцати лет жизни, неохотно и не тяжело болеют и быстро восстанавливаются после ранений.

— То есть вы хотите сказать, что они стали теми самыми «эльфами», которых мы использовали как сырье для прививки бессмертия? — озаряет Константина Васильевича.

— Это хотят сказать факты, — пожал плечами Матрохин. — Я только произнес вслух то, о чем вы все, несомненно, давно догадались.

— То есть пребывание на Мэлтере превращает людей в «эльфов»?

— Боюсь, истина не столь поэтична. Настоящая причина — банальная сперма, в невероятных количествах рассеянная вами, уважаемые долгоживущие. Всего три поколения постельных утех — и в этом мире остались только ваши дети, внуки, правнуки и праправнуки. Потомки, одним словом. И потомки потомков, естественно. Как следствие, смерти стали редкими. Женщины с неизменным генотипом вышли из репродуктивного возраста, так что начать восстанавливать популяцию короткоживущих мы не сможем.

— Таким образом, — снова вступил в разговор Владимир Петрович, — численность населения Мэлтера сохранится примерно неизменной на протяжении столетий, я правильно понимаю?

— Скорее всего, хотя пока все еще наблюдается прирост. «Эльфийки» редко зачинают от «эльфов», значительно лучше — от людей. И человеческие женщины беременеют от «эльфов» практически со стопроцентной вероятностью. Но в обоих случаях рождаются «эльфы», и мы попадаем в тот же самый круг. Хотя эти данные уже не актуальны. Правда, оставшиеся в живых мужчины еще смогут кое-что сделать для эльфиек, желающих стать матерями. Но, боюсь, спрос значительно превысит предложение. Производители уже немолоды.

Виталий Романович Матрохин возвращался в свое поместье. Маленькое такое поселение в волшебной долине. Он всегда оставался слегка чужим в том обществе, к которому вынужден был принадлежать. Так уж получилось, что смолоду занимался «не тем». Картина мироустройства волновала его сильнее, чем благополучие, и познать связи всего сущего во вселенной он успел немного глубже, чем люди, занятые проблемами своей успешности. Нет, бесребреником он так и не стал. В заботливых руках супруги он никогда не рыпался и всегда делал именно те шаги, которые оставляли перспективы и создавали возможности.

Собственно, благодаря репутации врача, компетентного в широкой сфере вопросов и не склонного к опрометчивости, он и был привлечен к исследованиям, с которых все и началось. Примерно за сто сорок лет до переноса людей сюда несколько плененных инопланетян и бездыханных тел особей того же вида оказались в хорошо спрятанной от чужого ока лаборатории, к работе в которой его привлекли.

Почему-то дело считалось ужасно секретным и пленными активно работали физики, математики и, конечно, военные. А вот круг медицинских работников резко ограничили, так что вскрытия погибших Матрохин проводил один. Не буквально один, были и ассистенты, и

фотографы, и все тщательно снимали хроникеры. Но квалифицированных врачей не присутствовало. Кстати, отличий строения тела инопланетян от обычного человеческого обнаружить ему не удалось. Только форма ушей у парней специфическая. Острый верх и маленькая мочка. Их за это прозвали «эльфами».

Лабораторные анализы также указали на полное сходство по всем позициям. Факт отсутствия у этих людей признаков перенесенных или имеющихся в наличии заболеваний выпячивать не стал, хотя пунктуально отметил это в каждом протоколе. Просто написал в соответствующей графе, что обнаружить не удалось.

Медицинский аспект в этом «проекте», следует признать, вообще не полагался важным. Пленники говорили на понятном, хотя и своеобразном русском. И от них добивались информации о том, откуда они взялись и каким образом были переброшены к месту событий. Собственно, это и все, что удалось Виталию Романовичу «сложить» из обрывков фраз и случайно брошенных слов. Любопытства он не проявлял — очень уж строго за всем следили серьезные такие парни.

Так уж вышло, что на несколько повышенную скорость, с которой поправлялся раненый, он обратил внимание случайно.

Дело в том, что супруга в этот период попала в аварию и жизнь ее поддерживалась только непрерывно функционирующей аппаратурой. Шансов на поправку — никаких. А дальше пришло озарение, и ему пришлось действовать стремительно и рискованно. Поэтому он взял наудачу вытяжку из органа, который частенько считают рудиментом. Но во всех вскрытых телах погибших эльфов он выглядел не то чтобы увеличенным, а бодреньким таким. Так что под видом взятия анализа, пользуясь беспомощностью раненого «инопланетянина», он беспрепятственно это проделал. И ввел это умирающей дорогой своей Фире. Повредить ей уже не могло ничто, а тайная надежда на чудо всегда теплится в сердце того, от кого готовится уйти дорогой человек. В общем, он сделал откровенную глупость. Однако жена вдруг начала поправляться, а состояние здоровья раненого, наоборот, стало быстро ухудшаться. Он, правда, выжил, но так и не выздоровел до конца. А Виталий никому ничего не рассказал. Собственно, при обеих процедурах кроме него присутствовали только люди, находящиеся в бессознательном состоянии.

Возникло даже суеверное впечатление, что он забрал частичку жизни у одного человека и влил ее в другого. Но пытливый ум обрел ясность мышления, как только супруге стало лучше. А через полгода ее организм полностью восстановился. И выглядела она хотя и на свои сорок лет, но прекрасно.

Потом наверху, видимо, устав ждать результатов, сменили руководство проектом. Матрохин попал под начало некоего Бренчанинова, который оказался куда умнее и въедливее предыдущих начальников, так что скоро пришлось рассказать ему все. Два последних «эльфа» незаметно для себя послужили донорами для еще двух доз сыворотки, после чего один скончался сразу, а другой прожил еще шесть лет.

Научная группа все это время пыталась подвести теоретическую базу под возможность телепортации, продемонстрированной пришельцами, а техническая — построить прибор, хотя бы индицирующий локальные изменения свойств пространства, при которых это будет возможно. И если у первых еще что-то вроде получилось, то у вторых — ничего, кроме отчетов. Ну, а потом наступила перестройка, за которой последовал развал Союза.

Глава 2

ЧТО ДВИЖЕТ ПРОГРЕСС

97 ЛЕТ, 5 МЕСЯЦЕВ 22 ДНЯ

Долгоживущие нередко навешают друг друга. Временем для поездок они располагают,

а верховая прогулка, даже если она длится несколько дней, скорее бодрит, чем утомляет. Была бы хорошая погода. Почти за столетие освоения этого мира во многих местах вне усадеб появились отдельно стоящие дома, где живут люди. Там всегда рады проезжему. Поэтому ночевать под открытым небом никакой надобности нет.

Этот мир не слишком плотно населен, поэтому многие патриархальные обычаи возникли здесь так естественно, как будто освящены многовековой традицией. Но это скорее дань реалиям, чем признак высокой духовности. Встречи с людьми за пределами поместий редки, вещание отсутствует, а о такой роскоши, как информационная сеть, помнят только те, кто родился еще в том, оставленном ими мире.

Виталий Романович Матрохин принимал у себя Артура Мэллорна. Осень здесь в горах тиха и солнечна. Склоны, покрытые пожухлой травой, голые ветви деревьев и кустов, длинные тени, отбрасываемые скалами — создавали немного тревожную атмосферу, которую не способно развеять даже молодое вино из винограда последнего урожая. Просторная веранда застеклена и на ней тепло. Но это тепло — физическое явление. Оно не имеет никакого отношения к царящей здесь атмосфере.

— А где Фира, которая обычно нам прислуживала, — нарушил молчание гость, ставя опустевший бокал так, чтобы в него было удобно долить. Гибкая эльфийка, с виду лет двадцати, а на самом деле, кто его знает сколько, грациозно долила в емкость ровно на две трети. Так считалось правильным.

— Она сегодня в отъезде, — Виталий умышленно небрежно лаконичен. Гость невольно зацепил самый краешек тайны, раскрывать которую нежелательно, по крайней мере, еще лет четырехста.

— Мне показалось, что эта женщина радует тебя своим вниманием с самого момента нашего появления здесь, — не прекращает нажимать на него гость. — А других женщин в этом доме я никогда раньше не замечал.

Вот! Это уже не зацепка за краешек, а намек на то, что гость знает абсолютно все. Долгоживущие — люди не глупые. Раньше, когда проблема с продолжением рода человеческого не была сформулирована в явном виде, примечаемые обстоятельства анализировались безо всякой связи с данным аспектом. И вот теперь умница Мэллорн, кажется, сделал верный вывод.

Да, население городков и деревушек, окружающих дом Матрохина, далеко превышает обычную тысячу с чем-то человек, как это сложилось повсеместно. В бесчисленных горных долинах работают десятки тысяч скромных тружеников, пользуясь почти всеми плодами своих трудов. Они живут обычный человеческий век, рожают детей и, сказать по правде, вряд ли хоть кто-то знает в точности, сколько их на самом деле.

А секрет действительно в Фире. Она не только тщательнейшим образом оберегала нравственность мужа, но и контролировала связи сыновей, появившихся на свет уже здесь. В результате — воспитала парней в сходном ключе. Нет, никто не поклянется, что их дети всегда хранили верность единственной женщине, однако дам сердца они всегда выбирали разборчиво, и меняли их нечасто. Иными словами, остроухие в этом районе известны наперечет. И некоторые правила поведения своим потомкам Виталий Романович объяснил очень доходчиво. А тех, кто плохо соображает — примитивно стерилизует.

И вот теперь этот разумник прощупывает почву. Для чего? Интересный вопрос. Если речь идет только о проблемах интенсификации размножения на его территории, то можно обойтись малой жертвой. Например, командировать в его распоряжение несколько десятков молодых ребят, готовых оплодотворить все, что движется. Так сказать, ссудить во временное пользование. Как уж физик уговорит эльфиек оказать знаки благорасположения именно этим приезжим — не его забота. Да и результат их деятельности даже в случае полного успеха не приведет к принципиальному изменению положения дел. Родятся-то эльфы.

Да, в вотчине Мэллорна их станет больше, но это не повлияет на реальное соотношение сил в Мэлтере. Здесь, под рукой Матрохина, сейчас людей немножко больше, чем во всех остальных населенных землях. И эти люди правильно мотивированы. Женщины, вышедшие

из репродуктивного возраста, если период, отпущенный им природой для рождения и воспитания детей, провели не в праздности, получают «прививку бессмертия», как и их мужья, которых при этом еще и стерилизуют, что совершенно не отражается на качестве жизни. В результате население стремительно прирастает, смертность ничтожная, а «неудачные» экземпляры, если не лениться и разбираться с ними вовремя, уходят из жизни в свой черед, не оставляя потомства.

Очень не хочется менять это положение. Нужно выведать, до чего додумался этот разумник, что он знает наверняка, а что только предполагает.

97 ЛЕТ, 5 МЕСЯЦЕВ 23 ДНЯ

Артур возвращался домой. Лошадь неторопливо переставляла копыта, пробираясь тесной горной тропой. И это хорошо, что неторопливо. Тут, на планете, названной в его честь, не место для поспешности. Несуетный мир. Размеренный и постепенный. Впереди и сзади по два охранника тоже едут медленно, внимательно осматривая склоны. В этих местах живут крупные кошки. Леопарды, барсы. Даже тигры встречаются. Зелень сейчас, осенью, не особенно плотная, да и трава значительно меньше маскирует тех, кто в ней прячется, чем в разгар лета. Но телохранители ни на мгновение не теряют бдительности.

Дорога — отличное время поразмыслить. Их сообщество, каста долгоживущих, не напрасно встревожилась из-за снижения рождаемости, и еще — тем, что остальное население сравнилось с ними в длительности жизни. Люди умнеют с годами. Не все, может быть даже немногие. Важно, что обязательно появятся особи, которые не захотят подчиняться воле основателей. Число их будет возрастать, а значит, в той или иной форме начнется борьба за лучшее положение, за право отдавать распоряжения и никому не подчиняться. И сейчас невозможно предугадать, чем все закончится.

Собственно, начиная с того момента, когда люди заметили, что живут долго, среди них быстро нашлись любители простора и свободы, которые просто отселились, построив себе дома, наладив свое ни от кого не зависимое хозяйство. И этих людей, у которых имеется все, что им нужно, практически невозможно подчинить своей воле. Только в его вотчине таких около двух десятков. Двух десятков пар, и некоторые из них имеют детей. Иными словами, почти двадцатая часть населения уже неуправляема. Со временем это положение может только ухудшаться.

Люди, живущие на хозяйских подворьях, постепенно станут отбиваться от рук, ведь, если посмотреть правде в глаза, воле его они послушны не в силу необходимости, а, скорее, потому, что так привыкли. Их этому научили с детства, вот и вся мотивация. И еще — их не научили принимать самостоятельные решения, брать на себя ответственность, проявлять инициативу. Они не протестуют только в силу верности традиции. Но традиции выходят из употребления, когда перестают приносить пользу. С годами это понимает все большее и большее количество людей.

А этот старый лис Матрохин такой вариант развития событий предусмотрел. Со своей Фирой. И не только предусмотрел, а даже использовал к собственной выгоде. По прикидкам охотников, которые по просьбе Артура осмотрели эти бесчисленные горные долины, людей здесь устроено несколько десятков тысяч. Считаться с этим придется всем, ведь почти за столетие порох в патронах стал значительно хуже, чем в момент их прибытия. Конечно, немало припасов извели охотники, а то, что сохранилось, стреляет далеко не каждый раз. Или несильно.

Вот! Важная мысль. Работ по производству высококачественного метательного взрывчатого вещества они с самого начала не проводили. Для охотничьих ружей делался примитивный черный порох, который в патронах боевого стрелкового оружия дает неважные результаты. А, значит, гладкоствольные дробовики сейчас — это все, на что можно рассчитывать в случае вооруженного конфликта. И на количество этих охотничьих

ружей. А вот тут тягаться с Матрохиным никто в этом мире не может.

Однако торопиться некуда. Нужно спокойно, не привлекая внимания других долгоживущих, навеститься на старую Землю и привезти оттуда обычных людей. Через столетие после их убийства они еще могут изредка встречаться, просто придется хорошенько поискать. А то ведь хитро выстроенная пирамида и групповое скандирование, конечно, хорошо помогают перемещениям из реальности в реальность, но без них, в крайнем случае, можно обойтись. А вот без того устройства, которое обеспечивает прицеливание, формируя границы канала в рассеянной ткани поля плотности вероятности, точно, никуда не переместишься.

Зато если аккуратно его настроить, то можно применить сооружения не столь впечатляющего размера. Но вопрос о том, чем вооружить команду своих посланцев в нелегкое путешествие за людьми, решить нужно задолго до того, как первая группа будет готова к выполнению своей миссии.

Указатель на развилке вывел Мэллорна из задумчивости. Если свернуть налево, то это дорога домой, но ехать по ней им предстоит еще несколько дней. Табличка со стрелкой, направленной вправо, гласит: «Сакля Хармунда». Ну что же, самое время искать приюта на ночь. Это ведь владения Матрохина, следовательно, упомянутый Хармунд имеет самое непосредственное отношение к тому, что тут происходит. Будет интересно послушать разговоры и просто посмотреть, как поживают подданные его хитро... ну, пусть пока будет хитроумного соседа.

Слово «Сакля» для представшего перед путниками сооружения было явно маловато. Постройка из природного камня, куски которого собраны в кладку за счет подбора их по форме. Внешние стены выглядят, как искусно сложенная мозаика. Само сооружение напоминает башню, прилепившуюся к не слишком крутому склону над бодрым водным потоком, пенящимся на дне теснины. Один из склонов этого пологого ущелья покрыт виноградниками и террасами грядок, сейчас пустующими. На противоположной, теневой стороне из чахлой травы торчат голые камни и редкие кустики, среди которых бродят две или три овцы. Плодородной земли тут немного, но используется она рачительно. Водный поток крутит опущенное в него колесико, вал которого одним концом спрятан в солидном ящике, установленном на берегу.

Дверь в башню, которую, скорее, следует именовать воротами, распахнулась. Хозяин, вероятно Хармунд, помог приехавшим расседлать лошадей и завести их в стойла. Просторный первый этаж, это и есть и конюшня, и сарай, и прихожая. Мужчина на вид немолод, ему за пятьдесят. Примерно столько же и хозяйке, которая начала накрывать стол. Каша, лепешки, сыр и превосходный шашлык, уже сдернутый с шампуров и сложенный горкой на блюде. Отличное вино и несколько соусов на выбор.

Артур ел и нахваливал, его спутники были привычно сдержанны в речах, но челюстями работали так, что иного комплимента хозяйке не нужно. А глаз долгоживущего уже приметил все, что ему необходимо. Отличный фаянс Соловьевской выделки, доски в постройках пришиты гвоздями, что привозят с Урала из тамошних заводов, ткани льняные и хлопчатобумажные, их ассортимент одинаков во всем этом мире. Значит, эти люди — не отщепенцы и не изгнанники. Так же, как и повсюду, они пожелали жить отдельно от остальных, и никто даже не подумал им в этом помешать. Судя по тому, что удалось увидеть, продают они вино, на вырученное приобретают промтовары, а провизией обеспечивают себя сами.

Но, что важно, уши у них обычные, человеческие, а не такие, как у Артуровых охранников, возможно, его же собственных правнуков.

Разговор крутился вокруг погоды, собранного урожая и видов на будущий. Мэллорн начал тихонько «припоминать», какие дожди или засухи были в какие годы: два, десять и более тому назад. Ему важно получить хотя бы какой-нибудь намек на возраст хозяев, но так, чтобы это не привлекло ничьего внимания. Разговор вился вокруг того, когда и кто

сажал здесь виноградную лозу, припоминали момент, когда она начала плодоносить, какие сорта в какие годы чем удались. Внешне это напоминало обсуждение проблем виноделия, да и по существу к ним свелось. Видно, эти люди здесь живут многие десятилетия и построили это все своими руками. Ничего примечательного выяснить у них не удалось.

108 ЛЕТ, 9 МЕСЯЦЕВ 2 ДНЯ

Михаил Алексеевич Чубуков уже разобрался в вопросе с порохом. Получить что-либо, кроме обычной смеси серы, селитры и угля, им не удастся. Для того чтобы производить более мощные составы, в Мэлтере недостаточно народу. Технологии известны, но при реализации их в промышленном объеме нужны работники для целой цепи производств так называемой большой химии. И к вентилям химических реакторов просто некого ставить, не говоря даже об обжиговых печах, флотационных бассейнах и прочем, прочем, прочем.

Сам этот черный порох тоже — та еще штучка. В каждом имении его делают немного на свой манер, отчего разброс в скорости горения от образца к образцу оказывается изрядным. Для охотников это не слишком страшно — всяк приспосабливается, как может к тому, чем располагает. А вот для снаряжения боевых патронов стабильность характеристик крайне важна. Иначе можно будет смело забыть о прицельной стрельбе. Эту проблему решить несложно. Достаточно применять продукцию одной, заранее выбранной пороховой мельницы.

Думал ли раньше медиамагнат Чубуков, что ему придется заниматься решением подобных вопросов! Глаголом жечь сердца людей — эта стезя для него привычна и комфортна. Удачливый политический обозреватель, чуткий к легчайшим дуновениям в высших сферах, он, используя чужие деньги, сумел прибрать к рукам целую вещательную сеть и неплохо устроился, тонко манипулируя эфемерной тканью, именуемой общественным мнением. Жаль, что мир, в котором это было востребовано, оказался так недолговечен! А в новом потребно иное.

Итак, стрелковое оружие. Производство охотничьих ружей налажено в нескольких хозяйствах Мэлтера, в том числе и в его обширных владениях. И именно наличие нужного оборудования в распоряжении Михаила Алексеевича побудило Мэллорна привлечь соседа к участию в реализации своих замыслов.

При испытаниях стало очевидно, что для достижения нужной скорости вылета пули из ствола пороха требуется больше, чем помещается в гильзе. Если ее удлинить, то это не помогает, потому что тогда порох просто не успевает весь воспламениться, ведь распространение горения имеет определенную скорость. Поэтому заряд придется увеличить в диаметре. То есть патрон становится похожим на бутылочку, из горлышка которой торчит пуля.

Самый маленький из имеющихся в его распоряжении калибров — тридцать второй. Он и определит диаметр пули. А самый большой — десятый. По нему и будет сделана гильза. На организацию всякой хитрой механики, увы, ни сам он, ни его работники просто не способны. Поэтому делать надо самый простой вариант, как у винтовок из фильмов про Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. Там все понятно даже на самый поверхностный взгляд.

Михаил Алексеевич довольно улыбнулся, перечитал свою писанину, добавил несколько линий в набросок и подписался. Чуть подумал, и вывел сверху заголовок: «Техническое задание». Вот теперь, когда они наделают достаточно таких винтовок и вооружат ими своих людей, то смогут, объединив силы, напасть на поместье Матрохина, убить его со всеми потомками, а потом воспользоваться услугами населения многолюдной провинции коварного доктора, имеющим такую важную возможность — размножаться.

Как он убедит этих людей сотрудничать с ним? Ха! Вот уж запудривать мозги человеческой массе — это его специальность, которая таки может понадобиться и здесь.

111 ЛЕТ, 2 МЕСЯЦА 18 ДНЕЙ

С одной стороны — это хорошо, что Чубук повелся. Возиться со стрелковой Мэллорну абсолютно некогда. Кроме весьма непростой работы с аппаратурой для перехода обратно на Землю их прошлой реальности, нужно еще и подготовить группу захвата. Главная трудность связана с тем, что эльфов непросто в чем-нибудь убедить. Они слишком хорошо разбираются в том, что потребно им самим, а что, наоборот, нужно от них другим людям. Вообще-то они сами даже не догадываются о том, что для их обозначения придумано особое слово — считают себя просто людьми. Термин «эльф» применяют только долгоживущие в разговорах между собой. Кстати, остроухость как наследуемый признак проявляется хотя и очень часто, но не всегда.

Так вот, об их мотивации. Отточенные в прошлом методы воздействия на массовое сознание не срабатывают, потому что нет этой самой массы. Нет толпы, где многократные повторы и пересказы из уст в уста позволяют вбить в любую голову уверенность, что желает эта голова именно того, что от нее требуется. Не будем уточнять кому.

Не развиваются искусства, позволяющие собрать толпу на зрелище, нет стадионов, где на трибунах беснуются зрители, гуляний по поводу придуманных когда-то празднеств или храмов, где люди внемлют гласу издавна усвоенной мудрости о необходимости трудиться и подчиняться тем, кто поставлен над ними волею свыше. Здесь приходится работать индивидуально с каждым, и нередко откровенно торговаться. А учитывая, что в столь малочисленном обществе даже денежные отношения не могут толком сложиться, мера стоимости любой услуги выражается в весьма причудливых формах. Один мылом возьмет, а другому требуется книга из твоей драгоценной библиотеки. Не навсегда. Перепишет и вернет.

Так что для формирования группы захвата потребовалось немало времени и просто изощренная изобретательность. Хорошо хоть привычка повиноваться воле руководителя не выветрилась до конца из этих остроухих голов. Надо поторапливаться, пока индивидуализм еще не рассыпал их сообщество окончательно.

Глава 3 ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ

— Господин Мэллорн, мы закончили опробование этих ружей. Они действительно стреляют точнее и дальше, чем наши охотничьи дробовики. А, главное, намного быстрее перезаряжаются. — Дим Укус, командир группы захвата, которую предстоит направить для отлова людей на Землю, выглядел довольным.

— Ну что же, посмотрим.

Артур вместе с «эльфом» вышли на задний двор, где собралась группа охотников, которых он привлек к своей затее. Коротко остриженные бороды и головы. Зеленые кафтаны, пришедшие на смену одежде с Земли, перепоясаны широкими ремнями, на которых укреплены подсумки и фляги. Шляпы-ведерки с короткими полями. Шаровары заправлены в голенища коротких сапог. Простота в изготовлении берет верх над изысканностью выкроек утраченного мира. Процесс деградации материальной культуры налицо.

А вот и винтовка. Чуть тяжеловата, и калибр — мизинец можно просунуть. Но хорошую сталь ни с чем не спутаешь. Затвор проще, чем у трехлинейки, и выглядит грубее, однако отлично работает. Патроны, кажется, приготовлены на слона.

Мэллорн навел ствол на прицепленную к забору мишень и выстрелил. Отдача немилосердно ударила в плечо. Перезарядка — выстрел — перезарядка — выстрел. Неплохо. Конечно, это не карабин «Барс», но по сравнению с охотничьим ружьем — очень приличное

оружие.

Подошел к забору и осмотрел места попаданий. Выходные отверстия выглядят убедительно. Убойная игрушка. Чубуков не подкачал.

— Ну что же, парни, такие ружья, но с гладкими стволами, вы получите, когда притащите пленных, — отвечает он на вопросительные взгляды, направленные на него. — Завтра повторим правила обращения с аппаратурой и потренируемся ее устанавливать и активизировать.

Аппаратура у Мэллорна с собой еще с Земли. Сам собирал. Электронные узлы ему, конечно, спаяли и настроили по разработанной им самим документации, но как их использовать — этого ведь нигде не написано. Тем более что процессоры он прошел уже после того, как проверил электрические режимы обвязки. Треп про поле вероятности — это для широкой публики, не потрудившейся как следует разобраться в физических законах. Гуманитарием стать значительно легче, чем понять некоторые аспекты, связанные с факторами, влияющими на изменчивость тонкой структурой электромагнитных полей, которые, кстати, коррелируют и с высшей нервной деятельностью.

Артур невольно вспомнил сюжет про мальчика, пришедшего в школу в чалме и заявившего одноклассникам, что он йог. Друзья прониклись и дружелюбно подложили новоиспеченному йогу гвоздь на стул. Тот уселся — и ни какой реакции. Не врет, значит. Спрашивают, как это у него получается? А мальчик признается, что все дело в чалме. Тут же один из товарищей нахлобучил на себя эту шапку и уселся на гвоздь. Укололся, возмутился. А йог достал из штанов сковородку и сказал, что забыл еще одну деталь обязательного снаряжения.

Вот так примерно и он, Артур Мэллорн, поступил в свое время с остальными долгоживущими. Гуманитарии, что с них возьмешь. Матрохин, возможно, догадался, но ему это не нужно. Наверное. Вообще-то шатер реально помог сконцентрировать силовые линии, и резонанс биотоков тоже сработал, но это все-таки второстепенные факторы. Без них перенос происходит труднее, но без электронного устройства он просто невозможен. Или, точнее, настолько маловероятен, что его можно считать невозможным.

Так вот, аппаратов для переноса у него припасен целый ящик — двадцать комплектов. Все они законсервированы и хранятся с величайшей бережностью. Пару штук он уже достал и проверил. Вот только за время, прошедшее с момента, когда он пользовался ими в последний раз, что-то не вполне понятное произошло в области, окружающей их планету.

Появились мешающие настройке на верные координаты источники сигнала, как будто имитирующие маяки, которые он сформировал в виртуальном пространстве межреального перехода. Если система наведения возьмется не за тот репер — произойдет смена точки выноса. А вручную наводку не удержать — слишком высокая точность необходима для обеспечения стабильности канала на протяжении целых восьмидесяти микросекунд. Поэтому пришлось пробуждать к жизни давно законсервированную технику, распечатывать на бумаге схемы и чертежи и вводить ручки для выбора нужной отметки, пока система захвата не активируется. Собственно, вновь введенную кнопку активации он даже подписал крупными буквами от руки. Так что теперь эти устройства эльфы зовут просто — активаторы. Они ребята простые. Что видят — то поют.

Шестеро с оружием на изготовку окружили седьмого. Тот, повесив за спину винтовку, которую за скорость заряжания уже нарекли самострелом, работает рычажками наведения.

— Господин Мэллорн! Ложные маяки пропа...

Фраза так и осталась незавершенной, потому что в процессе ее произнесения Дим надавил кнопку. Хлопок, и квадрат земли, включающий место, где стояли путешественники между мирами, качественно изменился. Вместо отдыхающего под паром поля — зеленая луговина. Верный признак того, что перенос прошел штатно.

Ученый взял образцы для химического анализа и отправился в лабораторию. Ему удалось сохранить кое-какую аппаратуру, так что, возможно, что-то проявится в картине изменений, произошедших на Земле за время их отсутствия. Тем более что если он не займется сейчас хоть чем-нибудь, то изведется от переживаний.

Неприветливый здесь лес, неправильный. Деревья гнутые, многие носят следы повреждений — изломы, расщепы. Словно кто-то бросал сюда камни со страшной силой. Кстати, камни тоже наблюдаются там, где им, казалось бы, неоткуда взяться. Торчат из травы, уже затянувшиеся снизу почвой, лохматятся мхом, а иногда и лоснятся плесенью.

Второй день их семерка прочесывает местность в поисках людей. Видели развалины. Они в таком состоянии, что разобраться в причинах, по которым их покинули, невозможно — перекрытия или рухнули, или перекошились настолько, что никакого доверия не вызывают. Бывшие поля наметанный глаз охотника с трудом отличает от непаханных территорий — заросли лесом, затянулись кустарником. А может быть, и не всегда различает.

Ни дымка, ни огонька. Даже старых кострищ и то ни одного не встретили.

— Привал. — Дим Укус подал сигнал остальным и все стянулись к нему. Повинуясь скупым командам, Тарас и Кузя разошлись на посты, наблюдать за окрестностями. Вода, дрова, котелок — обычные дела делаются легко.

— Что думаете, парни, где нам тут людей искать!

— На юг надо поворачивать, — подает голос кто-то справа.

— Значит, туда и повернем, — соглашается Дим.

Да уж. Нет ни одной зацепки, чтобы хоть что-то сообразить. Ни следа, ни намека. Так что говорить не о чем. И неважно, кто это произнес, и даже что он при этом подумал. Все устали и имеют право передохнуть.

На юг шли еще четыре дня. Не цепью, а короткой колонной, чутко прислушиваясь и поглядывая по сторонам. Ребята они крепкие, на ногу легкие, так что километров полтора ста проделали.

Первым неладное почувствовал Джун. Он шел замыкающим, так что ему положено оглядываться. Бросил камушек в спину впереди идущего, а дальше сигнал прошел по цепочке. Горланить на охоте — последнее дело.

Залегли, сползли в кучу.

— Птицы за спиной взлетели слева, — тихий шепот замыкающего прозвучал, когда вся семерка сползлась в одну кучу. И тут же расползлась, повинуясь жестам старшего, занимая указанные им позиции.

Минута, вторая, и показались люди, идущие по их следу. Безмолвная толпа бесшумно ступающих мужчин, женщин и подростков. Всего двадцать три человека, вооруженных палками и камнями. Подойдя к месту, где группа собиралась для совещания, остановились. Потом, жестикулируя и тихо ворча, столпились кружком, пытаясь по примятой траве понять, что тут делали преследуемые.

Идеальная позиция. В выставленные во все стороны спины полетели стрелки отравленных дротиков. Мужчина, шедший первым, раньше всех сообразил, что происходит неладное, и бросился бежать. Ничего страшного, хвосты и инъекторы уже торчат у него из-под лопатки, так что за ним придут. Женщина с дубиной набросилась на Кузю, который оказался у нее на пути, но получила пинок в живот, и, сгибаясь от боли и отлетая назад, дотянулась концом узловатого сука до головы охотника.

Через нее перепрыгнул подросток и добавил камнем. Джун отбивается от троих, но, кажется, управится, а на Дима набегают сразу двое. Прыжок в сторону, и подножка — один упал. Второй уже бьет палкой, причем очень неудобно, тычком. Больно ведь по ребрам. А вот тебе в торец. Отдыхай.

Свалка коротка, яд быстро валит преследователей, и они затихают. Надо торопиться. Инъекции противоядия следует сделать быстро, а то окочурятся. И связывать, пока не

пришли в себя. На все считанные минуты.

Того здоровяка, что убежал первым, нашли напоровшимся животом на сук. Видимо, яд лишил его способности соображать — так он крепко нанизался. Охотники просто воздержались от использования противоядия. Не жилец этот парень. Похоронили Кузю, расколотил ему голову тот камень. Вдребезги.

Перевязали свои раны, наложили лубки. Надо переходить на открытое место. Тут в зарослях переносчик не сработает. Вернее сработает, конечно, но так, что потом костей не соберешь. А до ближайшей подходящей поляны оказалось больше километра и вести пленников на их ногах никак не получалось — едва конечности получали свободу, как их владельцы принимались пинаться, брыкаться или лягаться. Увещевания не воспринимались, побои игнорировались. Так одну женщину забили насмерть, но она продолжала вырываться, пока была способна двигаться, а потом, после очередного удара затихла навсегда.

Оставшихся в живых перенесли привязанными к палкам, что было не то что тяжело, а просто мучительно, ибо висящие тела извивались и дергались, рыча, вереща и вопя. Что угодно, кроме даже слабого подобия членораздельной речи, вырывалось из их глоток. Иными словами, кроме использования необработанных камней и палок, никаких намеков на разумность этих людей отметить не удалось. Только, если считать их животными, то стайный инстинкт у них у них совершенно неестественный. При опасности первым убежал вожак, а остальные бросились врассыпную. Как-то не так себя ведут неразумные твари при опасности.

Ну вот, на открытом пространстве уложены связанные пленники, и шестеро охотников готовы к возвращению. Несколько деревьев и кустарник, которые могли помешать, вырубили и оттащили подальше.

Дим Укус включил питание активатора, дождался появления на экране изображения и чуть не застонал. Меток оказалось две, причем близкорасположенных. Некоторое время он колебался, по какой из них произвести наведение. Потом выждал, надеясь, что одна из них пропадет или изменит положение, чем позволит определить себя как ложную.

Никакого результата. Ждем дальше. Так, левая замигала и уменьшила интенсивность...

Дим выбрал правую, навел целеуказатель и нажал кнопку активации. Люди и трава, на которой они находились, пропали, а в обрамлении зеленой рамы обширной лесной поляны оказался прямоугольник водной поверхности. Если бы кто-то потрогал ее, то удивился бы тому, насколько она холодна для царящего вокруг жаркого лета. Еще более странным показался бы ее соленый вкус.

То, что им крышка, Дим понял сразу. Свинцово-серая ледяная вода убьет их холодом в течение считанных минут. Тем не менее он поплыл в сторону пирамидальной сверкающей горы, возвышающейся приблизительно в километре от места приводнения. Поистине причудливые формы принимают чудовищные глыбы, отколовшиеся от кромки ледяного панциря и соскользнувшие в море.

Нет, не дождется Мэллорн их возвращения, успел он подумать, прежде чем закостеневшее тело погрузилось в пучину. Остальные утонули раньше.

Глава 4 ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ В ДЕЙСТВИИ

137 ЛЕТ, 4 МЕСЯЦА 6 ДНЕЙ

Для того чтобы подготовить следующую вылазку на Землю, потребовалось очень много времени. Нет, техническое оснащение не изменилось. Все те же «активаторы», которых у Мэллорна пока достаточно. Неудача с первой попыткой могла быть связана с

любой случайностью, узнать о которой, увы, ничего не удалось — группа просто не вернулась. Поэтому, прежде чем менять способ действия, надо попробовать еще хотя бы пару раз.

Беда в том, что уговорить эльфов принять участие в рискованном предприятии непросто. Они ценят свою долгую жизнь, и подвергать ее неизвестной опасности не намерены категорически. Простейшие рассуждения привели к заключению, что нужных людей необходимо воспитать, сразу вложив в их головы некоторые положения относительно чувства долга перед потомками и, естественно, немного приоткрыв завесу тайны относительно истинного положения вещей. Не совсем правду, но напугать тем, что если не решить проблему продолжения рода человеческого, то через некоторое время здесь, в Мэлтере, останутся только дикие звери. И тут не оставалось иного выхода, кроме как начать преподавать в школе. Разумеется — естественные науки. И вот через четверть века в его распоряжении две маленьких группы. И задача у первой из них очень простая — уйти и сразу вернуться.

137 ЛЕТ, 4 МЕСЯЦА 17 ДНЕЙ

Принесенные вести можно считать удовлетворительными. За несколько минут пребывания на старой Земле разведчики убедились, что там не наблюдается признаков человеческой деятельности, а буйствует растительность, похожая на здешнюю.

В результате еще двух поисков удалось отловить и доставить пятерых людей — трех мужчин и двух женщин. На этом Мэллорн прекратил рисковать парнями и приступил к экспериментам.

Первым же открытием, которое его сильно озадачило, оказалось то, что разумом доставленные существа не обладали. Полученное потомство, такое же уязвимое, как и человеческие дети, внешне выглядело обычно, воспринимало обучение, но говорить не научилось даже к пяти годам. Таким же свойством оказался наделен и ребенок, рожденный пленницей от эльфа. Ну и, в завершение всего, эльфийка от пленника родила совершенно неразумное существо. Тупик.

Пленников содержали в неволе, хорошо кормили, заставляли двигаться и размножаться. Собственно, второе они проделывали охотно, а вот с первым дела обстояли неважно. Сытыми эти «люды», как их прозвали, чтобы не перепутать с собой, что-либо делали крайне неохотно. И их заставляли или гоняться за куском вареного мяса, которым дразнили, протянув через ограду на длинном удище, что давало скромный результат, или просто гоняли плетями, вынуждая убегать. Со временем это занятие даже приобрело широкую популярность в качестве зрелища, собирая многочисленных зрителей и болельщиков. Даже построили своеобразный стадион.

Естественно, своих «тренеров» люды не любили и боялись. А вот тех, кто приносил пищу, воспринимали дружелюбно, и даже медиков не дичились, хотя те иногда и причиняли им боль. Ласковые интонации и отсутствие злых намерений они воспринимали позитивно, словно одомашненные животные. Вообще уже в первом родившемся в неволе поколении признаки врожденной агрессивности не обнаруживались. Хотя овладеть каким бы то ни было инструментом или научиться мало-мальски осмысленным действиям эти существа не смогли. Ударить палкой или бросить камень — не более.

203 ГОДА

Шли годы. Группа невольников росла. Мэллорн пребывал в размышлениях о способе выхода из безвыходной ситуации, когда в маленьком зверинце произошла странная смерть.

Скончался не старый еще самец, которому рановато было на погост. Ну, случай, стало быть, такой приключился. Но через три года умерла самка. И тоже бы ничего странного. Но в обоих случаях через девять месяцев после этих смертей у доктора Курта Празы родились дети.

Артур Мэллорн достаточно пожил на свете, чтобы заподозрить связь между нечастыми в их мире событиями — рождениями эльфов и смертями людов. И еще он сообразил, что ни разбираться, ни вмешиваться в процесс не имеет смысла. В обоих случаях из обихода были изъяты неперспективные в смысле дальнейшего размножения особи. Доктор Праз — не дурак. И, что интересно, нетрудно вычислить следующую жертву из числа жителей «питомника».

Важно, что получена технология, позволяющая платить жизнью люда за то, чтобы на свет появился эльф. Теперь его задача — обеспечить устойчивый темп размножения подопечных, и прирост численности населения в его вотчине обеспечен. А учитывая, что от одной самки за репродуктивный период можно получить до двенадцати детенышей, то все не так уж безнадежно.

327 ЛЕТ

Виталий Романович Матрохин точно знает, что устроился он лучше всех. Да, Кавказ имеет сложный, скромно говоря, рельеф. Зато его долины населены людьми. И всех их он надежно держит в кулаке. Ему не надо никого убеждать или уговаривать, а уж тем более запугивать или обманывать. Все отлично знают, почему воля хозяина здешних земель должна быть исполнена. Впрочем, кто не желает, так того ведь никто и не уговаривает. Просто тогда он не получит прививки бессмертия.

А вот если у тебя к сорока годам четверо детей и не отмечены случаи сопротивления воле властителя — пожалуйста в клуб вечных. Хотите отъехать на хутор — пожалуйста. Добрый господин поможет материально. Желаете остаться на месте — да сколько угодно. Метод пряника работает уже более трехсот лет без единого сбоя благодаря тому, что отбор материала на эту самую инъекцию он научился проводить не только безопасно для донора, но и практически безболезненно.

Однако для тех, кто получал прививку — не совсем. Операция стерилизации не сложна, но это все-таки операция. Но никто не возражает, поскольку — все в этом убеждены — без нее эффект от «вакцинации» не достигается.

И теперь в его распоряжении есть все, чего душа пожелает. Прекрасные дороги связывают населенные пункты с чудесными дворцами, где журчат фонтаны и благоухают розарии. Лучшие вина из лучших виноградников в любых количествах, а вещи, сделанные руками искусных мастеров, радуют глаз. Дети, внуки и правнуки давным-давно уяснили, кому они обязаны радостям жизни и комфорту, которые их окружают. Их немного. Дети и дети детей соединялись со смертными, и потомство было у каждой пары. Но этот процесс контролировался, так что семья владельца горной страны сейчас состоит меньше чем из сотни человек.

В его епархии есть и предприятия, которые, случись что, обеспечат подведомственную территорию всем необходимым, и еще чуть сверх того, чтобы порадовать повелителя и его домочадцев. Поэтому никаких инсинуаций со стороны тех, кто прибыл сюда бессмертными еще с Земли, он не ждет. Для вооруженного нападения у них просто нет людей — подведомственные им эльфы не станут рисковать своими длинными жизнями в угоду чужой прихоти. А вот за него — наоборот, готов сражаться каждый горец, как он справедливо называет своих подопечных.

Раньше, в бытность свою на Земле, Михаил Алексеевич Чубуков не смог бы себе представить, что способен ждать так долго — целых двести лет. Все это время он

производил винтовки и обучал своих подопечных ими владеть. Иными словами, готовился к нападению на поместье Матрохина.

Мэллорн почему-то постоянно откладывал налет на Матрохина, объясняя отсрочку раз от разу все менее и менее убедительно. В конце концов стало ясно, что он просто трусил. Мысль о том, что на самом деле «трусливый» физик затеял совершенно другую игру, в голову бывшего медиамагната даже не пришла.

Некоторое время потребовалось на размышления и разведку, совмещенную с дружеским визитом к Виталию Романовичу в его поместье. Скромный размер виллы и малое количество прислуги в ней навели на мысль, что никакого особенного многолюдья и богатства тут на самом деле нет. Но известный ловелас Василь Тыка из его охраны куда-то запропал и присоединился к кавалькаде только на обратном пути уже, когда миновали поворот к сакле Хармунда.

Даже делать отповедь этому балбесу не хотелось. А на привале он рассказал о больших селах и даже городках, через которые проехал, отклонившись от обычного пути. О многолюдных улицах, мощеных дорогах, каменных мостах и дымящих трубах заводов. О том, что в домах работают телефоны и радиоприемники и, страшно подумать, телевизоры. Ну а девушки здесь на редкость несговорчивы и ничего себе с первым встречным не позволяют. Так что он, что называется, пролетел мимо цели. Зато видел весенний дворец хозяина этих земель. Вернее, подогреваемый бассейн в саду утренних покоев, и теперь с упоением описывал красоту мозаики, восхитительные барельефы и роскошные клумбы, резную мебель. Слюнки текли слушать эти излияния. Но прерывать словесный поток никто не стал.

Вот ведь хитрый лис, подумал Михаил Алексеевич о Матрохине. Разыграл комбинацию на сотни лет вперед. Все просчитал и оставил других с носом. Настолько с носом, что никто ведь и дернуться не посмеет против такой силищи со своими немногочисленными разбредшимися, привыкшими самовольничать эльфами.

Спокойно подумал. Он ведь уже далеко не мальчик, чтобы плескаться эмоциями во все стороны.

Итак, доктор организовал то, что планировали все они — все двадцать «бессмертных». И если бы это у них получилось, то сейчас каждый бы имел то же самое, что и этот разумник. Разросшееся население кормило бы их так же обильно, как и этого мерзавца. Интересно, чем эта перспектива его не устроила? Почему он решил всех надуть?

Хотя, собственно, это здесь, на Мэлтере, в тишине уединенной по земным меркам жизни, Михаил Алексеевич подзабыл о старых добрых обычаях его времени и круга. Там кушали друг друга только потому, что иначе кушали тебя.

Что же можно предпринять для того, чтобы самому заполучить этот лакомый кусок — вотчину Матрохина? Просто пойти войной? Даже с его винтовками, которые намного лучше охотничьих ружей, он сможет выставить десяток своих охранников и от силы пару десятков добровольцев. Остальные просто никуда не пойдут из своих особнячков, многие из которых больше похожи на замки. Попробуйся он принудить их силой — будет война, но уже на его территории. Со штурмами, осадами, потерями. Это ему не нужно.

Другой способ набрать приличную армию — привлечь к своему проекту других «бессмертных». Насколько доносят его осведомители в их окружении, численность поместных «армий» сопоставима с его мобилизационным ресурсом. Так что в сумме со всего Мэлтера можно рекрутировать примерно полтысячи человек. Мало. И придется делиться добычей с остальными участниками набега. Кстати, в окружении Матрохина его посланцам никого завербовать не удалось. Вернее, сами эти «коммивояжеры» бесследно сгинули, не доложив ни об удаче, ни о неудаче. Выходит, там имеется какой-то неизвестный, но очень важный стимул. Стимул, позволяющий держать в повиновении эту массу народа. Ладно, сначала нужно разобраться с тем, как прибрать к рукам этот лакомый кусочек, а уж потом рассуждать о методах управления людской массой. Как-нибудь сумеет, наверное. Ведь именно в этой области он проторил себе дорогу на старой Земле, страшно подумать, триста

лет тому назад.

Дорога вела по дну широкой долины, лошадь мерно переставляла ноги. Красивые виды вокруг не беспокоили сердце Чубукова, но поглощали внимание его настороженных спутников.

Собственно, выбор невелик. Нужно действовать внезапно, решительно, малой хорошо подготовленной группой. Выяснить время и место, где соберутся члены семьи этого хитреца, и накрыть всех одним ударом. Лучше всего взорвать здание, где будет происходить это сборище. А причина для такого скопления родни в одном месте — это элементарно. Должен же он отмечать свой день рождения.

Теперь вопрос в способе получения сведений из этого замкнутого мирка. И вот тут-то как раз все очень просто. Многолюдье в этих землях сыграет ему на руку. Василя никто ни в чем не заподозрил, потому что за каждым прохожим не уследишь — разные люди тут ходят. Так, посылая по очереди всех своих бодигардов по одному и по разным маршрутам, он и соберет всю нужную информацию. Главное, управиться нужно самостоятельно, не привлекая к реализации замысла никого, кроме своих проверенных охранников.

395 ЛЕТ

Хорошо, что с подготовкой никто не торопил. Чубуков проделал все на совесть. Теперь Матрохину точно как-то. Он действительно собирает на день рождения всю свою, кстати, не такую уж многочисленную родню. Празднование состоится в Осеннем Дворце, которому по роскоши убранства позавидовал бы, наверное, самый могучий повелитель старой Земли. Охраняют его, кстати, на совесть. Так что заминировать здание, в котором за огромным подковообразным столом соберутся близкие хозяина, не удалось. Почему только близкие? А потому, что никому из других поместий не показывают ни многолюдья, ни роскоши, которыми пользуется и владеет единственный на Мэлтере человек, сумевший организовать собственное королевство.

Даже дороги, по которым приезжают сюда редкие гости, выглядят так, как будто все население этой местности — от силы тысяча человек. Ведь нарочно выбрал под поместье горный район, где легко упрятать хоть бы и целую страну. Вот за эту свою предусмотрительность он и поплатится. С севера Осенний Дворец прикрыт отличной горкой, по склону которой и прикатится многотонный фургон, начиненный самым лучшим порохом. И, сметая на своем пути стену, въедет прямо в роскошную столовую, где и взорвется.

Охрана контролирует территорию на километр в округе — ружья-то здешние дальше чем за пару сотен метров не попадают. А у Чубукова — попадают. Так что, если кто-то уцелеет после взрыва — перестреляют всех, кто останется способен шевелиться среди развалин.

Если хочешь сделать что-нибудь хорошо — делай сам. Это правило здесь, на Мэлтере, пришлось уяснить себе твердо. Эльфы слишком своевольны и эгоистичны — как будто мир замкнут внутри них самих. Даже телохранители, которые служат значительно дольше, чем век, то и дело норовят исполнить его поручения не так, как он желает, а на свое усмотрение. Приходится неоднократно повторять задачу, будто втолковываешь урок ученику, у которого в голове совершенно иное, бесконечно далекое от истинного, понимание того, что тебе требуется. Словно продираешься сквозь липкий кисель с комками. Бр-р!

Чубуков сам вывел группу на исходную позицию. Из тридцати четырех ее членов полностью полагаться он может только на себя. Есть надежда на то, что все его восемь охранников сделают то, что от них требуется просто в силу привычки повиноваться. И хочется полагать, что угрозами и посулами ему действительно удалось «убедить» остальных «добровольцев» в необходимости этого налета. Сейчас, разглядывая то, что происходит в Осеннем Дворце, он завидовал чернейшей завистью тому, как предупредительно

вышколенные слуги встречают гостей. Как подкатывают к нарядному крыльцу мотокареды — на звание «автомобиль» эти сооружения никак рассчитывать не могут, ибо громоздки и примитивны. Но их приводят в движение бензиновые двигатели, а сами они просторны и удобны. А ведь уже прошли столетия с тех пор, как отработал свое последний привезенный с Земли дизель. Наладить здесь их производства так и не смогли.

Он завидовал просторным террасам, уставленным столами с изысканными закусками, вычурной черепичной крыше и нарядной женщине, которую запомнил еще с момента их появления здесь — супруге хозяина. И зависть эта была настолько черна, что все здешнее великолепие ему хотелось созерцать в виде обломков, руин и бездыханных тел.

Однако картины эти наблюдал не только Чубуков и его подручные. Почти семьдесят лет подготовки трудно скрыть от чужого глаза. Не только Михаил Алексеевич интересовался делами других долгоживущих. В его ближайшем окружении нашлись люди, поделившиеся наблюдениями с захавшими по делам товарообмена гостями из соседних усадеб. По истечении немногих лет в работах по подготовке к налету на Матрохина участвовали все сильные мира сего. Все, кроме Мэллорна.

Сначала — каждый тайком от остальных. Но тайны эти недолго оставались тайнами — шпионов в поместьях «единомышленников» имели все. В результате сейчас здесь, на склонах горы, затаилось не тридцать бойцов, а почти две сотни охранников восемнадцати долгоживущих. И их хозяева тоже среди своих людей. Это больше, чем численность гостей и прислуги в Осеннем Дворце.

Терпение. Вот и последний, сорок седьмой прибывший на торжества гость. Еще немного времени, чтобы прозвучало приглашение к столу. Пора.

Перерублен канат, огромный, размером с автобус толстостенный дубовый ящик на колесах диаметром в человеческий рост тихонько трогается под уклон, разгоняется, приминая траву. На его пути заботливо засыпаны ямки и срезаны бугорки, и только перегиб ската закрывает его от человеческих взглядов снизу. Преодолев его, мина начнет ускоряться заметно быстрее, потому что в нижней части склон круче.

Есть. Подпрыгнув на перегибе, словно на трамплине, фургон снова приземлился, но с перекосом. Уклонился вправо, стал зарываться левыми колесами в грунт, закувыркался и, рассыпаясь на глазах, выкатился на площадку, заполненную мотокаредами. Кто-то из охраны открыл стрельбу по непонятной опасности — вспышка, грохот, ударная волна, кажется, воздух пылает.

Однако стена дворца уцелела, лишившись остекления, а со склона мчатся вооруженные винтовками эльфы, воодушевленные феерическим зрелищем. Видимо решили, что после такого буйства огненной стихии все люди в радиусе сотни метров не способны сопротивляться, и торопятся, пока никто не пришел в себя, преодолеть открытый участок.

Все правильно. Михаил Алексеевич тоже бежит к месту событий, чтобы лично убедиться в уничтожении и Матрохина и его родственников, но вдруг начинается стрельба со всех сторон, и жакан обрывает жизнь Чубукова еще до того, как он понимает, что произошло. Сам-то он планировал уничтожить остальных долгоживущих только после завершения штурма, но, похоже, кто-то из его сегодняшних «соратников» не только замыслил то же самое, но и отстрел союзников назначил на начало атаки, а не на ее конец. Какие все-таки разные люди бывают!

После взрыва и начала атаки все решала уже скорость и решительность. Задачу — ворваться и всех уничтожить — знал каждый боец, но ни о каком управлении действиями атакующих в бою никто и не помышлял. После взрыва наступил неуправляемый период, когда вмешаться в процесс невозможно. Охрана дворца начала отстреливаться из проемов лишившихся стекол окон. К ним присоединились гости, вооружившись гладкостволками погибших при взрыве стражников. Но несколько нападавших с ходу преодолели открытое место между склоном горы и опаленной стеной дворца, вскарабкались в пустые проемы, и

пальба началась внутри помещений. Пороховой дым заполнил коридоры, и нередко стреляли в неясный силуэт не будучи уверенным в том, свой это или чужой.

Большинство обороняющихся отошли от окон и повернули оружие в сторону помещений. Толпа, несущаяся сверху, ворвалась внутрь, и началось избиение всех подряд, кого увидели. Зеленые кафтаны нападавших и зеленые камзолы охранников в дыму и пыли выглядели сходно — отличать своих от чужих сложно.

Несколько выстрелов со стороны парка, расположенного между главным зданием и берегом, просто потонули в общем шуме, а между тем лучшие стрелки Чубукова, при первых прозвучавших выстрелах сняв охрану периметра, сблизилась с главным зданием и отстреливали всех, кто остался на верандах, открытых лучам полуденного солнца. Не попавшие под первый удар охранники и отдельные уцелевшие гости, ошалеv от неожиданности, палили во все, что двигалось, и никто даже не подозревал о том, что отброшенная взрывом мотокарейта еще в самом начале стычки снесла колонну левого портика, отчего каменная кровля над ней обрушилась, свалив соседнюю опору, которая потихоньку вызывала такие же последствия в отношении следующей. И вот колоннада, словно костяшки домино, в считанные секунды сложилась, и крыша гостевой веранды прихлопнула всех, кто там оставался. Обрушившиеся каменные плиты навалились на стену, обращенную в сторону парка.

Она посопротивлялась, дождалась, когда атакующие и обороняющиеся увлекутся взаимным уничтожением, и упала, лишив опоры перекрытия. Противоположная стена тоже завалилась, добив своими обломками тех, кого еще не застрелили или не расплющили ранее обрушившиеся конструкции.

А потом несколько стрелков из парка и со стороны склона прицельно положили пули туда, где хоть что-то шевелилось.

Или архитектор, строивший этот комплекс, понятия не имел о прочности конструкций, или первый взрыв разрушил какие-то важные связи опорных элементов — разбираться в этом теперь было некому.

Тарк Тайшет находился в секрете за беседкой купальни, и до взрыва слышал только несколько выстрелов, раздавшихся в отдалении. При звуке первого из них он присел и откатился, так что направленная в него пуля прошла мимо. Распластавшись, парень отполз вправо и тут же услышал удар пули о ствол акации.

Отличный стрелок, подумал он. Тянуться к ружью, прислоненному к стенке — это верное попадание в руку. Да и тут не спрятаться, плечи-то за препятствием не укрыты.

Он рванул влево, и срезанная ветка отлетела за спиной там, где только что мелькнуло его туловище.

Надо же, как часто стреляет, это что, три ствола на ружье? — мелькнула тревожная мысль.

И тут их накрыло могучей взрывной волной. Тарк стремительно бросился в направлении, откуда в него целили, рассчитывая и на ошеломление противника, не укрытого как он стеной, и на время, потребное для перезарядки, и на то, что из распространенных в их мире охотничьих гладкостволок дальше, чем на полсотни-сотню метров, никто обычно и не пытается попасть. Через тридцать шагов стало как-то не по себе. Метнулся вправо. Выстрел, промах. Еще двадцать шагов, два рывка вправо, три — влево, и он за плотной стеной вечнозеленого кустарника распластался по плитке дорожки, укрытый камнем поребрика.

Успел разглядеть, что до стрелка еще метров полтора. Дым выдал. А вот как быть дальше? В стороне главного здания дворца — перестрелка, кажется даже, что изредка слышатся крики, а тут в дальнем конце парка идет дуэль. И положение Тарка незавидно. Некто, скрытый от его взора, вооружен дальнобойным быстрозаряжающимся ружьем, способным попасть на несколько сотен метров. А у него — только финка на поясе. Прикрытие прозрачно для пули, а «бруствер» низок. В самшитовых кустиках имеются бреши, так что стоит шевельнуться, и есть шанс быть замеченным. Значит, придется

подождать.

Звуки боя со стороны главного здания утихли после непонятного грохота и нескольких выстрелов, прозвучавших размеренно, но четко, словно расставляли точки в концах предложений. Тарк продолжал сохранять неподвижность и чутко прислушивался. Его противник мог давно уйти со своей позиции — отсюда все равно ничего не разглядеть. Но лучше рассчитывать на самый неблагоприятный вариант. На вариант, что его скрадывает опытный охотник, неторопливый и расчетливый.

Прошло несколько часов, и наступила ночь. Темнота укрыла землю своим бархатным покрывалом. Нет, бросаться искать стрелка нельзя. Если тот неподвижен, то легко обнаружит приближение человека. Медленно, обдумывая каждое движение, охранник вернулся к беседке, забрал свою двустволку и, спустившись к реке, обошел место, где прятался тот, кто сегодня покушался на его жизнь. Знание местности — вот преимущество, которое следует использовать.

Все оказалось именно так, как он и рассчитывал. С наступлением темноты стрелок должен уйти, потому что не уверен в том, что сумел поразить свою цель. А путь отхода из этой части парка один, если, конечно, не выходить на центральные аллеи. Только нет уверенности в том, кто окажется в этом месте раньше. Тарк просто быстрее передвигается, поскольку исходил здесь все вдоль и поперек, а незнакомец, скорее всего, впервые в этих краях — обязан быть осторожным.

И вот еле заметная в свете звезд тень, которую удалось разглядеть только потому, что охранник повернулся на чуть слышный звук осторожных шагов, появилась в проходе между стеной и кромкой обрыва. Ударил в упор из обоих стволов и, не интересуясь результатом, отскочил за угол, стремительно меняя позицию.

Тарк никогда не считал никакую осторожность излишней. Поэтому прибытие товарищей к месту убийства охотившегося за ним чужого наблюдал надежно укрывшись в нише, образованной стеной ограды парка, обходящей старый тис. На звук прибежали не охранники, а знакомые жители ближнего городка, он многих узнал по голосам.

— Смотри, Назар, кто-то ухлопал еще одного парня из тех, кто налетели на дворец.

— Точно, таких ружей у наших не было. А чего ради этот охотник столько времени тут просидел? — Народу столпилось много, свет керосиновых фонарей, ослепивших самих пришедших, и гомон обсуждения позволили Тарку неприметно присоединиться к группе. Он ведь не в курсе событий, произошедших здесь, так что не станет рисковать. Очень уж все необычно.

Толпа проследовала обратно к месту, где затихли на ночь работы по разбору развалин дворца. Ни убитых, ни раненых тут уже не было, вероятно, их куда-то унесли. Ни охранников, ни дворцовой челяди среди прибежавших на выстрелы не оказалось. Вывод — они были убиты. Тарк тихонько заглянул во флигель, где жил. В его комнате при свете оплывающей свечи плакала Кира — девушка из ближнего городка, с которой они сошлись лет восемь тому назад. Она предпочитала встречаться здесь, где есть горячее водоснабжение и электрическое освещение.

Вскрик узнавания, объятия.

— Я надеялась, что ты уцелел. Не нашла тебя среди убитых. Боялась, что твое тело откапают.

Глядя любимую по голове, парень молчал. Все вопросы подождут. Сейчас главное то, что не напрасно он так старательно боролся за свою жизнь. Есть человек, для которого это важно.

Оказывается, вчерашние события унесли жизни всех, кто оказался здесь в этот момент. Нападавшие перестреляли и добились друг друга. Возможно, несколько человек уцелело, но к моменту, когда подоспели вооруженные люди из окрестных поселений, никого из них тут не

обнаружили. Догадка о том, что погибли не все, пришла позднее, просто потому, что не нашлось раненых. Не людей, оказавшихся под завалами, а оставшихся снаружи, застреленных охраной при атаке. То есть их кто-то умертвил или унес. Организовать поиски или погоню тоже не получилось. Сначала растерялись, потом некому было распорядиться, и, наконец, сообразили, что поздно спохватились, и если кто и ушел, то, скорее всего, далеко.

Растерянность и уныние — вот что испытывали люди. Погиб правитель провинции и все те, кто ему помогал. Попросту говоря, руководить оказалось просто некому. Старосты ближайших поселков никогда не пытались заглянуть за пределы своих полномочий. Знали, куда направить заявки на то, что требовалось их подопечным, и что следует заказать фермерам или кустарям, проживавшим на подведомственных территориях. Разнарядки поступали своевременно, и их выполнение не требовало ни смекалки, ни существенных усилий. Авторитету Матрохина никто не смел противиться, поскольку перспектива долгой здоровой жизни привлекательна для любого.

Еда, одежда и жилье имеются. Делай то, что велят, и живи сколько хочешь. Раз Виталий Романович обещал сделать прививку бессмертия, то так и будет. И слово его выполнялось незыблемо. Все жители гор, послушные воле распорядителей, проходили вакцинацию, как только возраст их переваливал за полвека. И никто из них до сих пор не умер и даже не состарился. Крепкие зрелые люди, деятельные, привыкшие к размеренной обеспеченной жизни. А уж работники — лучше не придумаешь.

И вот — все это рухнуло. И Тарк, и Кира, как бы ни старались, шанса стать долгожителями больше не имеют. Зато могут отомстить. Если кто-то из нападавших ушел, то есть хороший шанс это дело исправить. Горы — не равнина. Пройти тут можно в немногих местах. Человеку, не раз отвозившему послания хозяина, хорошо известны пути-дороги, ведущие через эту страну.

Понятно, что по конной тропе, ведущей на восток, злоумышленники не могли ни прийти, ни уйти. Наверняка пробирались по заросшим склонам, скрываясь от чужого взора, и заложили крюк. А вот мостика через Злайку им не миновать — иначе придется обходить Розову горку, а это не меньше двух дней ходьбы. Так что на рассвете молодые люди оседлали лошадок и заторопились. Отсюда до Сакли Хармунда, что перед входом в Злайское ущелье, надо скакать весь день.

Ночь в горах наступает быстро. Луны нет, как и вчера. Слабый свет звезд — неважный помощник для того, кто сидит в засаде. С наступлением темноты пришлось подобраться к самой тропе и затаиться в тени придорожного камня. Шаги по настилу зазвучали незадолго до рассвета. Мягкая поступь охотников, еле различимая на фоне слабого журчания бегущей воды.

Четыре человека сошли на каменистый берег. Их силуэты угадывались с трудом.

— Свалим мостик? — негромкие слова, произнесенные молодым чистым голосом, слышны отчетливо.

— Нет. Погоню это задержит всего на несколько минут, а вот на то обстоятельство, что кто-то тут проходил, мысль наведет обязательно. Да и вряд ли за нами идут. За весь день только двое верховых куда-то проехали, — этот голос звучит глуше.

— Куда теперь, Кондратий? Нашего-то хозяина в живых уж нет, мужики на его телохранителей как-то еще посмотрят? — произнес третий из налетчиков густым басом.

— Хозяев теперь, почитай, совсем не осталось. Я одного только недосчитался, остальные полегли, — это второй, он, вероятно, старший.

— А кого?

— А кто его знает? Кунец и Фалпа, что с нашим барином по гостям разъезжали, гекнулись. Я только тех, что с Урала, в лицо знал, так они все вчера представились. Может быть, не заметил кого, мы ведь торопились. Но только восемнадцать в нашем отряде были без острых ухов, да еще, наверно, хозяин порушенного дворца. Вот и выходит, что кто-то

остался в стороне, — заключил Кондратий.

— Так, может быть, к нему подадимся? — прозвучал четвертый голос.

— К кому, к нему?

— Востроносого круглоухого тут не было, того, что ближе всех к Поляне Прихода живет. Ну, к которому обычно заезжаем за лампочками.

— Точно, Артура Мэллорна среди убитых не было, — подтвердил Кондратий. В это мгновение Тарк спустил курок правого ствола. По подсвеченным вспышкой выстрела силуэтам мгновенно отстрелялась Кира, и снова Тарк, и снова Кира. С пяти метров четыре заряда картечи из двух дустволок не оставили налетчикам ни одного шанса.

С убитыми разобрались уже после рассвета. Тарк знал, что оставлять остроухих живыми нельзя — скорость восстановления тканей у них заметно выше, чем у обычных людей. Так что если не нанесено ран, несовместимых с жизнью — велик шанс, что выживут. Добывать никого не понадобилось — грудные клетки злодеям картечь буквально разворотила. Подошли обитатели сакли, услышавшие выстрел, и помогли закопать тела. Из трофеев, однако, интересными оказались винтовки.

Магазин на семь патронов, похожих на бутылочки, затвор, простой на первый взгляд, а на деле устроенный хитро. Не удержались, конечно, охотники, сделали несколько выстрелов, убедились, что отдача у этого оружия хотя и изрядная, но приспособиться к ней можно. И что гильзу снова снарядить тоже получается. Главное — капсюль стандартный, и приспособление для выбивания старого отыскалось в подсумке, и мерка для пороха. Жалко только, что дробью или картечью из него палить нехорошо — нарезы в стволе мешают, зато пуля летит далеко и точно, и формочка для ее отливки тоже в комплекте имеется.

Тарк и Кира четвертый день едут к последнему оставшемуся в живых человеку из старого мира. Молодые люди давно знакомы — вместе выросли, ходили в одну школу и детскими шалостями занимались тоже вместе. А когда стали взрослыми — решили, что не будет ничего худого, если заведут детишек. Вот с этим им не повезло, в том смысле, что делали все как полагается, но безрезультатно. Это и неудивительно — за последнее время детворы в их горных долинах поубавилось. Не все пары оказались результативными. Поэтому сложилась традиция пробных браков. Правитель радовался рождениям, присылал щедрые дары и всячески поддерживал молодых мам и тех, кто составил их счастье.

Но Тарку не хотелось расставаться с подругой. Она отвечала ему взаимностью. Им и без потомства неплохо живется. Только бы еще к этому не помешало и бессмертие. Вот потому-то и отправились они к последнему из правителей, что, кроме него, никто им в этом не поможет.

За спиной остались горные ущелья и долины, дорога повернула к северу. Справа время от времени стало показываться море. Вершины остались слева. Одиноким усадьбы остроухих дают путникам приют на ночь и пищу и им самим, и их лошадям. Расплачиваться приходится неторопливой беседой и новостями. Тарк не первый раз в дальней поездке, так что обычаи ему известны хорошо.

Как они убедят сэра Артура помочь им? Наверное, так же, как и бывшего своего хозяина. Честным трудом и верной службой. Работы они не боятся и умеют многое. А еще в свое время оба хорошо учились в школе, и потом во время дежурств, особенно в пустующих дворцах, Тарку не раз удавалось найти способ добраться до хозяйской библиотеки. Немало прочитал разных книжек — они с Кирой до них большие охотники. В Мэлтере, кроме учебников и описаний техпроцессов, встречается мало написанного, а тем более отпечатанного.

Вот и Поляна Прихода — ровная площадка, покрытая смесью песка и щебня, пропитанного нефтяным битумом. Рядом — каменное строение. Такие сооружения, где хозяйство и жилье сосредоточено под одной крышей, часто строят люди, обитающие поодаль от селений. Натуральный камень, связанный гашеной известью, окованные ворота,

черепичная крыша. В них живут веками, держат коз, хранят сено и сельскохозяйственный инвентарь, а на верхних этажах обитают хозяева.

Глава 5 ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ

Новости, доставленные парой круглоухих, прибывших из поместья Матрохина, не оставили Мэллорна равнодушным. А особенно поразило его не известие, что все его старинные, не друзья, конечно, всего лишь спутники, погибли так бестолково. Даже смешно, если прямо признаться. Так вот, не эта весть оказалась самой важной. Главное — явно выраженное намерение служить верой и правдой новому хозяину. Ему, Артуру Мэллорну. Плата же, которую за многолетнюю верность и упорный труд попросили эти юнцы — бессмертие — вот это действительно — упасть, не встать.

Конечно, он пообещал. Надежные люди среди эльфов не встречались ему уже давно. Они с тобой, пока им это выгодно. А тут — такое сокровище. Причем сразу двое. Оба молоды, энергичны и по-своему не глупы.

— Что же. Принимаю вас обоих на службу, — завершил он долгий разговор. — Разумеется, сеять пшеницу или пасти коров не заставлю, а если останусь доволен, и с детками помогу. Но то, что у меня имеются такие возможности, следует хранить в строжайшей тайне — я ведь не всемогущ, на всех меня просто может не хватить.

Кира просто засветилась от счастья, да и Тарк выглядел обрадованным.

Лопухи, конечно, эти Матрохинские круглоухие. Срок расплаты с ними настанет только через тридцать лет, а за это время чего только не произойдет! К тому же «работать» им предстоит не в доме и не на подворье. Этой паре будут предложены командировки в места, откуда не всегда возвращаются.

Артур долго размышлял о том, как бы поаккуратней прибрать к рукам наследие самого удачливого из их двадцатки. Да и остальные хозяйства тоже неплохо бы подчинить себе. Но опыт — великое дело. Покорять или убеждать — занятия хлопотные. И ради чего так напрягаться? Металла с Урала, угля с Донбасса или нефти из Прикаспия ему и так привезут в обмен на осветительные лампы и радиоаппаратуру. Да, рации теперь удобней возить, чем носить, но они работают, и востребованы. А туз сейчас в рукаве у него, Артура Мэллорна.

Кто владеет информацией, тот и хозяин положения. А главное, именно благодаря питомнику он имеет в своих землях постоянный прирост численности населения, да и сами его люди охотней, чем прежде, прислушиваются к его просьбам. Женщины хотят иметь детей, а помочь им в этом деле его медикам удастся частенько. Зато покойный Матрохин ситуацию с людьми под контролем так и не удержал. Жители его провинции тоже уже почти все — эльфы. Просто сами они об этом пока не догадались. Признак остроухости в первом поколении проявляется только в половине случаев и не слишком ярко. Начиная со второго поколения долгоживущих круглоухие — редкость, а дети обоих долгоживущих родителей остроухи все подряд.

А вот каким путем инфицирование вирусом бессмертия охватило горную страну на протяжении менее одного столетия — это очень интересно. Надо бы разобраться.

Мудрый и дальновидный хозяин провинции что-то не предусмотрел, и под его неусыпным присмотром произошло то же самое, что и во всем Мэлтере. Просто значительно позднее.

Ночная прогулка завершилась в густом кустарнике, откуда хорошо видны корпуса лаборатории Матрохина. Тарк и Кира здесь не первый раз, и давно убедились в том, что младший персонал по-прежнему честно выполняет то, что в свое время поручил им хозяин. Все содержится в образцовом порядке. На ночь работники уходят домой, а дежурный у главного входа, обойдя двери и убедившись в том, что они заперты, укладывается спать в

своей сторожке до утра.

Все работы тут проводили только остроухие потомки Матрохина, погибшие в Осеннем дворце. Почти месяц никто, кроме уборщиков, не входил в эти помещения. Бывший охранник не раз бывал тут раньше и прекрасно знает, как открыть дверь, ведущую из процедурного корпуса в сторону анатомического театра. Просто снять накладку и отодвинуть ригель концом ножа. Есть! Ставим все на свои места и запираем изнутри — тут ключ не требуется. Собственно, снаружи тоже никаким ключом с этим запором не справиться — он перестал открывать этот замок еще двести лет тому назад, а если поменять его на щеколду, функцию которой он по существу и выполняет, то в двери останется дырка, которую придется как-то заделывать.

Не зажигая фонаря, Тарк на ощупь прошел на второй этаж и долго возился с замком кабинета. Хотелось обойтись с ним аккуратно, чтобы не оставлять следов. Наконец вошел. Отодвинул большой и очень легкий шкаф для одежды, закрывающий то, что ему нужно, и обнаружил, что металлические створки хранилища расположены там же, где были всегда. Ключ от них тоже лежал на своем месте — в кармане халата, висящего на гвоздике у двери.

Книги, папки, тетради — все это, не зажигая света, упаковал в принесенные с собой мешки и почти час таскал к двери из здания. На лестницу и в коридор лучи ночного светила не попадали, поэтому действовал вслепую. Потом опять долго возился около двери в кабинет, аккуратно закрывая вскрытый с таким трудом замок. Лошадок Кира привела вовремя. Их обмотанные тряпками ноги ступали почти бесшумно. Навьючили — и в дорогу. Правильно рассудил новый хозяин — лучше охранника вора не отыщешь. Тарк раньше частенько дежурил в этом здании. Да и про другие библиотеки Матрохина он тоже прекрасно знает, частенько брал оттуда книжки во временное пользование. Нравится им с Кирой читать, вот просто нравится, и все.

Пополнить свой питомник людов свежими экземплярами с Земли Мэллорн пытался еще трижды. Один раз охотники привели сразу трех самок, второй раз — мальчика, а на третий — не вернулись. Больше никого убедить в необходимости экспедиции за материалом для лекарства плодородия ему не удалось. Питомник, в котором содержались эти неразумные копии людей, функционировал на всю возможную мощь. За почти двести лет использование биологического материала, выращенного здесь, позволило появиться на свет полтора сотням эльфов.

Доктор Курт Праз умертвлял экземпляры, потерявшие ценность для дальнейшего воспроизводства поголовья и, добыв что-то там внутри, готовил инъекции, позволявшие эльфийкам зачать, выносить и родить ребенка. Иногда удавалось обеспечить несколько удачных беременностей, а случалось, что смерть люда не приносила ни одного успеха.

Сами эти существа хотя и приручены, но сообразительностью не отличаются.

Смотрителям удавалось их дрессировать, закрепляя в условных рефлексах навыки, облегчающие жизнь обслуживающего персонала — купание, прием пищи, переход в соседнее помещение на время приборки, оправка в предназначенном для этого месте. Не более.

Важно то, что неразумность наследовалась. Это наводило на мысль о характере катастрофы, уничтожившей земную цивилизацию. Людей лишили разума, и даже возможности его обрести. Если это так, то шансов на выживание биологический вид Хомо практически лишен. Другие хищники лучше вооружены, а растительноядные — растительноядней. При этом — устойчивей к изменениям погодных условий, подвижней и во всех отношениях имеют прекрасные шансы на то, чтобы вытеснить людов из любых биологических ниш, в которых они еще сохранились. Это просто вопрос времени. Потому-то и следовало поторапливаться с отловом и переправкой в Мэлтер того материала, что еще можно отыскать на старой Земле. Потому так ценен Тарк, обязавшийся служить Мэллорну верой и правдой. Они с Кирой и станут работать ловцами людов. Только следует поддержать в них правильное настроение.

— Что дали твои географические изыскания, Тарк? — Молодые люди и хозяин провинции расположились на мягких диванах, расставленных на деревянном полу под просторным навесом. Эльфийка следит за тем, чтобы легкое вино в их бокалах не иссякало. Тень — хорошее место посреди жаркого летнего полудня, а кромка пруда расположена у самого края веранды и оборудована купальными мостками.

— Земля и Мэлтер действительно очень похожи друг на друга, — этот юноша — большой книголюб, с ним интересно разговаривать. — Геологическое совпадение выглядит идеальным. А вот распределение влаги по поверхности заметно отличается. Скажем, уровень Каспийского и Аральского морей у нас значительно выше. Бывшие пустыни северной Африки, Средней или Центральной Азии заросли густыми лесами или высокой травой. Огромные озера и полноводные реки занимают те места, где в вашем мире лежал сухой песок или растрескивалась от жары почва.

От этого уровень Мирового океана стал несколько ниже, но в целом климат заметно мягче и теплее. Ледники на горных вершинах здесь, в Мэлтере, значительно больше, как и ледник в Гренландии и на полюсах. Зато побережье Антарктиды освободилось ото льдов, обнажились широкие полосы суши. Там даже растут леса и отмечены участки тундры. Зато толщина ледяной шапки в центре материка здесь больше.

Кстати, толщина льда на полюсе в Северном Ледовитом океане тоже фантастическая. Тот факт, что массив замерзшей воды там поднимается над морем на сотни метров, дает основание полагать, что эта ледяная гора опирается на дно. Во всяком случае, дрейф ее в период вашей высадки разведчиками не отмечался.

Тарк отпил глоток и принялся к запахам, доносящимся с кухни. У сэра Артура отличные повара.

— Ну а где, ты думаешь, стоит поискать людов на старой Земле? — Артур попытался вернуть разговор в практическую область.

— Мне кажется, нам следует отправиться в тропики. Причем лучше всего в Южную Америку, — вступает в беседу Кира. — Там, в теплых краях тропической зоны, лишенные шерсти существа имеют неплохие шансы выжить. Палки и камни так или иначе дают возможность противостоять хищникам, хоть какой-то толк от рук, приспособленных к труду.

— А чем нехороша Африка? Те же тропики, но, чтобы проникнуть туда из зоны, подготовленной для переноса, не потребуется пересекать океаны, — интересуется Мэллорн.

— В Америке меньше препятствий для миграций с севера на юг и обратно. А в Африке Сахара и пустыня Намиб практически непреодолимы для людов. Потеряв разум, те, кто выжил, пойдут зимой к теплу, а в жару потянутся к прохладе. Там, где препятствий встречается меньше, таких переселенцев соберется больше просто по закону больших чисел.

— Хм. Пожалуй, плато Наска выглядит перспективным. Место старта из Мэллорна менять не нужно, но площадку прибытия на Землю необходимо снабдить маяком. Тогда доставка добытого материала окажется возможной напрямую, — рассуждает хозяин. — Но для этого вместе с вами в старый мир придется доставить транспортное средство. Большую лодку или маленький корабль, на котором вы с Тарком доплывете до побережья Южной Америки, а потом дойдете до цели путешествия пешком.

Всего четыреста лет прошло с момента переброса сюда людей, а потеря технического уровня просто колоссальная. То, что перестали работать компьютеры и вышли из строя принтеры — полбеды. Нет предприятий большой химии, и, как следствие, полупроводниковые технологии не воспроизведены. Хитрюга Матрохин в своей горной стране сумел организовать множество небольших заводов, но, в основном, по переработке сельхозпродукции и местного сырья. Моторный завод — скорее комплекс мастерских, чем полноценное предприятие. И радиоаппаратуру делают на электронных лампах, частично дублируя продукцию усадьбы Артура. Прядут, ткут, производят посуду и инструменты, причем все это сбалансировано и направлено не на ускорение технического прогресса, а на

долгую комфортабельную жизнь.

Лодку для путешественников сделали в низовьях Дона, перегнали на Кубань, поставили на нее мотор и настелили палубу. Припасов и горючего загрузили с запасом, а потом долго ждали подходящего момента. Ложные маяки, природу которых Артур так и не понял, возникали раз за разом, вызывая чувство тревоги. То есть кроме тех объектов мира, к которым удобно привязывать точки входа и выхода, и которые были им обнаружены раньше, проявились иные образования, сходным образом концентрирующие поле вероятности. И в разные моменты они проявляются с разной силой.

Захват, активатор сработал, как всегда никаких ощущений в момент переброски, кроме легкого хлопка по ушам от перемены давления, но вместо глади тихого озера лодка посреди бескрайнего океана. Справа в нескольких километрах из воды торчит острая ледяная вершина, и плавные длинные валы раскачивают лодку.

— Куда нас забросило, Тарк? — Кира выглядит озябшей. Действительно, влажный ветер студит не на шутку.

— Понятия не имею. Судя по наличию айсберга, это или Арктика, или Антарктика. Причем непонятно, Мэлтера или Земли. — Из рундука достаются свитеры, теплые штаны и куртки, и ребята облачаются в одежду, более соответствующую погоде. — И небо, как назло, затянуто, даже солнца не видно.

— Солнце на севере, — отвечает Кира, взглянув на компас. — Его хоть и не видно, но небо светлее в той стороне. И светило сейчас невысоко над горизонтом.

— Если мы в полярных водах, то наблюдать его летом можно со всех сторон, — Тарк заводит мотор и дает ход. Через несколько минут лодка вползает на водяной вал и удерживается на его покато́й вершине, замерев на ровном киле.

Кира изучает горизонт в бинокль.

— Ни одной зацепки. Таким курсом мы идем на запад. Судя по всему никакой надежды узнать, куда нас забросило, мы не имеем. Попробуем вернуться, пока лодка на ровном участке?

— Попробуем.

Захват метки, активатор сработал, как всегда никаких ощущений в момент переброски, а вокруг густой тропический лес, и ничего вокруг не видно. Лодка стоит в густой траве на скромных размерах прогалине. Тут жарко и влажно.

— Проклятье, Тарк! Это может быть и Южная Америка, и Африка, Индия, Индонезия или северная Австралия. Смотри — солнце в зените. И как, скажи на милость, отличить истинный маяк от ложного?

Некоторое время молодые люди глядят на экран, где в наличии сразу четыре метки. Наконец приходит понимание, что выбор можно сделать только случайный, и — новый перенос. Снова тропики. Лодка опять на суше.

— Если считать, что мы скакали с Мэлтера на Землю и обратно, то сейчас попали опять на Землю, причем именно в тропические области, куда и хотели добраться, — кажется, Кире здесь нравится. Или просто стало страшновато от метаний через проход между мирами.

— Да, пожалуй, стоит осмотреться, — когда нет надежных данных, остается положиться на предчувствия женщины.

Две недели Тарк и Кира изучали окрестности. Закрыв лодку чехлом из прочного брезента, пошли по расширяющейся спирали. Местность тут равнинная, заросшая незнакомыми деревьями, затянутыми ползучими лианами и вьюнками. К развалинам города вышли на четвертый день, от лодки до него оказалось километров десять. Железобетонные конструкции — каркасы зданий или плиты перекрытий — еще держались в целом, но многие уже не на своих местах, а упав или перекосившись.

Вездесущая трава и кустарник торчали откуда ни попадя, проникая своими корнями в любые щели и нарушая целостность любых сочленений. Ни в подвалах, ни в пещерах, в которые

превратились помещения, признаков людей обнаружить не удалось. Зверье вело себя так, что становилось ясно — человек не царь этих мест. А, скорее, добыча. Потому что леопарды пытались полакомиться разведчиками четырежды. Если бы не осторожность Тарка, быть бы им съеденными. А уж безмозглые людю рядом с хищниками таких достоинств выжить не могли бы никак.

Вернулись к лодке, активатор, как это нередко случалось, давал только одну метку, но надежда на то, что это правильный маяк, слабовата. Однако никакой другой и вовсе нет, так что надо решаться.

Переход, и тихая заводь в долине Кубани. Дома.

Следующая экспедиция снова началась в лодке. На этот раз перенос произошёл штатно. Из заводи попали в сухую низменность практически в той же самой точке поверхности Земли, с которой стартовали на Мэлтере. Ложных маяков не было. Мгновенно вернулись обратно, и снова без происшествий. Сменили транспортное средство — пересели на лошадей — и уже вместе с ними прибыли на полсотни метров севернее, чем в прошлый раз.

Кавказ и его окрестности — места, где леса и степи просматриваются лучше тропических джунглей. Убережись от хищника тут проще, а зимой несложно перейти южнее, чтобы не так страдать от холода — вот так на этот раз рассудили относительно местности, в которой стоит разыскивать людю. Интерес к тропикам они потеряли окончательно.

Развалины домов или остовы каменных сооружений оказывались на тех местах, где в стародавние времена их, ещё крепкими и новыми, положили на карты картографы. Но кострищ нигде приметить не удалось. Потерявшие разум люди, кажется, полностью лишились всех способностей, развитых в них длительной эволюцией. Тарк не раз разговаривал с Кирой об этой grimase судьбы. Но, кроме сетований и удивления, ничего в их головы не приходило. Загадка катастрофы человечества была таинственна и воспринималась с ужасом, ведь все прочитанные ими книги были написаны людьми, раньше населявшими эти пустынные просторы. Изображения заводов и плотин, описания самолетов и космических кораблей произвели на молодых людей сильное впечатление — Мэллорн позволил своим доверенным беспрепятственно пользоваться библиотекой, почти наполовину состоящей из книг, добытых стараниями порученцев за счет «эвакуации» хранилищ Матрохина.

Небольшую стаю людю отыскивали во время их перехода через лесостепь. Ампулы со снотворным, выпущенные из ружья, сделали свое дело. Сразу одиннадцать особей репродуктивного возраста — редкая удача. И переброска прошла нормально.

Последующие вылазки завершились впустую. Ребята прочесали Южный Прикаспий. Прошли на Анатолийский полуостров, но чем дальше, тем меньше надежды на успех. В этих местах встречались тигры, для них безоружный человек — просто ходячая котлета. А севернее, где в густых лесах преобладали волки, справиться с которыми можно и при помощи палки, зимой без огня и одежды места для людей просто необитаемы. И вездесущие леопарды тут тоже отмечались, а против таких зверей людям абсолютно ничего не светит.

Потомки людей проигрывали борьбу с другими животными. Если сохранились ещё где-то представители биологического вида «Хомо», то попробуй-ка отыщи их!

411 ЛЕТ

Двое ребяташек целиком и полностью занимали внимание Киры и Тарка. Мэллорн старался не тревожить семейное счастье своих порученцев. В конце концов, они сделали для него, наверное, больше, чем он мог надеяться, когда принял их услуги в обмен на дар долгожительства. Что касается самого этого дара, то никакого сомнения в том, что эти люди и безо всякого вмешательства долгожители, не оставалось — усилия доктора Курта Празы,

стоившие жизни двум людям, позволили Кире зачать, выносить и родить сначала мальчика, а потом девочку. То есть точно так же, как и у остальных обитателей этого края, способность не стариться и возможность иметь потомство вступили в противоречие.

Записи Матрохина подтвердили версию о том, что в его епархии это свойство стало массовым среди населения. Во всяком случае, явный признак — удлиненные уши, появляющийся лишь во втором поколении, если оба родителя бессмертны, там перестал быть редкостью, а остался ли среди обитателей горной страны хоть кто-то с нормальной длительностью жизни — отвечать на этот вопрос бессмысленно. Это не люди, оттуда никого не украсть. А потом, разменивать одну разумную жизнь на другую — это просто не стоит хлопот. В конце концов, если женщина способна рожать, она это и делает. А уж об эффективности мужчин и говорить нечего. Их деятельность во славу продолжения рода выше всяких похвал.

Только судя по данным, осторожно собранным Мэллорном, репродуктивных недолгоживущих женщин действительно больше нет. То ли Матрохин недосмотрел, то ли это такая изощренная месть покойного доктора на случай его гибели? Видимо, он что-то такое подстроил, ведомое только ему, делающее нормальный вариант воспроизводства невозможным без его вмешательства. Попытка разобраться в похищенных бумагах ясного ответа на этот вопрос не дала. Или записи по теме хранились отдельно?

Посылать разбираться с потерей горцами способности размножаться Артур никого не решил. Сделал все сам. Съездил в те края и поспрашивал людей. Картина оказалась — проще некуда. Достаточно было нескольким семьям долгоживущих, формально принадлежавших соседнему поместью, но искренне считавших себя свободными людьми, повстречаться с охотниками из селения матрохинских подопечных, и вся комбинация с изоляцией начала рушиться. Одна-единственная эльфийка, вышедшая замуж и переехавшая в горную страну в дом своего избранника, родила от недолгоживущего мужа семерых крепких мальчуганов. Некоторое время проблем с деторождением не возникало, потому что женились они на обычных женщинах. Да и вообще немыслимо углядеть за сотнями тысяч подопечных.

Но спустя всего полстолетия ситуация усугубилась. Люди — существа разумные, и они быстро подметили, что возрастные изменения у детей и внуков одной «девушки», которая даже не пытается стариться, практически отсутствуют. И не только в брак с ними вступали охотно, но и во внебрачные связи, нередко изменяя законным мужьям. Показатель геометрической прогрессии роста численности потомков одного человека резко возрос. Причем от Матрохина и его родни этот факт старались скрывать — а вдруг дарующий бессмертие осерчает? Второму-то партнеру, недолгоживущему, ссориться с кудесником не с руки.

Поэтому за менее чем три столетия недолгоживущие репродуктивного возраста резко уменьшились в числе. Как только это стало влиять на рождение детей — возник институт пробных браков, в результате которого молодые люди находили супруга, с которым у них появлялось потомство, и внешне снижение скорости прироста населения не выглядело угрожающим. А потом очень быстро детки рождаться перестали. Тарк и Кира — из последнего поколения. Результат союза долгоживущего с недолгоживущим.

А недолгоживущие стали долгоживущими, потому что Матрохин выполнил принятое на себя обязательство. Да еще и стерилизовал их. Засада. Как будто нарочно отсек последнюю ниточку.

Услышав рассказ об этом в десятый или одиннадцатый раз — данную историю, как выяснилось, знал каждый пятый горец, — Артур вернулся домой. Подозрение, что все на самом деле не так просто, как представляют себе жители бывшего матрохинского поместья, не покидало его. Но других сведений просто не было.

Итак, вся надежда человечества сейчас — питомник людов. Увы, это от одного до трех

рождений в год. И по здешним масштабам это много. Если сведения, которыми он располагает, верны, появление на свет новых долгоживущих стало редким событием. За более чем полтора десятка лет, прошедших после побоища у Осеннего Дворца, даже в густонаселенных горах родилось около двадцати малышей, в то время как здесь, стараниями доктора Празы, — двадцать девять.

Только этот превосходный результат не так уж хорош. Проблема с приростом населения остается. Нет, от старости уже почти не умирают. Некому. Но несчастные случаи, особенно на охоте, уносят жизни людей. И он, Артур Мэллорн, понимает, что у человечества совсем плохи дела. Что нужно упорно работать, что необходима свежая кровь.

414 ЛЕТ

Тарк и Кира, конечно же, навестили своих родителей, тем более что Кирина папа и мама Тарка овдовели. Сами-то они выглядят молодыми, но их супруги состарились и умерли. Как раз их возраст не успел получить от Матрохина прививку бессмертия. Теперь у каждого из оставшихся в живых родителей своя семья, в которой, увы, не слышны детские голоса, а маленькие ножки не топают по полу.

Молодые люди, конечно, полностью в курсе причин, по которым так случилось, но распространять эти сведения хозяин им не велел. А приезд внуков оказался настоящим праздником для всего селения — малышей баловали наперебой. Поэтому визит пришлось поскорее сворачивать и убираться восвояси, пока ребятишки не превратились в домашних тиранов.

Так что сейчас все четверо обитают в скромном саманном доме, построенном неподалеку от ручья рядом со склоном горы, заросшим густым лесом.

— Тебе не кажется, что со стороны хозяйской усадьбы слышна стрельба, — жена разбудила его, едва забрезжил рассвет.

— Уверен, что стреляют. Причем из охотничьих ружей, — Тарк уже вскинулся и начал быстро одеваться. Кира складывает в его ранец набитые обоймы, вынимая их из своего подсумка и добавляя снаряженные патроны россыпью. Она не попытается его удержать, знает, что это невозможно.

У поворота дороги придержал коня и оглянулся. Да, жена с малышами уже выехали и направляются в противоположную сторону. Их дело — уцелеть. А его место — в гуще событий.

К усадьбе подкрался со стороны сада. Хотя стрельба и завершилась, но чем она закончилась — это ведь непонятно. Тихонько выглянув, увидел печальную картину — тела убитых на крыльце большого дома, разрушенную ограду питомника и незнакомых людей, ведущих допрос служителя, подвешенного к перекладине ворот за вывернутые назад руки. Спокойно прицелился, отстрелил главаря и бегом наутек.

Как и ожидал, справа его попытались перехватить, обогнув дом по тропе. Вот этого перехватчика он и подловил, как только тот выглянул из-за угла. А сам шмыгнул в сарай и через оконце всадил пулю в грудь третьему, что догонял его без хитростей, прямо по следам. Знание местности — великое дело. Вскарабкался наверх и через слуховое окно свалил еще двоих, затаившихся за колодой, из которой поили лошадей. Отсюда они — как на ладони.

Через творило для подачи сена выскочил на разгрузочную площадку и вбежал в кухню. Мэллорн с развороченной грудью лежал в проходе из гостиной на веранду. Перепрыгнув через бездыханное тело, застрелил еще одного незнакомца, притаившегося спиной к нему за ближайшим кустом и держащего на прицеле дверь сарая.

Все. Заранее просчитанная часть действий завершена. Теперь быстро в дровяник и через него — в малинник. Из-за плетня раздались выстрелы, хорошо, что сразу упал и вжался в канаву, но спину обожгло и зацепило то место, на котором сидят. А вот справа

виден силуэт, шевелящийся за тонкой изгородью из прутьев. Выстрел. Открыл затвор, вставил обойму и нажимом загнал патроны в магазин. Из-за плетня больше не стреляют. Видимо, сменили позицию после потери товарища. Ему тоже пора.

Рывок к погребу, бросок вправо, прыжок через канаву, и высокая, в рост человека крапива сомкнулась за его спиной. Он не знает, сколько нападавших осталось в живых, где они расположены и какие у них планы. Поэтому, проползая на животе под ветвями ежевики и оставив на ее колючках клочки одежды, вскарабкался на раскидистый орех. Отсюда хорошо видно, что несколько человек снуют по подворью, прячась за изгородями и кустами, осторожно выглядывая из-за углов. Его разыскивают, хотя и напуганы. Служитель, которого допрашивали, воспользовавшись тем, что перекинутый через перекладину ворот конец веревки отпустили, удрал, а больше никого из знакомых ему обитателей усадьбы не видно.

Слева по дороге приближается группа верховых — скорее всего местные жители мчатся на помощь. А те, кто его разыскивал, явно отходят к тропе, что вьется по склону. Четверо. Нет, пятый их догнал.

Тарк хладнокровно отстрелил заднего и, спрятавшись за толстым стволом, переждал ответный огонь. Налетчики вооружены обычными двустволками, так что им пора перезарядиться. Выглянул — а все уже спрятались. Или листва ореха мешает ему разглядеть то, что нужно? А конский топот все ближе, налетчики затаились.

— Ардан, тут четверо с двустволками спрятались у тропы, что идет в гору, — гаркнул Тарк во весь голос, едва верховые остановились. Его услышали, спешили и, пригибаясь и скрываясь в растительности, стали пробираться вверх по обе стороны тропы.

Налетчики зашевелились, одного Тарк угадал и застрелил, потом его орех снова обстреляли, но тут подоспела прибывшая подмога, и оставшаяся в живых троица завопила, что они сдаются.

Сдаться у них не вышло. Едва они, подняв ружья за стволы вверх прикладами, вышли с тропы на дорогу, из кустов с противоположной стороны раздался ружейный залп, и налетчики попадали. Попытка схватить убийц ничего не дала — убежали они стремительно, а оседланные лошади ждали неподалеку. Пока верховые объезжали заросли, чтобы выйти на след, прошло достаточно времени, чтобы бесперспективность погони стала очевидной.

По следам удалось понять только то, что лошадей в этом месте стояло десятка три, а всадников, что увели их с собой, то ли пять, то ли шесть. А ушли они в сторону степи.

Осмотрев убитых, Тарк с прибывшими на помощь соседями восстановил примерную картину событий этого утра. Охрана обнаружила нападение и встретила атакующих ружейным огнем. Охотничьи двустволки налетчиков — это совсем не то, что винтовки охранников Мэллорна, поэтому пока справились, полтора десятка человек потеряли. А потом выяснилось, что кто-то из служителей питомника во время заварухи успел увести людов, и доктор, которого обязательно следовало пленить, тоже успел скрыться. Поэтому-то и принялись пытаться не успевшего сбежать чистильщика клеток, чтобы вызнать, где искать пропажу. А тут Тарк все им спутал в очередной раз.

Смущало отсутствие раненых. Ведь даже своих добились. Невольно припомнились события в Осеннем Дворце. Снова нападение на усадьбу владельца провинции, и опять ни одного живого участника событий не оставлено. И вот еще что! Последний из оставшихся в живых выходец со старой Земли погиб насильственной смертью.

Прочитав все книги из библиотек Мэллорна и Матрохина, Тарк задал хозяину немало вопросов, и картина прошлого ему понятна. В старом мире люди не проживали и сотни лет, но у них рождались дети, которые учились и нередко превосходили предков в науках или ремеслах, чтобы оставить свои знания потомкам. Похожим образом обстояли дела и в горной стране, где вырос он и его жена, но это закончилось. Теперь люди не старятся и не умирают, но и детишки у них не заводятся, за исключением редких случаев. А опытные, умудренные жизнью, несмотря на свой юный вид, обитатели Мэлтера довольствуются тем, что имеют и не особенно стремятся к тому, чего у них нет.

— Тарк, по всему выходит, теперь тебе нужно володетелем быть. — Максим Катапут, что привел подмогу, вывел парня из задумчивости.

— А чего это я? Мы с Кирой тут чужаки, приезжие.

— Нам без разницы, откуда вы взялись. Главное, питомник сберечь, чтобы дети рождались, а ты в этом лучше всех должен понимать. И сэр Артур наверняка тебе много такого рассказал про все, отчего да почему. В общем, командуй.

— Да ведь некем, считай, всех побили, супостаты. Давай-ка порядок заведем: кому детишки нужны — пускай послужат на подворье да на посылках. А без этого мне тут с делами не справиться.

— Так мне нужен наследник. Послезавтра с женой переберемся сюда.

— Не надо с этим спешить. Ты лучше возьми еще троих желающих, да ступайте по следу. Догонять не надо, а вот узнать, куда эти гады подались, обязательно нужно. Явно ведь намеревались и людов и доктора заполучить, чтобы обзавестись детишками.

— Да мы все отправимся, — заверяет Максим.

— Не надо всем. В ближайшие годы только на четыре попытки материала имеется. Да и то неведомо, удачно ли пройдут.

Про то, что людям, желающим стать родителями, рассчитывать надо на долгую службу, он объяснит позднее, когда все успокоится. А сейчас важно убедить собравшихся в том, что расплачиваться он намерен честно. Тарк уже пересчитал людов, что под присмотром служителя прошли обратно в помещения питомника. Они ручные и послушные, но запоры прочны, и решетки надежны. Всяко бывало. Особенно после прогона их по огороженной беговой дорожке.

Глава 6 НАСЛЕДНИКИ

Тарк упорно перечитывает бумаги погибших хозяев. И первого — Матрохина. И последнего — Мэллорна. Чем больше читает, тем сильнее запутывается. Врач, конечно, оставил немало записей о долгожителях, о своих наблюдениях за ними.

Он, оказывается, начал заниматься вопросом еще за сто с лишним лет до переброски сюда, и сам сделал прививку бессмертия примерно двум десяткам мужчин и своей жене. При первых опытах источники материала чаще гибли, чем выживали. А вот потом он научился делать отбор, не нанося вреда здоровью донора. То есть, теоретически, был способен одарить долгой здоровой жизнью хоть бы и все человечество при наличии в своем распоряжении хотя бы одного, как их там называли, эльфа. Но придержал это знание и умение до тех пор, пока не возникла возможность использовать разработанную технологию исключительно в собственных интересах.

Или он догадался о снижении репродуктивной функции у бессмертных? Ответа на этот вопрос записи не давали. На Земле надежных данных получить было невозможно, поскольку связи долгоживущих никто не контролировал. Вряд ли кто-то из высокопоставленных чиновников или успешных дельцов планировал увеличение семьи, а если и случилось что-то, то ведь от обычной женщины ребенок рождался без затруднений. И его судьбой никто не интересовался. И мало того, что сам он становился долгожителем, но и все дети его тоже. Но за столетие в многолюдье того мира это никто не подметил. Ну, прожил человек много лет, бывает. Выглядит хорошо? Случается.

Выходит, закономерность Матрохин подметил уже здесь, на Мэллорне. То есть то, что если привиты оба партнера, то беременность не наступает.

Тарк прошелся по комнате. Полистал еще раз записи нужного периода. Ага. Вот оно что! Он все знал заранее. У его супруги репродуктивная функция в момент прививки еще не прекратилась по возрасту. И сохранилась до самой кончины в Осеннем Дворце. А беременность не наступала. Тогда, получается, Виталий Романович — хитрая лиса, несомненно, должен был все предусмотреть. Где же он просчитался? Мутное место, кажется,

нарочно запутанное. Такое впечатление, что между строк сокрыто нечто важное.

В записях, касающихся «награждения» долгой жизнью, четко указывается, что проводилось оно только в отношении женщин после климакса, а мужчин при этом стерилизовали — значит, передачи бессмертия по наследству не происходило. То есть версия, которую они с Мэллорном в свое время приняли, оказалась неверной. Как же в действительности обстояли дела? Каким же образом и кто сумел надуть этого хитреца, вот что интересно.

Читая дальше неразборчивый быстрый почерк и понимая порой только отдельные слова в сплошных незнакомых терминах, дошел и до места обнаружения случаев проблем с деторождением среди населения. Что интересно, отмечались они редко, а после предложенных общеукрепляющих средств, как правило, все становилось на свои места. И опять ощущение недосказанности.

Тарк решил обсудить этот вопрос с Кирой. Они ведь родом из тех самых мест — из горной страны Матрохина. Все это, по крайней мере, последние годы, происходило на их глазах. Когда они росли, детишек в школах было полным-полно. И молодые мамочки с колясками встречались нередко. Почему же вдруг в одночасье вместе с гибелью доктора редуцировалась репродуктивная функция полумиллионного народа?

Если в записях Матрохина, в основном содержащих сведения о медицинских наблюдениях и изобилующих малопонятными специальными терминами, отыскивать интересные моменты было трудно, то в рабочих журналах Мэллорна все оказалось значительно хуже. Они были выполнены по-английски. Простая подстановка слов из словаря приводила к получению немыслимых фраз, постичь смысл которых не удавалось. Когда речь шла о технике, схемы и пояснительные записи на них иногда давали ключ к разгадке, но ради того, чтобы разобраться в смысле, приходилось перерывать учебники и справочники.

А ведь содержание взятых с собой библиотек было рассчитано на уровень настоящих ученых. Поэтому между сведениями из общедоступных школьных учебников и тем, что содержалось в серьезных трудах по теории поля, по разработкам и моделям видов взаимодействия, имелось белое пятно неизвестных размеров. То самое, которое заполняется при получении систематического образования и занятиях наукой. Тарку удалось выяснить только то, что речь шла о взаимодействии поля вероятности с электромагнитным полем, не столько сильным, сколько специально сформированным и сориентированным. А важнее всего была точность этой настройки, меняющаяся в зависимости от местных условий. И обеспечить ее без специально спроектированного сложного устройства, именуемого процессором, было немыслимо.

То есть если датчики и излучатели, пусть и с великим трудом, повторить в принципе возможно, то для организации взаимодействия необходимо решать задачи, требующие сотен вычислений в секунду. Из полутора десятков оставшихся после хозяина устройств, непонятно почему названных активаторами, только в пяти после включения эти процессоры проходили стартовую проверку. Сэр Артур говорил, что удивлен, почему они все еще работают — физическое старение, просто в связи с процессами, подверженными воздействию неумолимого времени, должны были привести к отказам.

А вот о том, как происходит переход, ничего разобрать не удалось. Пожалуй, установить удалось только тот факт, что время на Земле и в Мэлтере идет с одной скоростью, и перемещаться получается в тот же день и час, что и в точке отправления. Зато в разные места, туда, где конфигурация поля вероятности приобретает определенные очертания. Но это было известно и раньше, ученый им с Кирой это специально втолковывал. Наверное, поэтому и прочитать удалось.

Тарк и Кира уже немолоды. Они знают, что дарованная им жизнь не вечна. Уходят из жизни те, кто появился в этом мире вскоре после появления здесь людей. И только сейчас становится понятно, отчего так беспокоился Артур Мэллорн. Людей на планете становится все меньше и меньше. Питомник людов, если бы размножение его питомцев шло, как и положено, в геометрической прогрессии, за прошедшее тысячелетие должен был бы обеспечить детьми многие тысячи супружеских пар. А вот не выходит.

У людов случаются выкидыши, мертворожденные, и даже роженицы умирают. В удачные годы удавалось обеспечить Мэлтеру пять новых жизней, в неудачные — одну. И ситуация с годами становится все хуже и хуже.

Квалификация медиков не возрастает, потому что реальной работы у них нет. Долгоживущие, которых первые хозяева за острые уши называли эльфами, не болеют. А при травмах, если не погибли сразу, восстанавливаются при минимальной помощи — кровь остановить, правильно сложить перелом или вправить вывих, и вскоре повреждения заживают. Несколько врачей, конечно, имеют постоянную практику в питомнике, но, кажется, законы больших чисел работают. Нет конкуренции — прогресс не движется.

Тарк за эти годы успел значительно меньше, чем, наверное, смог бы в других условиях — в мире, где люди соревнуются за успех, стараясь затмить друг друга своими достижениями. Тем не менее, именно тут, где сконцентрировались желающие обзавестись потомством, кое-что сделать все-таки удалось.

Почти два десятка вылазок на старую Землю, проведенных без потерь, поскольку опыт Тарка и Кире позволил учесть возможные риски, принесли удачу трижды. Семеро людов репродуктивного возраста удалось добыть упорным охотникам. Конечно, члены экспедиций были вознаграждены — стали родителями. Но факт вымирания вида Хомо сомнений не оставлял.

Кроме того, старела аппаратура. К последней вылазке оставался работоспособным только один активатор из числа привезенных из глубокого прошлого. Естественно, его попытались скопировать. На электронных лампах. И с вакуумным кинескопом вместо плоского экрана.

Эта эпопея потребовала огромного напряжения мысли. Пришлось создать полтора десятка приборов, в числе которых осциллограф был первым шагом. Частотомеры, измерители амплитудно-частотных характеристик, электростатические вольтметры и чувствительные микроамперметры — работа над некоторыми отняла годы. Годы проб и ошибок, надежд и разочарований.

К счастью, дети, и не только свои, подготовленные в прекрасной школе поместья, во многом помогли. Некоторые увлеклись и остались в усадьбе, ставшей подобием университета, где учеба, научная работа и техническое творчество объединили группу единомышленников.

Крошечный островок передовой мысли на бескрайних просторах огромной роскошной планеты, заселенной людьми настолько редко, что, если бы не радиосвязь, они могли забыть о существовании друг друга. Если по первоначальному плану основная масса поселенцев сконцентрировалась на Кавказе и в его предгорьях, и только на Урале разместились поместья металлургической ориентации, да по притокам Дона поселилась пара групп, первоначально ориентированных на добычу угля и углехимию, то постепенно картина расплылась. Огромная масса населения горной страны Матрохина постепенно сориентировалась на отгонное животноводство в поясе обильных трав лесостепях, протянувшихся от Северного Причерноморья через бывшие Казахстан и Южную Сибирь до бывшей Монголии, ныне обильной тучными пастбищами.

Вдоль течения Тигра и Евфрата, по Берегам Черного, Каспийского и Красного морей разошлись на моторных лодках отдельные семьи, поселяясь в прелестных уголках, уютных долинах, на склонах живописных гор или на равнинах, где обильна охота, а растительную пищу поставляли заросли посаженных поселенцами плодовых деревьев. Маслины и орехи, манго, папайя, финики, саго, хлебное дерево, бананы — землешество практиковалось в

самых скромных объемах. И никто, кроме хищников, не представлял для людей никакой опасности. А уж справиться с ними при наличии огнестрельного оружия не так-то сложно.

В результате горные долины потеряли три четверти населения. Там остались те, кому больше нравилось жить в условиях благоустроенных городков и труд под крышей производственных зданий. Заводы работали. Средства связи, оружие и боеприпасы производились наряду с двигателями, генераторами и инструментами. Основным вариантом общественно-экономической формации стала анархия. Всяк сам по себе. Всего вдоволь и бороться не за что. Редкие случаи рождения детей, происходившие вдали от старых поселений, чаще всего приводили к тому, что новые люди образования не получали и росли, общаясь с родителями и немногочисленными соседями. Не все даже выучивались читать.

И только тут, в Мэллорновке, теплилось слабое подобие общества, связанного общей задачей — продолжить род. Поэтому и работали лучшие умы над репликацией активатора, что никакого иного способа обеспечить прирост населения без поступления в питомник людов представить себе никто не мог.

Если создание исполнительной, физической, части активатора было сложным, то управляющий узел — процессор с «защитой» в него программой, долго оставался серьезнейшей проблемой. Записи и комментарии на полях схем и описания программы прочитали на все лады и интерпретировали в сотнях вариантов. Постепенно прояснилась его роль, реакция на входные сигналы и характеристики выдаваемых управляющих команд. А потом начались попытки реализовать распутанный алгоритм на доступных элементах — лампах и реле.

Постепенно вариант с реле возобладал — удалось добиться приемлемого быстрого действия, а уж по части миниатюризации этих устройств успехи были достигнуты серьезные. Первый действующий образец активатора занял практически весь корпус плоскодонки, в которых теперь нередко осуществляли переброски. Там же находился и мотор-генератор, без которого запитать получившегося монстра оказалось решительно невозможно.

При работах с новыми самодельными датчиками ученые с прискорбием обнаружили, что вопросы автоподстройки усиления сигнала тоже решены неважно. Характеристика тракта меняется недостаточно плавно, из-за чего обнаружение маяков или не достигается, или изображение тонет в помехах, принимая за желаемое все что угодно. При стабильном же усилении, но ниже порога риска заполнить экран невнятной рябью, констатируется полное отсутствие маяков за исключением редких случаев, когда магнитное поле планеты ведет себя особым образом.

Причем такое поведение должно иметь место как здесь, на Мэлтере, так и там, на Земле. Грубо говоря, требуется сильная магнитная буря сразу в двух местах. А это непредсказуемо. Единственный выход — сидеть рядом с работающей аппаратурой и следить за наличием маяков. А потом необходимо успеть обернуться туда и обратно за короткое время, потому что, если геомагнитное поле успокоится хотя бы на одном из концов пути, метки пропадают и активатору некуда целиться. Дверка заперта. А уж на недели, на месяцы или на десятилетия — это как повезет.

Расчеты показали, что интервал может продолжаться и столетия, и считанные дни.

Смутил еще и тот факт, что зона захвата у этого устройства, по всем прикидкам, получалась огромная — он мог перенести квадрат территории размером пятьдесят на пятьдесят метров, поэтому для испытаний выбрали не площадку внутри усадьбы, а просторную горизонтальную луговину за ближним горным отрогом. Еще волновала неопределенность, связанная с интерпретацией работы трех выводов процессора. При исследовании образца напряжение на них менялось непонятным образом. После долгих экспериментов зависимости потенциалов от сигналов с датчиков установили, но если для двух, помеченных как стабилизаторы позиционирования, это удалось уверенно, то для третьего — помеченного словом «темпор» — с точностью до постоянного коэффициента,

значение которого пока никто не понял. Тут выставили значение наугад, сообразуясь с намерением соблюсти некоторую пропорциональность между соотношением силы сигнала с датчиков старого, еще Земного прибора и значениями, выдаваемыми новыми конструктивами.

И вот все готово. Просторная плоскодонка с тремя испытателями стоит на грунте и урчит мотором. Зрителей немного, здесь только люди, занятые в настройке и проверке оборудования.

Старший команды, убедившись, что на экране отмечен только один маячок, показывает жестом, что готов. Отмашка. Старт. Действительно, площадь перенесенной поверхности заметно больше. Вместо истоптанной при подготовке испытания травы — голая пыльная земля. И на ней...

— Люды! — Этот выдох исторгли разом несколько глоток.

С полсотни мужчин в коротких просторных, держащихся на бретелях, платьях до колен. У некоторых еще что-то наброшено на плечи. Отдельные личности — в железных шапках. Короткие мечи, длинные копья, прямоугольные щиты. Растерянно смотрят на зрителей, а потом, сноровисто сомкнув ряд, бросаются в атаку.

Ну у кого же из людей поднимется рука на люда? Развернувшись, все бросились наутек. Добежали до лошадей, вскочили в седла и, прихватив животных, на которых приехали испытатели, оторвались от погони.

Когда обернулись, увидели стоящую на старом месте лодку с активатором и в ней живых и здоровых испытателей, смотрящих вслед превратившейся в толпу шеренге, бегущей вслед за их товарищами. А за шеренгой вооруженных мужчин — толпа женщин, успевших покинуть зону переноса до возвращения посланцев.

— Поистине, удача улыбнулась нам так, как никогда, — Тарк счастлив. — Это означает — в квадрате прибытия оказалось именно то, что им требуется, да еще и до обратного обмена участками поверхности Земли и Мэлтера. К тому же толпа людов вышла из области, откуда была бы возвращена в пункт убытия при обратном перемещении лодки с аппаратурой. словно в тележке приехали, и вышли из нее до того, как та вернулась.

А испытатели уже пускают в спины добычи дротики с усыпляющим. Хорошие охотники. Быстро соображают. И Никон Глоб прямо на скаку вызывает из усадьбы охотников.

Отличных людов к ним перекинуло, вон уже сколько времени бегут и все никак не отстанут. Да как много сразу! Будут, будут рождения в Мэлтере. Даже если удача не повторится — все равно они сумеют добиться приплода от этого племенного материала и решат свои проблемы на ближайшие тысячелетия. Новому поколению быть.

Эпилог

Теплым февральским вечером на окраине Спасска, у обрыва с его восточной стороны, прогуливались двое. Один был известный всем русичам Защитник Слав. Другой — друг Защитника, недавно чудесным образом появившийся в Спасске, и его имя — Андрей Федорович — знали только несколько монахов да жена Защитника Ольга. В процессе прогулки Андрей что-то рассказывал, Защитник слушал. Потом Патрикеев замолчал, а старшина спросил:

— Значит, после того как наша бригада им вломила, эти людоеды больше не пытались силой забирать народ с Земли? Это хорошо.

— Это, Слава, как раз очень даже плохо, — покачал головой Петрик. — Потому как попытались бы — им бы еще добавили, уровень вооружений-то у агров несравним даже с самой занюханной армией нашего мира. Но они ведь торговать хотят. И с нашей стороны уже, кажется, встретили понимание.

— То есть как торговать, людей, что ли, покупать?

— Вот именно.

— Да кто же у вас там командует, если такое стало возможно?! У нас только римские патриции до такого додумались, да и то им недавно рога пообломали.

— Это и в семидесятые тоже было возможно — кстати, у власти сейчас либо тогдашние комсомольские работники, либо их дети. Правда, не сплошняком, есть и их духовные близнецы из других слоев общества. Вспомни нашего ротного комсорга — так он на их фоне может показаться даже в чем-то симпатичным человеком.

— Да ты что, такая гнида — и симпатичным?

— Это ты еще настоящих гнид не видел. А уж когда они дорвались до серьезной власти, из них получились такие патриции, что не чета вашим римским. Один даже ухитрился печатно заявить, что понижение пенсий ниже прожиточного минимума есть положительное явление — мол, от этого естественным путем произойдет оздоровление нации. Правда, его одернули, потому как рано еще народу говорить напрямую, кем его считает наша элита. А тут агры предлагают им по тридцать-сорок лет дополнительной жизни за двух человек. Вот так, поймал двух бомжей, или бичей, как они во времена нашей молодости назывались, сдал, получил дозу, и живи на здоровье еще плюс три десятка лет к отмеренному тебе сроку. Скажешь, тогда не нашлось бы, кому этим заняться? И сейчас тоже есть, просто больше. И желающих пожить за счет чужих жизней, и бомжей. Но это еще не самое страшное. Не только в одну сторону работает этот поганый механизм! За двух наших агры дают дозу для одного, ту самую, прибавляющую тридцать лет жизни. А наши, те, кто на самом верху и в курсе, за двух агров не пожалеют вообще ничего, что только будет в пределах досягаемости их лап! Потому что из них можно получить дозу совсем другого препарата, продлевающего жизнь человека лет как минимум на пятьсот, если не на тысячу.

— Так теперь что, наши тут начнут на агров охотиться? — офигел Малой. — Знаешь, они хоть и фашисты, но как-то оно... ну нельзя нам так, а то станем хуже них.

— Рады бы начать, но прыгать в этот мир они не умеют. Очень, конечно, хотят научиться, но пока не получается. Чего на меня так смотришь? Я — это не они. Не был даже отдаленно похожим и никогда не буду! Так вот, я — умею. Они — нет, и у меня есть возможность искусственно затянуть такое положение дел. Впрочем, это не остановит полет, так сказать, пытливого мысли лучших представителей человечества. Уже идут переговоры не о торговле людьми за суррогатный препарат, а о натуральном обмене. Агры хотят тысячу человек за одного своего, а наши предлагают двести. Ничего, думаю, где-то на пятистах сойдутся. Но и это еще не самое плохое...

— Господи, да что же хуже-то может быть? — чуть не взвыл старшина.

— Много чего, — хмуро глянул на него Патрикеев. — Ведь то, что у нас сейчас происходит, это инициатива небольшой группы лиц. Правда, очень влиятельных... Их мало, они получают десяток агров, переработают их на препарат и обретут долгую жизнь. Спрашивается, какую? По их понятиям, весьма хреновую. Потому как придется таиться, их свои же мгновенно из чистой зависти порвут, если узнают. А доз, полученных из агров, на всех не хватит! Просто потому, что агров мало, а уж отдадут они и вовсе ничтожную часть от общей численности. Значит, что? Уже начаты работы по синтезу этой гадости! И, по моим сведениям, такое вполне реально. Вот это и есть то самое страшное, что грозит человечеству.

— Но почему? — не понял Малой. — Все будут жить по пятьсот лет или даже по тысяче... Ну, со временем, конечно, может получиться перенаселение, но ведь тогда наверняка уже смогут и в космос летать, на Марсы там всякие, или еще чего придумают. Мэлтер, например, почти совсем безлюдный.

— Эх, Слава, да с чего же ты взял, что этот препарат получают все? Получают только полезные! Жаль, не застал ты конца восьмидесятых, когда всякие глашатаи перестройки как с цепи сорвались. Впрочем, в следующий раз я тебе видео захвачу, как их духовные наследники сейчас промывают народу мозги насчет демократии, прогресса и общечеловеческих ценностей. И ведь не такие уж большие деньги получают! А теперь представь себе, что им объявят: за верную службу будет вам по пятьсот лет жизни. Ох, как у

них вдохновение-то разыграется... Мигом объяснят, заразы, что со временем, конечно, долгую жизнь получают все, но процесс надо начинать с самых достойных. Комитет организуют какой-нибудь, где эти скоты в лучших традициях гласности будут вешать населению на уши развесистую лапшу. Конкурсы с голосованием, после которых люди с удивлением узнают, что, оказывается, это они навывирали в качестве первых кандидатов всяких губернаторов и телеведущих.

— Этих-то за что?

— В качестве премии за лучшее объяснение, почему долголетие должно распределяться в строгой зависимости от занимаемой должности и величины наворованного. Это, кстати, чем-то неожиданным для них не будет, ведь про медицинское обслуживание они что-то подобное уже объяснили, причем так, что кое-кто даже поверил. Но ведь народ — он пока еще не совсем дурак. Пока его нагревают на деньги, он терпит. Но когда начнут нагревать на жизнь — может и перестать. Так что я вижу всего два возможных пути развития данной ситуации. Мирный — это когда через пару сотен лет на Земле останется только нынешняя так называемая элита, ее холуи, обслуга, охрана и рабочие, производящие потребные этой элите вещи. И не мирный, который скорее всего быстро выльется во всемирную бойню. Который вариант хуже — это я пока сказать не могу. А вообще-то и агровский путь, когда долголетие в конце концов дали всем, тоже привел в тупик. Но даже если удастся как-то решить вопрос с детьми у долгоживущих, все равно мне последнее время весьма сомнительно, что человечество в его теперешнем виде переживет такой подарок.

— И что же мы будем делать?

— Думаю, будем жить, причем как люди. А вот подробности этого процесса еще подлежат уточнению.